

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

«Наука»

Москва

2017

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлеская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Поступающие в редакцию материалы отбираются редколлекцией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2017

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2017

© ФГУП Издательство «Наука», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

1

JANUARY — FEBRUARY

«Nauka»

Moscow

2017

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. Dobrovol'skij Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria Polinsky University of Maryland, USA
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. Testelest Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

All submitted materials are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia
 Telephone: +7 495 637-25-16
 E-mail: voprosy@mail.ru
 Website: <http://vja.ruslang.ru>
<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. Падучева (Москва). О семантике русского вида в дискурсивном контексте.....	7
Е. В. Горбова (Санкт-Петербург). Русское видообразование: словоизменение, слово-классификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии).....	24
А. Б. Летучий (Москва). Русские наречия со значением времени <i>только, только-только, только что</i> : значение недавнего прошлого и результативное значение	53
Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Г. М. Петрова (Бургас). Болгарские возвратные клитики <i>се</i> и <i>си</i> : омонимия, полисемия, синтаксис	74
М. Л. Кисилиер (Санкт-Петербург). Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: предварительные наблюдения и перспективы исследования.....	105

Рецензии

Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург). <i>В. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik (eds.). Competing motivations in grammar and usage. Oxford: Oxford University Press, 2014 ...</i>	137
М. М. Макарец (Москва). <i>А. А. Плотникова. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.....</i>	149
Д. В. Сичинава (Москва). <i>Е. В. Вельмезова. История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014.....</i>	154

CONTENTS

Elena V. PADUCHEVA (Moscow). On the semantics of Russian aspect in the context of discourse	7
Elena V. GORBOVA (St. Petersburg). Aspectual formation of Russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigramemes? (“sore points” of Russian aspectology revisited).....	24
Alexander B. LETUCHIY (Moscow). Russian adverbials with temporal meaning <i>tol'ko</i> , <i>tol'ko-tol'ko</i> , and <i>tol'ko čto</i> : Recent past meaning and resultative semantics	53
Elena Yu. IVANOVA (St. Petersburg), Galina M. PETROVA (Burgas). Bulgarian reflexive clitics <i>se</i> and <i>si</i> : Homonymy, polysemy, syntax	74
Maxim L. KISILIER (St. Petersburg). Lexical peculiarities of the Tsakonian dialect of Modern Greek: Preliminary observations and perspectives of study	105

Reviews

Dmitry V. GERASIMOV (St. Petersburg). <i>B. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik</i> (eds.). <i>Competing motivations in grammar and usage</i> . Oxford: Oxford University Press, 2014 ...	137
Maxim M. MAKARTSEV (Moscow). <i>A. A. Plotnikova</i> . <i>Slavyanskie ostrovnye arealy: arkhajka i innovatsii</i> [Slavic insular areas: Archaic and innovative features]. Moscow: Institute for Slavic Studies, 2016	149
Dmitri V. SITCHINAVA (Moscow). <i>E. V. Vel'mezova</i> . <i>Istoriya lingvistiki v istorii literatury</i> [The history of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014	154

О СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ВИДА В ДИСКУРСИВНОМ КОНТЕКСТЕ*

© 2017

Елена Викторовна Падучева

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва, 119333, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 109240, Российская Федерация; elena.paducheva@yandex.ru

В работе показано, что дискурсивное (временное) значение вида производно от его основного, внутрифразового, значения и зависит от положения **момента наблюдения**, ретроспективного или синхронного. Исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка. Исследовались четыре морфосинтаксические конфигурации с союзом *и*. В конфигурации «глагол СВ + союз *и* + глагол СВ» основное соотношение между перфективной и имперфективной ситуацией **секвентное**, но под влиянием контекста часто оказывается **одновременностью**. В конфигурации «глагол НСВ + союз *и* + глагол НСВ» основное соотношение одновременность, но, опять-таки, аспектуально-временная семантика глаголов может нарушать это соотношение. В пределах морфосинтаксической конфигурации «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ» основное соотношение секвентное. При этом отмечена невозможность ингрессивной интерпретации у русского имперфектива: момент наблюдения всегда приходится на срединную фазу имперфективной ситуации. В конфигурации «глагол НСВ + союз *и* + глагол СВ» временное соотношение между ситуациями менее определенное.

Ключевые слова: ингрессив, момент наблюдения, морфосинтаксическая конфигурация, одновременность, секвентное соотношение

ON THE SEMANTICS OF RUSSIAN ASPECT IN THE CONTEXT OF DISCOURSE

Elena V. Paducheva

Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; elena.paducheva@yandex.ru

It is demonstrated in this paper that the discourse meaning of aspect is derived from its ordinary sentence meaning and depends on the **moment of observation**, which is either retrospective or synchronous. The research was based on the Russian National Corpus. Four morphosyntactic configurations with the conjunction *i* 'and' were studied. In the configuration "Pfv verb + conjunction *i* + Pfv verb", the **sequential** relationship between the perfective and the imperfective situation prevails, but **simultaneity** very often arises as a consequence of the lexical and aspectual context. The configuration "Ipfv verb + conjunction *i* + Ipfv verb" yields simultaneity as the main relationship between the situations, but again aspectual and temporal semantics of the verbs may violate this relationship. In the scope of the morphosyntactic configuration "Pfv verb + conjunction *i* + Ipfv verb", the sequential relationship remains the main one. It should be noted however that the Russian imperfective does not allow for ingressive interpretation: the moment of observation always falls within the intermediate phase of the imperfective situation. In the configuration "Ipfv verb + conjunction *i* + Pfv verb", the temporal relationship between the situations is less clear.

Keywords: ingressive, moment of observation, morphosyntactic configurations, sequential relationship, simultaneity

* Статья написана при поддержке проекта РНФ № 14-18-03270.

Введение

Вид, если отвлечься от его функции выражения многократности, характеризует ситуацию по отношению к **моменту наблюдения** — в отличие от времени, которое, в своем основном значении, характеризует ситуацию по отношению к **моменту речи**. Ср. немецкий термин «Betrachtzeit», «момент наблюдения», который используется по отношению к виду и противопоставлен термину «Redezeit», «момент речи», который используется по отношению к времени; [Kratzer 1978; Bäuerle 1979] и др.

Общим свойством глаголов совершенного вида (СВ) является то, что они задают **ретроспективный взгляд** на ситуацию, иначе — ретроспективный **ракурс** (перевод термина «viewpoint» из [Smith 1997]); ретроспективную **точку отсчета** по Рейхенбаху; ретроспективную **перспективу** или ретроспективную **позицию наблюдателя** в терминах [Падучева 1986; 1996: 12, 269]. На ретроспективную позицию наблюдателя у глагола СВ указывает, например, отсутствие у глагола СВ формы настоящего времени — настоящее время порождает синхронного наблюдателя.

Глагол несовершенного вида (НСВ) может выражать синхронный и ретроспективный ракурс в прошедшем времени; синхронный и проспективный в будущем [Падучева 2010]. Но в настоящем времени, при речевом, т. е. не нарративном, режиме интерпретации, глагол НСВ выражает однозначно **синхронный** ракурс — синхронную точку отсчета. Синхронная точка отсчета была понята как одновременность моменту наблюдения (см. о моменте наблюдения [Гловинская 1982: 128]).

Основной ракурс несовершенного вида — синхронный. Несинхронные ракурсы характеризуют так называемое общефактическое значение, которому соответствует ретроспективный ракурс в прошедшем времени и проспективный в будущем.

Речь будет идти о роли ракурса в **дискурсивном** контексте употребления языка: обычный контекст, **внутрифразовый**, — это контекст изолированного высказывания.

Общепризнанным считается тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события, а формы НСВ — **одновременные**. Этот факт считается отдельным, независимым семантическим свойством глаголов СВ и НСВ. Между тем можно показать, что дискурсивные свойства глаголов СВ и НСВ являются прямым следствием их значений внутри фразы, т. е. в отдельном независимом высказывании. Исследование было проведено на базе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Рассматривались конфигурации, возникающие на базе сочинительного союза *и*. Начнем с глаголов совершенного вида.

1. Конфигурация «глагол СВ + союз *и* + глагол СВ»

Форма совершенного вида обозначает событие и предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» перфектного (т. е. финального) состояния события. Перфектное состояние, в случае обычного, не моментального глагола, отстоит во времени от начального состояния. Отсюда тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события: следующее событие начинается тогда, когда кончается предыдущее. Точнее говоря, начало следующего события приходится на конец (а именно, на перфектное состояние) предыдущего. Например:

- (1) Медвежонок *схватил* веник, *подмел*. Ежик *распахнул* дверь. Все трое ⟨инопланетян⟩ *вошли* и *поздоровались* [Сергей Козлов. Новогодняя сказка // «Мурзилка», 2003].

Однако это не всегда так: сочиненные глаголы СВ могут, в определенных контекстах, обозначать одновременные события. Так, в (2) события *вздрыгнул* и *уронил* моментальные (не обычные), и они, скорее всего, одновременны:

- (2) Первоклассник, стоявший рядом с ее кабинетом, *вздрыгнул и уронил* на пол деревянный пенал [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

Причинно-следственные отношения затемняют временные; так, в (3), скорее всего, *сломает* не после того, как *упадет*, а одновременно:

- (3) Дождутся эти пьяницы, что он у них куда-нибудь опять *упадет и ломает* себе шею [Андрей Геласимов. Жанна (2001)].

Последовательность получается в силу принципа «propter hoc ergo post hoc», которому следовать не обязательно.

Сочиненные глаголы СВ обозначают одновременные события, если есть обстоятельство времени или длительности, общее для двух предикаций:

- (4) Выходит, надеяться на женскую снисходительность Аркину не приходится, и вообще он *выдохся и подустал за сегодняшний день* [Дарья Симонова. Без Россини (2002)].
- (5) Ляля сразу сдала, *в один год расплзлась и постарела* [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997—2002)].

Глаголы изменения состояния часто обозначают одновременные события:

- (6) Мне кажется, что я *оглох и ослеп* [Владимир Спектр. Face Control (2002)].

Интерпретация одновременности поддерживается в (6) общей пропозициональной установкой: *кажется*. В частности, это могут быть эмоциональные состояния:

- (7) ...все ужасное, что случилось когда-то на полигоне, так *напугало и растрогало* Абдулку, что после всякая всячина производила на него именно это впечатление вечности [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

В примере (8) конфигурация «глагол СВ + союз *и* + глагол СВ» тоже не выражает временной последовательности событий. Дело в том, что первый СВ — это глагол интерпретации; он обозначает то же событие, что второй:

- (8) Не было случая, чтобы он рассчитал неправильно, *ошибся и отпустил* жертву целой и невредимой [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)].

То же в примерах (9), (10):

- (9) Не усыновлять же, в самом деле, — шипел Антон, надеясь, что Елена *смилоstitвится и подскажет*, как быть [Дарья Симонова. Без Россини (2002)].
- (10) Только мальчик *изловчился и куснул* себя за локоть [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

Глаголы с начинательным значением и делимитативы тоже часто обозначают одновременные события (см. об этом [Гловинская 1982; Падучева 1996: 363]). NB общее подлежащее:

- (11) Вдруг он *засмеялся и замахал* руками [Ю. Коваль. Сиротская зима (1980—1993)].
- (12) а. Если бы ты знал, как я жду тебя и как счастлива была бы раскрыть перед тобою свое сердце, *поплакать и повспоминать* [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)].
- б. Надо бы, конечно, выключить плитку, *посидеть и подумать*, как же мне жить дальше [Юрий Коваль. Чайник (1980—1993)].

Эти примеры показывают, что не обязательно два сочиненных глагола СВ обозначают последовательные события. Чтобы обозначать последовательные события, недостаточно, чтобы два глагола были глаголами СВ, т. е. имели ретроспективный ракурс. Нужно еще, чтобы начало следующего события приходилось на перфектное состояние предыдущего. А в примерах (2)—(10) у первого и второго события наступление перфектного состояния приходится на один и тот же момент времени; в (11), (12) под сомнением перфектное состояние.

Ретроспективный ракурс глагола СВ обеспечивает то, что начало следующего события приходится на перфектное состояние предыдущего: события выстраиваются в последовательность. Одновременность возникает в том случае, если оба события наблюдаются из одной и той же точки — имеют один и тот же момент наблюдения.

2. Конфигурация НСВ + союз *и* + НСВ

В обычном случае сочиненные глаголы НСВ выражают одновременные ситуации:

(13) Они оба *курили и смотрели* на мои окна [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)].

Сомнения может вызвать пример (14), НВ *потом*:

(14) И вот какая-то линия *идет*, потом *загибается и заканчивается*, а мне нужно просто ее точно так же провести... [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

В примерах (15), (16) настоящее историческое. Глаголы несовершенного вида имеют событийное значение, как глаголы СВ, и потому отношение между ситуациями — временная последовательность, «секвентность» (термин из [Барентсен 1998]):

(15) Он вручает гардеробщику плащ, *размахивается и дает* ему кулаком в морду [Ordinamenti (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06].

(16) Один *поднимает* голову *и говорит*: «В этот раз совсем близко рвануло» [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

В (17) глагол НСВ выражает многократность. В каждом отдельном раунде глаголы имеют событийное значение (*нырнул и поплыл, взяла <журнал> и пошла*), поэтому на микроуровне видна последовательность:

(17) Слоненок стремительно *нырял и плыл* под водой, выставив наружу хобот, как перископ подлодки [Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003].

(18) Ирина *брала* журнал *и шла* на урок [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

Последовательность возникает также в том случае, если глаголы НСВ выражают одноименный процесс:

(19) А жизнь-то все *тянулась и тянулась*... [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Или если глаголы НСВ одноименные, но различаются по времени:

(20) Что он целиком и полностью *поддерживал и поддерживает* внешнюю и внутреннюю политику партии, интернациональную помощь братскому афганскому народу [Василь Быков. Бедные люди (1998)].

В (21) повествование ведется в наглядно-примерном ключе; возникает последовательность: *<вы> затянулись*, потом *кашляете*, потом еще *кашляете*:

(21) Потом вам дают сигарету, а вы некурящий..., но все равно машинально *затягиваетесь и кашляете..., кашляете* [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

Синхронный ракурс, свойственный глаголу НСВ, обеспечивает то, что в нормальном случае момент наблюдения не движется, как в примере (13). Если же он сдвигается, то возникает временная последовательность.

Итак, в конфигурации «глагол НСВ + союз *и* + глагол НСВ» дискурсивное значение вида вытекает из его внутрифразового значения. Синхронное значение у соположенных или сочиненных глаголов несовершенного вида вытекает из синхронного ракурса, свойственного глаголам несовершенного вида. Но аспектуально-временная семантика глагола может нарушать это соотношение.

3. Конфигурация «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ»

Как следует из сказанного в разделах 1 и 2, общий тезис о том, что соположенные или сочиненные формы НСВ выражают **одновременные** процессы или состояния, а соположенные или сочиненные формы СВ выражают **последовательные** события, нуждается в уточнении. Но это не отменяет того обстоятельства, что при одинаковых видах дискурсивное значение вида выводимо из внутрифразового.

Возникает вопрос, что происходит при соположении или сочинении **разных** видовых форм. Была рассмотрена морфосинтаксическая конфигурация «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ».

Известно отличие русского языка (и других восточнославянских) от западных славянских, в частности от чешского, состоящее в том, что форма прошедшего времени несовершенного вида с секвентной функцией в чешском нормальна, а в русском языке считается маргинальной. В [Петрухина 2000: 84]¹, приводятся примеры (22а), (23а), anomальные — здесь даются буквальные переводы на русский чешских фраз, где формы НСВ вполне нормативны:

(22) а. *Он **схватил** меня за руку и *тянул*.

(23) а. *Увидев, что все бесполезно, я **замолчала** и *молилась*.

По-русски вместо (22а) надо сказать (22б), вместо (23а) — (23б):

(22) б. Он **схватил** меня за руку и *стал тянуть* (или: и *потянул*).

(23) б. ...я **замолчала** и *стала молиться*.

Т. е. в русских переводах надо выразить начинательность — заменить сочетание «глагол СВ + глагол НСВ» на два глагола СВ.

Однако если задать в НКРЯ конфигурацию «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ», то выдается больше 13 тыс. примеров. Так что конфигурация «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ» в русском языке активно воспроизводится. Задача — выяснить, как она понимается. (Близкая задача была поставлена в докладе [Князев 2014].)

Форма НСВ в актуально-длительном значении предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» ситуации [Падучева 1996: 363]. Именно так интерпретируется несовершенный вид, скажем, в примере (13). Значит, проблема в том, чтобы понять, как обеспечивается синхронный момент наблюдения у глагола НСВ в составе нашей конфигурации.

Рассмотрим три возможности, которые соответствуют трем акциональным классам глагола НСВ — это может быть состояние, неагентивный процесс и деятельность (агентивный процесс).

3.1. Глагол НСВ выражает состояние

Момент наблюдения для глагола НСВ задается глаголом СВ. Ситуация, выраженная глаголом НСВ, связана отношением одновременности либо с **событием**, выраженным

¹ См. об этом также [Dickey 2000: 204 ff.].

глаголом СВ, либо с перфектным состоянием этого события. Термин «событие» может пониматься в узком и в широком смысле — включая перфектное состояние:

а) Если имеет место одновременность событию (в узком смысле), то имперфективная ситуация **одновременна** перфективной.

(24) **К тому моменту** мы уже *подружились и питали* друг к другу нежные чувства [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

(25) Он почти *выздоровел и собирался* уйти к партизанам, **когда** немцы напали на его след [Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»].

В примерах (24) и (25) момент наблюдения, общий для двух ситуаций, задан обстоятельством времени (*к тому моменту* в (24), *когда ...* в (25)).

б) Если наблюдается одновременность перфектному состоянию, то имперфективная ситуация наступает после перфективной, **секвентное** отношение между ситуациями (одновременно перфектному состоянию — значит после события в узком смысле):

(26) Такое сравнение он *придумал и гордился* его художественностью [И. Грекова. Фазан (1984)].

(27) Я уже *разобрался и знал*, что все это — бесчисленные и разнородные тетки и бабки Людмилы и покойной Ани [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

У глагола СВ *устать* фактически нет событийного значения — он обозначает только перфектное состояние. Так что в (28) состояние, обозначенное глаголом НСВ, одновременно состоянию, обозначенному глаголом СВ:

(28) ...повторю, я просто *устала и хотела* немного отдохнуть [Андрей Митьков. Мороз по коже // «Известия», 2003.01.08].

Состояния не имеют четкого начала, так что о начинательности в значении формы НСВ речи нет: имперфективная ситуация наблюдается изнутри, в своей срединной фазе.

3.2. Глагол НСВ выражает неагентивный процесс

(29) Но оно (солнце) *взошло и подсвечивало* влажные валы тумана, а от ручья по низкому лугу тянулся запах таволги и хвоща [Юрий Коваль. Гроза над картофельным полем (1974)].

НСВ *подсвечивало* выражает одновременность процесса перфектному состоянию события, обозначенному глаголом СВ, т. е. это процесс, наступающий после события в узком смысле (солнце сначала *взошло*, потом *подсвечивало*). Отношение между ситуациями секвентное.

Показатели начинательности (*стало подсвечивать*) изменили бы смысл предложения — тогда ситуации были бы представлены как последовательные во времени события, а не как событие и последующий процесс.

В предложении (30) нет идеи следования во времени: глагол СВ *свалялась* имеет акцент на перфектном состоянии (как *устал*).

(30) Она жестоко исхудала, грязно-бурая шерсть на ней *свалялась и висела* клоچьями [Юрий Коваль. У Кривой сосны (1979)].

Имеет место одновременность двух состояний — перфектного состояния глагола СВ *свалялась* и стативной ситуации, обозначаемой глаголом НСВ *висела*. Момент наблюдения приходится на середину имперфективной ситуации и перфектного состояния перфективной.

Выразить начинательность в составе имперфективной пропозиции может быть категорически невозможно. Во-первых, в том случае, если у глагола СВ акцент на перфектном состоянии и нет событийной семантики (как и в *устать*), ср. *утомились* в (31).

(31) Волшебные черные кони и те *утомились* и *несли* своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)].

В (32) нельзя выразить начинательность (**стал валяться*), поскольку *валяться* — состояние, а состояния не имеют отчетливого начала:

(32) ...роговой гребень из головы ее *выпал* и *валялся* у ног на полу [Роман Шмараков. Кармистка кисти Клотара // «Сибирские огни», 2013].

В итоге во всех примерах момент наблюдения приходится на срединную фазу имперфективной ситуации.

3.3. Глагол НСВ выражает деятельность, т. е. агентивный процесс

Чаще всего здесь имперфективная ситуация одновременна перфектному состоянию события, так что между перфективной и имперфективной ситуацией отношение секвентное:

(33) «Мы *обнялись* и *плакали* непонятно от чего», — вспоминал потом Володя [Сати Спавакова. Не всё (2002)].

Если выразить начинательность, получится другой смысл: (33) ≠ *обнялись* и *заплакали*; и ≠ *обнялись* и *стали плакать*. Деятельность представлена в своей срединной фазе, а начальная фаза пропущена.

Аналогично в (34)—(36):

(34) — Как это нет?.. — он *замолчал* и *смотрел* на меня в полном изумлении [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)] (поскольку он смотрел молча, значит между ситуациями отношение следования).

(35) С готовностью *застыл* и *дождался* по стойке «смирно» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

(36) Оба швейцара (один пил кофе, а другой — чай) *напились*, *оделись* и *ждали* девяти часов, когда приносят письма и газеты [И. А. Гончаров. Май месяц в Петербурге (1891)].

В примере (37), как и во всех предыдущих, момент наблюдения приходится на середину имперфективной ситуации. Момент, в который Петр Сергеевич *сел* у стола, опущен в описании происходящего. Отношение между ситуациями секвентное.

(37) Петр Сергеевич уже *проснулся* и *сидел* у стола, почесываясь и перелистывая старый номер «Пути», который Андрей выменял вчера у цыгана на банку пива, но так и не стал читать [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)].

В (38) можно было бы сказать *и стала знакомиться*, но это был бы другой смысл.

(38) Она **тогда** только что *приехала* и *знакомилась* с нашим учебным музеем [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)].

Отметим *тогда*, которое задает момент наблюдения, общий для перфективной и имперфективной ситуации. Между событием и деятельностью было бы отношение временного следования — если бы не общее *тогда*, которое выражает одновременность.

Хорошо чувствуют себя в контексте конфигурации «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ» глаголы, обозначающие неактивную деятельность: *сидеть*, *стоять*, *ждать*; момент наблюдения находится в срединной фазе имперфективной ситуации, см. пример (33).

Если же глагол НСВ обозначает активную деятельность, то начальную фазу ситуации часто нельзя опустить и сразу оказаться в срединной.

Приходится выразить начинательность, которая дает глагол СВ и новый момент наблюдения. Так, в (39) лучше сказать *лег и стал пить воду*; в (40) лучше сказать *вернулся и стал топтать*; и т. д.

- (39) Когда они вышли к Волге, парень *лег и пил воду*, а напившись, бережно стряхнул на ладонь капли с ватника и слизал их, как голодный крошки хлеба [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].
- (40) Он *вернулся и топал* по палубе каблуками [Б. С. Житков. «Мираж» (1935)].
- (41) И бросился Христо в озеро, *лег и греб* под себя золото [Б. С. Житков. Элчан-Кайя (1926)].
- (42) Она постояла немного и грациозно, как балерина, прыгнула в другую сторону, опять *стала и глядела* все в одну точку [М. М. Пришвин. Кэт (1925)].
- (43) Кондуктор *замолчал и оглядывал* его с ног до головы [В. В. Вересаев. В степи (1901)].
- (44) Силослав очень тому *удивился и спрашивал* их, откуда они [М. Д. Чулков. Пересемешник, или Славенские сказки (1766—1768)].
- (45) *Она *сняла и протирала* очки [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26—51 (1968) // «Новый Мир», 1990].

Надо сказать: *Она сняла очки и стала их протирать*.

В переводах (22а), (23а) из чешского языка глаголы НСВ как раз обозначают активную деятельность. Примеры (39)—(45) неудачны по той же причине: в некоторых контекстах глаголы НСВ активной деятельности не способны выступать в секвентной функции с опущенной начальной фазой.

Между тем пример (46) имеет интерпретацию, при которой начальная фаза деятельности опущена (то же в примере (47)):

- (46) Петр *выскочил и шел* по пояс в воде, своими руками помогая тащить судно [А. С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835—1836)].
- (47) Опустившись на четвереньки, дети сидели в зале одни, но уже неумолимо приближалась команда уборщиц с зычными голосами, они *вошли и двигались* по проходам к сцене [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

В отличие от примеров (39)—(45), здесь нет необходимости в выражении начинательности.

3.4. Предварительные итоги

В пределах морфосинтаксической конфигурации «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ» временное соотношение между ситуациями достаточно хорошо предсказывается на базе семантики вида в изолированном высказывании — аналогично тому, как оно предсказывается в конфигурациях «глагол СВ + союз *и* + глагол СВ» и «глагол НСВ + союз *и* + глагол НСВ», см. [Маслов 1984; Падучева 1996: 362—364] и др.

Правило 1. Если у глагола НСВ момент наблюдения приходится на перфектное состояние глагола СВ, то возникает отношение **временной последовательности** между перфективной и имперфективной ситуацией, например:

- (48)=(26) Такое сравнение он *придумал и гордился* его художественностью.
- (49)=(29) Но оно (солнце) *взошло и подсвечивало* влажные валы тумана, а от ручья по низкому лугу тянулся запах таволги и хвоща.

(50)=(33) «Мы *обнялись и плакали* непонятно от чего», — вспоминал потом Володя.

Момент наблюдения приходится на срединную фазу имперфективной ситуации. Введение показателей начинательности дает несинонимичный результат: *обнялись и плакали* не то же, что *обнялись и начали плакать*.

Правило 2. Если у глагола НСВ момент наблюдения приходится на событие, обозначаемое глаголом СВ, то возникает отношение **одновременности** между перфективной и имперфективной ситуацией. Это происходит в контексте обстоятельства времени, относящегося одновременно к событию и к состоянию-процессу.

(51)=(24) **К тому моменту** мы уже *подружились и питали* друг к другу нежные чувства.

(52)=(25) Он почти *выздоровел и собирался* уйти к партизанам, **когда** немцы напали на его след.

(53)=(38) Она **тогда** только что *приехала и знакомилась* с нашим учебным музеем.

См. также примеры (57)—(59).

Кроме того, значение одновременности возникает в контексте стативного глагола СВ, который не имеет событийного компонента:

(54)=(30) Она жестоко исхудала, грязно-бурая шерсть на ней *свалялась и висела* клочьями.

Иногда начальная фаза ситуации не может быть опущена. Это возможно в основном в том случае, когда глагол НСВ выражает деятельность. Возникает аномалия или, во всяком случае, шероховатость, для устранения которой приходится заменить глагол НСВ на соответствующий начинательный (или на сочетание с начинательным значением), см. примеры (39)—(45).

А иногда начальная фаза опущена, см. примеры (46), (47). У глагола деятельности возникает свой момент наблюдения в середине имперфективной ситуации. Возникает вопрос, почему в одних контекстах для сдвига момента наблюдения желательно употребить глагол СВ, т. е. выразить начинательность, как в примерах (39)—(45), а в других, как в примерах (46), (47), пропуск начальной фазы деятельности допустим. На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в разделе 3.5.6.

В изолированном высказывании категория вида всегда имеет то или иное значение, грамматически обязательное. Между тем дискурсивное значение (одновременность vs. секвентность) возникает не обязательно. Там, где между предикациями существует причинно-следственная связь, она затемняет временное соотношение:

(55) Станцию почти каждый день обстреливали тяжелые немецкие орудия, — немцы наловчились, *пристрелялись и летели* снаряды метко, по стенам цехов, грохот разрывов то и дело потрясал землю [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

В (56) конъюнкция двух пропозиций; по умолчанию отношение между ситуациями — одновременность.

(56) Ох ты господи, да Метальников, к вашему сведению, еще до революции во Францию *ухал и заведовал* в Институте Пастера отделом [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Подтверждается тезис о том, что глагол НСВ в актуально-длительном значении в русском языке предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» ситуации: примеры (39)—(45) демонстрируют невозможность употребления НСВ в ингрессивном значении в русском языке.

«Сопrotивление ингрессивной интерпретации отличает русский НСВ прош. от многих претеритальных форм других языков, например, от простого прошедшего в английском; ср. пример из [Carlson 1981]: *At sunrise I walked eastward* — букв. ‘Когда солнце встало, я шел на восток’; по-русски надо сказать *я пошел на восток*» [Падучева 1996: 364].

Не вполне ясно, какое частное видовое значение имеет НСВ в секвентном контексте, как в примере (33). Можно было бы предположить, что это актуально-длительное, прогрессив; однако в (33) нет показателя включенного времени, характерного для актуально-длительного значения.

3.5. Побочные факторы

Теперь, когда общая картина обрисована, можно обсудить детали.

3.5.1. Единое обстоятельство времени

Единый для СВ и НСВ момент наблюдения может быть задан обстоятельством времени. Тогда нет никакого сомнения в том, что момент наблюдения для имперфективной ситуации приходится на событие перфективной и между двумя ситуациями отношение одно-временности:

- (57) Он **теперь** *разделся и стоял* в трусах [Фазиль Искандер. Рассказ о море (1962)].
- (58) **Теперь** этот офицер *пришел и ждал* отца в кабинете [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943—1958)] ≠ *стал ждать*.
- (59) Но потом, **когда** *отужинили и сидели* сумерничая, она сказала: [Борис Екимов. Пиночет (1999)].

См. также примеры (24), (27) и (38).

- (60)=(24) **К тому моменту** мы уже *подружились и питали* друг к другу нежные чувства.
- (61)=(25) Он почти *выздоровел и собирался* уйти к партизанам, **когда** немцы напали на его след.
- (62)=(38) Она **тогда** только что *приехала и знакомилась* с нашим учебным музеем.

Так, в (24) имеет место одновременность событию; т. е. не последовательность (сначала подружились, потом питали чувства), а одновременность. И это из-за общего обстоятельства времени.

Между тем в (63), (64) *теперь* стоит при глаголе НСВ и задает новый момент наблюдения для имперфективной ситуации. Здесь *теперь*, напротив, задает точку отсчета, сдвинутую с перфектного состояния глагола СВ и перенесенную вперед:

- (63) Солнце постепенно *переместилось и било* **теперь** в правые окошки вместо левых [И. Грекова. На испытаниях (1967)].
- (64) Он сразу *преобразился и смотрел* **теперь** на нас несколько сверху, любовно, отечески строго [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].

Кажется, что в (65) есть подразумеваемое *теперь* — возникает новый момент наблюдения, не тот, который находится в перфектном состоянии глагола *переправили*:

- (65) Деньги за квартиру они Насте *переправили* и *теперь* *собирались* уезжать [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

В (66) у глагола НСВ определенно свой момент наблюдения, поскольку он имеет свое обстоятельство времени:

- (66) ...хутор Зоричев, где *родились и жили* **когда-то в ранней младости** [Борис Екимов. Пиночет (1999)].

3.5.2. Обстоятельство длительности

Обстоятельство длительности превращает длящийся процесс в законченный, т. е. в событие. Это объясняет безупречность сочетания СВ и НСВ в примерах (67)—(72), где возникает значение временной последовательности:

- (67) Он тяжело *вдохнул и молчал*, наверное, **целую минуту** [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)].
- (68) Он снова *замолчал и молчал так долго*, что Яков спросил... [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, ч. 4 (1978)].
- (69) В этом счастливом состоянии я *уехал и пребывал* в нем **до самого приезда Сони** [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)].
- (70) Кямал *заснул и плакал во сне* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].
- (71) Простить тех выношенных, намеренно-обидных слов невестке, которую, когда-то красивую, двадцатичетырехлетнюю, впервые пришедшую в их дом еще старшеклассницей, мама так *полюбила и хранила* эту любовь **очень долго**, видеть ее уязвленная женщина больше не смогла [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].
- (72) Кошка страшно *обиделась и отказывалась* общаться **недели две** [Иван Давыдов. Слова и кошки // «Русская жизнь», 2012].

3.5.3. Специальные глаголы

В (73)—(76) глаголы НСВ особые: они семантически близки к парному СВ (*продолжал ≈ продолжил, просили ≈ попросили, начинало ≈ начало*), так что сочетание СВ + НСВ со значением временной последовательности так же законно, как сочетание двух СВ:

- (73) Павел взглянул на нее, (...) секунду *помолчал и продолжал* говорить: [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].
- (74) Вилка самодовольно улыбнулась, вспоминая этот эпизод, но тут же снова *нахмурилась и продолжала...* [Светлана Коровина. Ее острейшее величество // «Трамвай», 1990].
- (75) В проходной шестого подъезда его *остановили и просили* оставить портфель [Людила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000].
- (76) Все *поглотилось и начинало* уже усваиваться, кофе мелкими глотками довершал поздневечернюю трапезу вдовца, на экране заглушенного телевизора двигались и жестикулировали представители рабочего класса и научно-технической интеллигенции [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

В текстах Пушкина встречается несколько глаголов, употребленных в НСВ там, где сейчас нужна была бы форма СВ:

- (77) Сергеев *прибыл и требовал* от нее выдачи изменника [А. С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835—1836)].
- (78) Батюшка к нему *подошел и благодарил* его с видом спокойным, хотя и тронутым [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)].
- (79) В сенях я *остановился и просил* у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... [А. С. Пушкин. Станционный смотритель (1830)].
- (80) Шабашкин, видя, что он не в духе, *поклонился и спешил* удалиться [А. С. Пушкин. Дубровский (1833)].

- (81) Ибрагим *согласился и спешил* обратить разговор к предмету, более для него занимательному [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)].
- (82) Вскоре я *выздоровел, и мог* перебраться на мою квартиру [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)].

Тут налицо изменение нормы относительно выбора члена видовой пары.

3.5.4. У СВ и НСВ разные субъекты

В (83)—(86) у СВ и НСВ разные субъекты — обычно в этом случае союз *и* не выражает временной последовательности, так что момент наблюдения единый (это значение простого перечисления по [Урысон 2011]):

- (83) К тому же дорогу *замело, и сыпал* снег [Андрей Колесников. Бублики Мондео (2002) // «Автопилот», 2002.01.15].
- (84) Здесь снег опять *кончился и зеленела* трава [Фазиль Искандер. Святое озеро (1969)].

Однако в (85), (86) у глагола НСВ свой момент наблюдения. В (86) новый момент наблюдения задает *теперь*.

- (85) ...мяч, попав в штангу, *отскочил и добивал* его в сетку кто-то другой [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].
- (86) Деньги, заработанные на гастролях, быстро *кончились, и жили* они **теперь** с Лешей одной бедняцкой семьей [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000].

В (87) имперфективная ситуация синхронна перфектному состоянию перфективной; временное соотношение секвентное:

- (87) Печка давно *умолкла, и становилось* прохладно [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].

3.5.5. Отрицание при глаголе СВ

Пропозиция с отрицанием часто не имеет временной локализации, поэтому неясно, единый ли здесь для двух ситуаций момент наблюдения (на перфектном состоянии) или два, неизвестно как расположенных во времени. Соотношение между пропозициями — конъюнкция:

- (88) Ведь в противном случае она государство *не обманула и получала* пенсии законно [Сергей Николаев. Отцовство после смерти (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20].
- (89) Но Краснянский словно *не услышал и продолжал* горячо говорить про многомиллионные закупки зерна за рубежом как последствия коллективизации [Василь Быков. Бедные люди (1998)].
- (90) А я этого, дурак, *не понял и трепался* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)].
- (91) Отец, впрочем, *не обиделся и смеялся* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)].

3.5.6. Перфективная ситуация — начальная фаза имперфективной

Конфигурация «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ» часто реализуется в контексте, где глагол НСВ выражает ситуацию (состояние, процесс или деятельность), которая является

непосредственным продолжением той ситуации, которая возникает в результате события СВ. (Примеры этого рода были и раньше.)

- (92) Он *сел и сидел*, смотря на них всех, затаившийся, радостно-злой, готовый взорваться по первому поводу [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)].
- (93) И она встала. Она *встала и стояла* на одной ноге, обняв одной рукой его за шею и пошатываясь [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)].
- (94) Более того, на соседней верхней полке уже *улегся и спал*, храпя и свесив волосатую руку с часами, какой-то мужик [И. Грекова. В вагоне (1983)].
- (95) Я сам *родился и рос* в Париже [Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире (1992)].
- (96) Он был бодрым и бдительным стражником, охранявшим жизнь непостижимого существа языка Платонова, которое *родилось и обитало* в нем [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001].
- (97) Володе в свое время поступали угрозы от Мовлади Удугова за то, что он *создал и под-держивал* антитеррористический сайт «Чечня.ру», — говорит Владимир Александрович [Елена Лория. Владимира Сухомлина могли убить офицеры милиции (2003) // «Известия», 2003.01.12].
- (98) Банк *купил и держал* ротмистр Кремнев [Б. А. Пильняк. Простые рассказы (1923)].

В принципе, можно и здесь усмотреть синхронность имперфективной ситуации перфектному состоянию перфективной и, как производное, отношение временной последовательности.

Можно думать, эта группа примеров позволяет объяснить примеры (46), (47): начальная фаза деятельности в примерах (46), (47) не пропущена — она выражена событием, которое задает глагол СВ, ср.: *выскочил и шел* в (46), *вошли и двигались* в (47)².

4. Конфигурация «глагол НСВ + союз *и* + глагол СВ»

В обычном контексте момент наблюдения для имперфективной ситуации находится в ее середине. В данной конфигурации момент наблюдения у имперфективной ситуации сдвигается к концу и граничит с моментом наступления (начала) события. Можно различить три типа связи между имперфективной и перфективной ситуацией, из которых только один имеет дело с временными параметрами ситуаций, а два других не имеют.

1. Временная последовательность: перфективная ситуация после имперфективной; момент наблюдения в имперфективной ситуации не фиксирован; глагол СВ устанавливает новый момент наблюдения, который приходится на момент наступления события. Перфективная ситуация наступает после конца имперфективной, прерывая ее:

- (99) ...сам Колюня не видел ни одного человека, который бы *жил и умер* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].

В примере (100) важную роль играет обстоятельство длительности: оно придает глаголу несовершенного вида событийное значение — получается как бы два события, для которых естественно быть связанными отношением временного следования.

- (100) И еще про тебя — где, говорит, этот придурочный, она тебя типа *полчаса ждала и уехала*, а теперь звонит — так у тебя нет никого [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

² Это предположение принадлежит Н. М. Стойновой.

Перфективная ситуация часто означает просто прекращение имперфективной и в этом смысле наступает после имперфективной:

- (101) Более того, они ругались матом, *орали* и *перестали* только после того, как я пригрозила, что выброшу компьютер, если это не прекратится [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004].
- (102) Теперь ей хотелось собрать воедино все то, что она *знала* когда-то и *забыла* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000].
- (103) Поняв, что слова бессильны и решения своего Дор не отменит, Андрей Николаевич церемонно простился, и когда шел к выходу, левый глаз Дора *преследовал* его и *отстал* только на институтском дворике [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

В (104), (105) к тому же есть обстоятельство длительности при глаголе НСВ:

- (104) Он *говорил* **недолго** и скоро *замолчал*, и я вдруг вспомнил тот крик [Юрий Коваль. Сиротская зима (1980—1993)].
- (105) Они **долго** *выясняли* отношения и *помирились* на том, что Новиков предложил поехать на новое положение и выпороть шомполами Неудобнова [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)].

Момент наступления события может примыкать к концу интервала, занимаемого имперфективной ситуацией, если у имперфективного глагола несовершенный вид имеет общефактическое значение или по смыслу обозначает законченную ситуацию. Тогда тоже между ситуациями возникает отношение временного следования.

- (106) Его *судил* трибунал и *приговорил* к расстрелу [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000].
- (107) Несколько лет назад Счетная палата *проводила* проверку и *выяснила*, что долги возвращали негодным ширпотребом, некоторые вообще прощали [«Аргументы и факты», 2003.01.22].
- (108) Кстати, добавим, что в представлении в Нобелевский комитет, написанном Хвольсоном, прямо указывается: Ландсберг и Мандельштам *наблюдали* и *объяснили* то же явление...» [В. Л. Гинзбург, И. Л. Фабелинский. К истории открытия комбинационного рассеяния света // «Вестник РАН», 2003].

2. Причинно-следственная связь между ситуациями: перфективная ситуация — следствие имперфективной; временная последовательность нерелевантна:

- (109) Наверное, я на боку *лежал* и *сдавил сердце* [Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)].
- (110) Он хорошо *готовил* и *переквалифицировался* в повара [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].
- (111) На перекрестке *стояло* такси, и он *поднял* руку [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943—1958)].
- (112) В то утро *шел* дождь, и Травкин *решил* дать отдых разведчикам [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)].
- (113) Что теперь надо расплачиваться сполна — это братья *понимали* и *привезли* старого друга к себе [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].
- (114) Но *шло* время, и он *увидел*, что дело не только в нескольких садистах [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Адвербиальный модификатор в имперфективной пропозиции способствует событийному ее пониманию, но секвентного отношения все-таки не возникает — отношение только причинно-следственное:

(115) Очередь *продвигалась быстро*, и Женя *подумала*, что это нехорошо, — наверное, ответы были формальные, односложные [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)].

Как и в случае двух глаголов СВ, временная последовательность получается лишь в силу принципа «propter hoc ergo post hoc», поскольку основная связь между пропозициями причинно-следственная.

3. Конъюнкция пропозиций — и та, и другая ситуация имеет место:

(116) Программу первого класса Таня прошла дома. Она хорошо *читала и освоила* счет. Труднее было с чистописанием [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000].

(117) Как бы там ни было, его городом *был и остался* Берлин, его театром — театр на Жандарменмаркт, его поэзией — Шиллер и Гете [Ревекка Фрумкина. Последние свидетели // «Отечественные записки», 2003].

(118) <Врач> *долго* с мальчиком *разговаривал и попросил* нарисовать несколько картинок [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].

(119) Когда я дала послушать запись своему папе, он, слушая, *плакал и сказал*... [Сати Спавакова. Не всё (2002)].

Глагол СВ фиксирует временную точку — момент наступления события. Этот момент может приходиться на произвольный участок интервала, занимаемого имперфективной ситуацией; условно говоря, — на срединный, если событие не означает конца имперфективной ситуации, как в (120)—(123):

(120) Жалко — тех кто случайно *проходил* мимо и *попал* под пули [Запись LiveJournal (2004)].

(121) Вы что так *гуляли и забрели* или посмотреть пришли? [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)].

(122) Она всегда обо мне *заботилась* — и *дала* понять, что нам нужно заканчивать наши отношения [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].

(123) Я *изучал* Москву и навсегда *запомнил* ее в ту пору, когда еще был пешеходом [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)].

В (124) временного соотношения между ситуациями не может быть — это одна и та же ситуация, по-разному названная:

(124) Следующие носилки *грузил* я и *положил* вдвое меньше первой ноши [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)].

Кроме того, ситуации могут быть несоизмеримы (несоотносительны) по временному параметру, см. (125).

(125) Министр *держался* демократично и *запомнился* очень смешным тостом: «Я хочу выпить за две вещи, которые люблю в жизни больше всего» [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].

На основании приведенных данных можно заключить, что конфигурация «глагол НСВ + союз *и* + глагол СВ» не всегда дает возможность предсказать временную упорядоченность

перфективной и имперфективной ситуации. Если временная последовательность релевантна, то глаголу НСВ приходится выступать первым членом секвентного отношения — что ему не свойственно.

Заключение

Итак, о дискурсивных значениях русского вида можно сказать следующее.

Дискурсивные значения вида производны от его внутрифразовых значений: они предсказываются из однозначного ретроспективного ракурса, свойственного совершенному виду, и преимущественно синхронного, свойственного несовершенному.

В конфигурации «глагол СВ + союз *и* + глагол СВ» основное отношение секвентное (как в (1)), но под влиянием контекста может оказаться одновременностью. К возмущающим факторам относится моментальность глагола, делимитативность и другие, приводящие к тому, что два события наблюдаются из одного и того же, а не из последовательных моментов, см. раздел 1. Один из факторов, порождающих одновременность — это обстоятельство времени или длительности, общее для двух предикаций.

В конфигурации «глагол НСВ + союз *и* + глагол НСВ» основное отношение — одновременность. Аспектуально-временная семантика глаголов может нарушать это соотношение. К возмущающим факторам относится многократность глагола и особые значения времени, см. раздел 2.

В пределах морфосинтаксической конфигурации «глагол СВ + союз *и* + глагол НСВ» основное отношение секвентное — одновременность возникает под воздействием адвербиалов, см. примеры (24), (25). Момент наблюдения приходится на срединную фазу имперфективной ситуации. Отмечена невозможность ингрессивной интерпретации у русского имперфектива и разные способы преодоления этой особенности.

В конфигурации «глагол НСВ + союз *и* + глагол СВ» временное соотношение между ситуациями менее определенное. Секвентное отношение возникает с трудом — например, если перфективная ситуация означает прекращение имперфективной, как в (101).

Исследование показало, что глагол несовершенного вида не обязательно выполняет фоновую функцию³: он способен выступать в роли второго члена секвентного отношения, см. примеры (26), (29), (33) и (87), а также, правда, значительно реже, в роли первого члена, см. примеры (99), (101)—(103) и (106)—(108).

Важно иметь в виду, что дискурсивное значение вида вторично и может вообще не возникать, как в примере (3), где временная связь, вытекающая из аспектуальных соотношений, вытесняется причинно-следственной.

В работе рассматривались только такие связи между предикациями, которые выражены союзом *и*. Однако союз не имеет в рассмотренных контекстах четко обозначенного собственного значения (см. о значениях союза *и* [Урысон 2011]) — как правило, опущение союза в приведенных примерах не приводит к изменению временных соотношений между пропозициями⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Барентсен 1998 — Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Черткова М. Ю. (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. [Barentsen A. The attribute “sequential connection” and aspectual opposition

³ Фоновой функции глагола НСВ в дискурсе посвящена большая литература, см. обзор в [Плунгян 2008].

⁴ Автор благодарен Н. М. Стойновой, Е. В. Урысон и Т. Е. Янко за замечания и соображения по поводу докладов на конференции «Диалог`2016» и на III Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире», легших в основу данной статьи.

- in Russian. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Князев 2014 — Князев Ю. П. Ингрессивные употребления несовершенного вида в русском языке // Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова. Международная конференция 20—22 ноября. Тезисы. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. С. 96—99. [Knyazev Yu. P. Ingressive uses of Imperfective in Russian. *Nauchnoe nasledie i razvitie idei Yuriya Sergeevicha Maslova. Mezhdunarodnaya konferentsiya 20—22 noyabrya. Tezisy*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2014. Pp. 96—99.]
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1986 — Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424. [Paducheva E. V. Semantics of aspect and the reference point. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1986. Vol. 45. No. 5. Pp. 413—424.] Available at: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL/A86-5_.pdf.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.] Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>
- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 3. С. 16—20. [Paducheva E. V. Mirror symmetry of past and future: The figure of observer. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 69. No. 3. Pp. 16—20.] Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>.
- Петрухина 2000 — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim* [Aspectual categories of the verb in Russian versus Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian]. Moscow: Moscow State Univ., 2000.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Дискурс и грамматика // Гусев В. Ю., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 7—36. [Plungian V. A. Discourse and grammar. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vol. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Gusev V. Yu., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2008. Pp. 7—36.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt of description of conjunction semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Bäuerle 1979 — Bäuerle R. *Temporale Deixis, temporale Frage*. Tübingen: Gunter Narr, 1979.
- Carlson 1981 — Carlson G. Aspect and quantification. *Syntax and Semantics*. Vol. 14: *Tense and Aspect*. New York: Acad. Press. Pp. 31—64.
- Dickey 2000 — Dickey S. V. *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. Stanford (CA): CSLI publications, 2000.
- Kratzer 1978 — Kratzer A. *Semantik der Rede*. Kronberg: Scriptor, 1978.
- Smith 1997 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. (2nd ed.). Dordrecht: Kluwer academic Publishers, 1997.

Статья поступила в редакцию 15.06.2016.

**РУССКОЕ ВИДООБРАЗОВАНИЕ:
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ, СЛОВОКЛАССИФИКАЦИЯ
ИЛИ НАБОР КВАЗИГРАММЕМ?
(еще раз о болевых точках русской аспектологии)***

© 2017

Елена Викторовна Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация; e.gorbova@spbu.ru

В статье обсуждается ряд «болевых точек» русской аспектологии, недавно сформулированных В. С. Храковским, при этом особое внимание уделяется характеристике русского вида как (слово)-классифицирующей vs. словоизменяющей грамматической категории, а также регулярности механизма суффиксальной имперфективации. Кроме того, рассматривается новое для русистики предложение о представлении русского вида как совокупности различных квазиграммем.

Ключевые слова: квазиграммема, русский вид, словоизменяющая категория, (слово)классифицирующая категория

**ASPECTUAL FORMATION OF RUSSIAN VERBS:
INFLECTION, DERIVATION,
OR A SET OF QUASIGRAMMEMES?
("sore points" of Russian aspectology revisited)**

Elena V. Gorbova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e.gorbova@spbu.ru

The paper deals with some "sore points" of Russian aspectology recently formulated by Victor Khrakovskij, especially with the problem of characterization of the Russian aspect as classifying vs. inflectional category and the regularity of suffixed imperfectivization. In addition, an alternative treatment of verbal aspect in Russian as an interaction of several distinct categories (a set of aspectual quasigrammemes) is discussed.

Keywords: classifying category, inflectional category, quasigramme, Russian aspect

1. Введение. Проблематика и цель обсуждения

В докладе на V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Киото, 13—15 ноября 2015 г.) и в соответствующей публикации В. С. Храковский [2015] сформулировал перечень утверждений, относительно которых у аспектологов имеется консенсус, и обозначил несколько «болевых точек» русской аспектологии. Одной из них он называет квалификацию категории вида русского глагола как

---

* Автор приносит искреннюю благодарность Хансу Роберту Мелигу (Университет имени Христиана Альбрехта, г. Киль), Дмитрию Герасимову (ИЛИ РАН) и Андрею Горбову (НИУ ВШЭ), а также двум анонимным рецензентам, чьи комментарии и замечания к рукописи данной статьи позволили ее улучшить. Все оставшиеся недочеты остаются на совести автора.

последовательно словоизменительной, как последовательно (слово)классифицирующей (*писать* ~ *написать* и *записать* ~ *записывать* равно обнаруживают отношения деривации) или гибридной: словоизменительной в части суффиксальной (вторичной) имперфективации и (слово)классифицирующей в части приставочной перфективации [Там же: 322—323]. При этом автор полагает, что в работах [Горбова 2014; 2015а] представлена «гибридная» трактовка русской категории вида, в то время как сам он приводит аргументацию в пользу последовательно (слово)классифицирующей трактовки.

Цель предлагаемой статьи — обсуждение этой аргументации, а также оценка предложения о трактовке русского вида как совокупности квазиграммем, высказанного в [Герасимов 2015].

2. Отступление: отстаиваемая позиция

Однако начать хотелось бы с пояснения интерпретации предложенного в [Горбова 2014; 2015а; 2015б] анализа литературы и языковых фактов.

Прежде всего позволю себе два комментария к представленному в [Храковский 2015: 322—323] перечню возможных ответов на вопрос о формальном статусе категории русского вида (словоизменение vs. (слово)классификация) и упомянутых там мнениях. Во-первых, при изложении одного из решений (русский вид — словоизменительная категория) приводится цитата из словарной статьи «Вид» [Маслов 1990]. Однако эта цитата¹ апеллирует к семантическому основанию вида и ничего не говорит о морфологической стороне этой грамматической категории (к тому же дает общий, а не частнолингвистический подход). Поэтому вряд ли возможно на основе этой цитаты делать вывод о принадлежности Ю. С. Маслова к партии сторонников или противников трактовки вида как словоизменения. Примечательно, что в той же словарной статье можно обнаружить и другое высказывание, завершающее краткий обзор проблематики именно морфологии и именно русского вида (с привлечением авторского понятия видовой основы): «Спорным остается вопрос, является ли вид в русском языке словообразовательной или словоизменительной категорией» [Там же: 83]. Ничего более определенного в данном тексте относительно собственной позиции его автора по поводу обсуждаемого вопроса мы не найдем. Зато имеются другие работы Ю. С. Маслова, где он высказывается по данному вопросу вполне определенно, к примеру:

«Взятая... в морфологическом разрезе, категория совершенного/несовершенного (перфективного/имперфективного) вида представляет собой категорию не “классификационную” (как категория рода в имени существительном), а словоизменительного типа: видовое противопоставление может осуществляться в рамках одного и того же лексического значения, в результате чего соответствующий глагол изменяется (спрягается) по видам в принципе так же, как он изменяется (спрягается) по временам, наклонениям, лицам и числам» [Маслов 1963а: 3].

«Отвлекаясь от явления двувидовых основ и от довольно редких случаев супплетивности, формами одного глагола мы будем считать только образования совершенного и несовершенного вида типа русск. *дать* — *давать*, *бросить* — *бросать*, *подписать* — *подписывать*, *втолкнуть* — *втолкивать*, т. е. однокоренные образования, обладающие тождественным лексическим значением и различающиеся между собой отсутствием или наличием специального суффикса имперфективации. Иными словами, (...) о видовых формах одного глагола мы будем говорить лишь там, где (при тождестве лексических значений) формы несовершенного вида являются суффиксальными производными от форм

¹ «Вид глагольный (в международной терминологии — аспект) грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, “как протекает во времени или распределяется во времени” (А. М. Пешковский) обозначенное глаголом действие» [Маслов 1990: 83].

совершенного вида. Что же касается таких традиционно выделяемых “видовых пар”, как *колоть* — *кольнуть* (“назальный суффикс” в основе совершенного вида) или *темнеть* — *потемнеть* с так называемой “чисто видовой приставкой”, “*préverbe vide*”) то эти “пары” не рассматриваются в данной работе как составляющие формы одного слова, а лишь как очень близкие, но не тождественные синонимы, в ряде контекстов вполне эквивалентные друг другу» [Там же: 4—5].

Такой подход можно видеть как в более ранних [Маслов 1958/2004: 447], так и в более поздних работах Маслова [1978/2004: 331]. Полагаю, что в публикации [Маслов 1990] исключительно по соображениям жанра автор обошел стороной этот вопрос, лишь отметив его дискуссионный характер, и не стал приводить аргументы в пользу своей позиции (тем более, что в 1980 г. вышла в свет академическая РГ-80, в которой была закреплена альтернативная точка зрения: «[К]атегория вида является категорией несловоизменяемой» [РГ-1980: 584]).

На мой взгляд, позиция Ю. С. Маслова (близкая к взглядам С. О. Карцевского и А. И. Исаченко, см. [Карцевский 1927/1962; Исаченко 1954/2003]) может быть резюмирована как набор следующих положений.

1. Русский вид — словоизменяемая категория, ее морфология — суффиксальная имперфективация, применяемая к префигированному глаголу СВ.
2. Приставки и назальный суффикс — типичные словообразовательные морфемы [Маслов 1963а: 9]; приставочная имперфективация порождает пары, в которых «во всех славянских языках господствуют не отношения тождества лексических значений членов пары, а скорее отношения их частичной синонимии» [Маслов 1963а: 4].
3. (Однозначные) суффиксы (вторичной) имперфективации — собственно видовые морфемы [Там же: 9].
4. Двувидовые глаголы (типа *женить*, *казнить* и *трансформировать* с видовыми основами: *жен'ь*-, *казн'ь*-, *трансформиру-/трансформиров-*), как и супплетивные образования (*брать* ~ *взять*), должны описываться отдельно [Там же: 4—5].
5. Видовые основы непроемных глаголов являются одновидовыми (исключительно имперфективными, как у *дать*, или исключительно имперфективными — *иметь*, *смотреть*, *гулять*) [Там же: 11—12].

Таким образом, если невозможно не согласиться с тем, что Ю. С. Маслов оценивал русский вид как (в целом) словоизменяемую категорию, то невозможно не видеть и того, что словоизменение (= формобразование) ограничивалось у него морфологической областью суффиксальной имперфективации. Поэтому именно в масловской трактовке можно усмотреть признаки «гибридности», хотя предпочтительнее, на мой взгляд, относиться к подобной позиции как к признающей нетотальный охват видовым словоизменением глагольной лексики русского языка, обусловленный неполной завершенностью процесса грамматикализации такого формального видового механизма, как суффиксальная имперфективация². В этом смысле более последовательный подход (с тотальным охватом глагола выбранной характеристикой) мы находим в работах А. Н. Тихонова [1964; 1998]. У этого автора префиксальная имперфективация при помощи «чистовидовых приставок» (*читать* ~ *прочитать*, *слабеть* ~ *ослабеть*, *делать* ~ *сделать*) также признается словоизменением (наряду с вторичной имперфективацией), см. подробнее в [Горбова 2015б: 63].

Также не могу согласиться с квалификацией моей позиции как относящейся к трактовке русского вида «как своего рода гибридной категории», а именно: «[в]идовые пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) — глагол СВ (производный перфектив) (типа

² Ср.: «... встречаются случаи, когда та или иная (сравнительно небольшая или же периферийная) группа глаголов должна рассматриваться не как имеющая формы только одного вида, а как стоящая вообще вне вида, с диахронической точки зрения как еще (или, напротив, уже) не охваченная видовым противопоставлением...» [Маслов 2004: 328—329].

писать — *написать*) относится к (слово)классифицирующей категории вида, тогда как пары глагол СВ (производный перфектив) — глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать* — *записывать*) образуют собой словоизменительную категорию вида» [Храковский 2015: 322—323]. Постараюсь изложить свою позицию, оставляя решать читателю, является ли она вариантом «гибридного» взгляда или же словоизменительной трактовкой, близкой к изложенному выше подходу Ю. С. Маслова³.

Поясним принятое здесь понимание словоизменения и (слово)классификации (словоизменительной и (слово)классифицирующей грамматической категории, далее — ГК соответственно) и критерии отнесения к тому и другому типу. Вслед за авторами работ [Зализняк 2002; Плузгян 2011] критерием квалификации множества (не менее двух) однородных и взаимоисключающих грамматических значений как образующих словоизменительную ГК является одновременное наличие обязательности (выражения в данном языке) и регулярности (в смысле [Зализняк 2002: 24—26], см. также раздел 4.2), а критерием квалификации обладающего теми же свойствами множества как классифицирующей ГК — обязательность без регулярности [Плузгян 2011: 26—27, 51—52]. Таким образом, в рамках словоизменительной ГК обязательно выражаемые грамматические значения распределены по словоформам лексемы и образуют парадигму, а столь же обязательно выражаемые грамматические значения (слово)классифицирующей категории распределены по различным лексемам и задают в рамках своей сферы действия (естественного подкласса лексики языка) множество классов, количественно равное числу граммем в этой ГК.

Наиболее приемлемо видится следующая модель описания морфологии русского вида. Приставочная перфективация (образование префигурированного перфектива от первичного имперфектива⁴ НСВ₁ → СВ: *писать* → *написать*, *писать* → *записать*), сопровождающаяся лексическими (в большинстве случаев), актантными и неизбежными вследствие добавления результирующего подсобытия акциональными изменениями (см. [Татевосов 2015: 272—295]), рассматривается как типичное словообразование в рамках одной части речи. И, напротив, суффиксальная имперфективация (в результате которой, как пишет В. С. Храковский [2015: 326], образуются такие пары, что «у глаголов в этих парах одно лексическое значение и отличаются они друг от друга только аспектуально»), является словоизменением и сферой действия грамматической (по технике кодирования — синтетической) категорией русского вида. И то и другое подтверждается данными о силе ассоциативных связей (которые характерны для разных лексем, но не для словоформ одной лексемы) между входящими в видовую пару инфинитивами СВ и НСВ: наиболее сильна связь между (однокоренными) НСВ₁ и СВ (*делать* ~ *сделать*), уступая в этом лишь супплетивным парам (*брать* ~ *взять*), наиболее слаба ассоциативная связь между парами типа СВ ~ НСВ₂ (*доделать* ~ *доделывать*), см. [Риехакайнен 2014].

Соответственно, являющийся симплексом НСВ₁, как и приставочный глагол-derivat перфективного типа, не допускающий дальнейшей суффиксальной имперфективации (вследствие действия запрета на третичную имперфективацию, см. [Татевосов 2015; Киселева, Татевосов 2015]), то есть образования типа *наоткрывать*, оказываются за пределами словоизменительной видовой оппозиции, хотя и проявляют функциональное сходство⁵ с входящими

³ Отметим, что наиболее близкой к «гибридной» можно считать позицию авторов монографий [Анна Зализняк, Шмелев 2000; Анна Зализняк и др. 2015], ср.: «... имеются достаточно веские аргументы в пользу как словоизменительной, так и словоклассифицирующей трактовки вида. Повидимому, этот вопрос вообще не имеет однозначного решения (в том смысле, что ни то, ни другое решение не может быть проведено последовательно) — что отражает двойственную природу категории в русском языке» [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 15].

⁴ Используемые здесь и далее обозначения НСВ₁ для первичного имперфектива и НСВ₂ для вторичного, а также понятие бимперфективной тройки, были введены в работе [Анна Зализняк, Микаэля 2010].

⁵ Имеются в виду сочетаемостные и функциональные особенности, изложенные в [Падучева 2015] с опорой на [Маслов 2004: 117], в частности для НСВ: аналитическая форма будущего времени,

в словоизменительные отношения НСВ₂ (вторичными имперфективами) и деривационно исходными для них префигированными СВ, которые совместно образуют видовую пару, состоящую из форм одной лексемы:

Таблица 1

**Префиксальные и беспрефиксные морфологические формы русского глагола
в их соотношении с видовой парностью**

Симплексы		Видовая пара = формы одной лексемы: (префигированный) СВ ~ НСВ ₂	Перфективный дериват, не допускающий имперфективации ⁶
НСВ ₁	<i>крыть</i>	<i>от-крыть ~ от-кры-ва-ть</i>	<i>на-от-кры-ва-ть</i>
	<i>писать</i>	<i>за-писать ~ за-пис-ыва-ть</i>	<i>на-за-пис-ыва-ть, по-на-за-пис-ыва-ть</i>
СВ ₁	<i>дать</i> ⁷	<i>за-дать ~ за-да-ва-ть</i>	<i>на-за-да-ва-ть</i>

Симплексы НСВ₁, несмотря на их функциональное сходство с НСВ₂, нецелесообразно считать входящими в последовательно словоизменительную видовую корреляцию по причинам, изложенным выше. Главной из них является семантическая: отсутствие (в общем случае) в их структуре результирующего подсобытия, или, другими словами, различие в акциональности. Симплексы НСВ₁ представляют собой состояния либо непрелельные процессы (довольно редкие исключения — лексикографически предельные первичные имперфективы типа *таять*, *сохнуть*, не требующие поддержки контекста для своего предельного прочтения), в то время как префигированные и снабженные эксплицитным суффиксом имперфективации НСВ₂ представляют собой предельные процессы⁸. Указанное различие зачастую влечет за собой и различие в валентностных характеристиках однокоренных НСВ₁ и НСВ₂ — возможную одноместность НСВ₁ при обязательной двухместности НСВ₂: ^{ок}уметь *писать* при ^{ок}уметь *записывать* *звучащую речь* и ^{уметь} *записывать*⁹. Функциональная общность

употребление в настоящем времени для обозначения единичного действия, сочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени, показателями длительности, узуальности и неограниченной кратности; для СВ: синтетическая (простая) форма будущего времени, неупотребляемость в настоящем времени в значении единичного действия, несочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени, показателями длительности, узуальности и неограниченной кратности [Падучева 2015: 189]. См. также [Милославский 2015: 11—12], где отмечена характерная для НСВ (но не для СВ) сочетаемость «с «отрицательными рекомендациями» (*не советую, не стоит, разлюбил* и т. п.).»

⁶ Для такого перфектива (так сказать, вторичного) можно ввести особое обозначение — СВ₂, параллельное уже существующему наименованию вторичный имперфектив — НСВ₂ (соответственно, перфектив-симплекс логично было бы обозначать как СВ₁). При этом нельзя отрицать некой условности предлагаемого наименования, поскольку оно призвано распространяться на все перфективы, не допускающие третичной имперфективации в соответствии со сформулированным в [Татевосов 2013] ограничением, однако подчиняющиеся этому ограничению перфективы могут иметь в своем составе не только два, но и большее количество префиксов.

⁷ Кроме общей редкости симплексов СВ отметим исключительную именно для этого глагола способность к суффиксальной имперфективации, в результате чего мы получаем инфинитивную форму *да-ва-ть*.

⁸ В этом смысле характерна различная сочетаемость с обстоятельствами, апеллирующими к интенсивности и скорости процесса в *сильнее горюшь*^{НСВ1} — *быстрее сгораешь*^{НСВ2} [Быков 2016: 289].

⁹ Здесь не имеются в виду те специальные случаи, когда первичный имперфектив выступает в роли «джокера» и заменяет собой вторичный, то есть случаи типа *рвать мосты* вместо *взрывать мосты*, впервые описанные в [Анна Зализняк, Микаэлян 2010; Анна Зализняк и др. 2010; Анна Зализняк, Микаэлян 2011]; о понятии «джокера» и НСВ₁-джокерах см. в [Горбова 2014; 2015а]. Отметим, что в некоторых случаях «джокер» может оказаться не совсем удачной заменой для НСВ₂ и затруднить понимание текста адресатом. Ср. характерную помету Д. Быкова к строчкам В. Маяковского из поэмы

НСВ₁ и НСВ₂ обеспечивается, таким образом, внешними причинами — семантическими особенностями двух акциональных классов, большей частью объединяемых в общем понятии неопределенных (то есть, по Маслову, не соотношенных с пределом) глаголов (подробнее об акциональных и семантических различиях НСВ₁ и НСВ₂ см. в [Горбова 2015а: 25—31]).

Не допускающие (дальнейшей) имперфективации производные перфективы также нежелательно включать в видовую оппозицию СВ ~ НСВ₂ на общих основаниях, учитывая особенности их семантики и акциональности. Имеются в виду, прежде всего, дериваты, подпадающие под запрет третичной имперфективации, то есть образования, уже включившие в свой морфемный состав по крайней мере два префикса и суффикс имперфективации *-(ы/и)ва*¹⁰. Дело в том, что в этих случаях уже не обнаруживается свойственного паре форм СВ ~ НСВ₂ довольно простого семантического соотношения, обнаруживающего прямую зависимость от акциональности префигированного СВ. А именно: если СВ является моментативом (с пунктивной, или собственно событийной, семантикой), полученный в результате суффиксальный имперфективации НСВ₂ будет иметь итеративную (или хабитуальную) семантику; если же префигированный СВ принадлежит к классу предельных процессов, то (при референции к единичной ситуации) после имперфективации в окно наблюдения вводится срединный участок этого предельного процесса, то есть реализуется семантика прогрессива (или дуратива). В случаях дальнейшей деривации путем присоединения селективно-ограниченных префиксов — делимитативного *по-*: *по-сидеть*, *по-раз-вар-ивать*; кумулятивного *на-*: *на-ловить (рыбы)*, *на-раз-би-вать (яиц)*; дистрибутивного *пере-*: *пере-ловить (всех преступников)*, *пере-до-дел-ывать (все карты)*; инхотативного *за-*: *за-петь*, *за-пере-дел-ывать (задание)* [Татевосов 2013: 48—49] — к образованным в результате суффиксальной имперфективации НСВ₂ мы получаем уже гораздо более сложную семантическую картину. В каждом случае семантический взнос присоединяемого префикса значителен: от наименее серьезной модификации ситуации, привносимой делимитативным *по-*, через фазовый префикс *за-* и до вводящих требование на множественность актанта-объекта (мультиобъектность) кумулятивного *на-* и дистрибутивного *пере-*. Последние два префикса также неизбежно мультиплицируют ситуацию, если она ранее (на предыдущем этапе деривации) была единичной.

В связи с этим отметим, что при таком подходе нам трудно солидаризироваться со вторым утверждением из списка тех, с которыми, как полагает В. С. Храковский [2015: 321], будут согласны все специалисты по русской аспектологии: «Каждый глагол является либо глаголом несовершенного вида (НСВ), либо глаголом совершенного вида (СВ). Картину не нарушает некоторое количество двувидовых глаголов (типа *казнить*, *телеграфировать*), которые в одних контекстах ведут себя как глаголы СВ, а в других — как глаголы НСВ». Это верно только в том случае, если мы подходим к распределению ярлыков СВ и НСВ исключительно функционально, имея в виду, в частности, (не)сочетаемость с фазовыми глаголами (перечень имперфективных и перфективных сочетаемостных и функциональных особенностей см. выше в сноске 5).

Однако в рамках предлагаемой модели описания, ориентированной на морфосинтаксис и стандартную для суффиксальной имперфективации семантику, количество не входящих

«Хорошо»: «*Эта песьня, /перепетая по-своему, /доходила до глухих крестьян — /и вставляли села, /содрогая воем, /по дороге /топоры **крестя** (?! — вероятно, «скрещивая». — Д. Б.)*» [Быков 2016: 407]. При этом также, по-видимому, возможна интерпретация через НСВ₂ *перекрещивая*.

¹⁰ Поясним, почему по крайней мере два префикса. Дело в том, что так называемый селективно-ограниченный (СО-)префикс, один из подклассов внешних префиксов, в обязательном порядке присоединяется (формально — в терминологии С. Г. Татевосова, или функционально — в нашей терминологии) к имперфективной основе, ср. [Татевосов 2013: 49]. При этом, чтобы встал вопрос о третичной имперфективации, из двух вариантов имперфективных основ — симплекса НСВ₁ и морфологически более сложного НСВ₂ — нам будет нужен именно второй вариант. То есть речь идет о деривате СВ, полученном уже после введения в основу суффикса имперфективации — *[на[раз[вар]^{IPFV}PFV]ива]^{IPFV}PFV-ть*, а не *[на[вари]^{IPFV}PFV]-ть*. Запрет на третичную имперфективацию распространяется и на основы с большим количеством префиксов, например, *[по[на[[вы[дум]^{IPFV}PFV]ыва]^{IPFV}PFV]-ть*.

в словоизменительную видовую корреляцию (СВ ~ НСВ₂) глаголов увеличивается за счет первичных имперфективов-симплексов (НСВ₁) и недоступных для третичной имперфективации перфективов, имеющих в своем составе СО-префиксы и/или левопериферийный дистрибутивный префикс *по-*, присоединенный поверх СО-префикса. Эти две группы (*писать*, *крыть* и *наоткрывать*, *поназаписывать*) могут быть названы (словоизменительно) несоотносительными имперфективами и перфективами.

3. Аргументация против словоизменительной трактовки русского вида

Перейдем к обсуждению аргументов, приведенных В. С. Храковским в качестве препятствий к признанию словоизменительного характера суффиксальной имперфективации. Начнем с общего перечня этих аргументов.

- I. Выделение в [Храковский 2015] 4-й и 5-й группы (единожды) префигированных перфективов¹¹. 4-я группа — это тот случай, когда вокабула префигированного перфектива имеет несколько лексем (значений), при этом суффиксальная (вторичная) имперфективация доступна не для всех лексем (значений) данного глагольного слова, и даже в тех случаях, когда она доступна, НСВ₂ вместе со стандартным имперфективным реализует и нестандартное значение (ср.: *пережить* (*кризис*) и (*сильно*) *переживать*). 5-я группа «включает перфективы, у которых формально есть соотносительные вторичные имперфективы, лексическое значение которых, однако, не детерминируется семантикой исходных перфективов и стандартными правилами вторичной имперфективации» [Там же: 327]. Имеются в виду пары типа *заиграть* (*марш*) ~ *заигрывать* (*с девушкой*), *раздумать* (*говорить*) ~ *раздумывать* (*над дилеммой*), (*наконец*) *замолчать* ~ *замалчивать* (*трудности*). Проблему для словоизменительной трактовки представляет наличие нестандартных значений у вторичных имперфективов, образующихся в ряде случаев от глаголов 4-й и всегда от глаголов 5-й группы.
- II. Оценка вторичной имперфективации как (не)регулярного образования. С точки зрения В. С. Храковского, у сторонников характеристики вторичной имперфективации как явления регулярного имеется несколько проблем: а) само пороговое значение — каким оно должно быть для признания (любого языкового) феномена регулярным; б) разница обнаруженных в рамках исследования [Janda et al. 2013] долей образования НСВ₂ от (единожды) префигированных СВ: при работе с [НКРЯ] это 37%, при работе с поисковой системой «Google» — 77%; и здесь мы сталкиваемся, в частности, с проблемой определения границ предмета исследования: является им кодифицированный или же общенациональный русский язык с включением разговорной речи; в) точность полученных в [Janda et al. 2013] цифр, которая ставится под сомнение вследствие неучета полилексемности (многозначности) вокабул: в случаях нереализации суффиксальной имперфективации для части лексем соответствующие вокабулы вошли в число допускающих вторичную имперфективацию, см. [Храковский 2015: 324—325].
- III. Поставлен вопрос об отсутствии общего правила запрета на вторичную имперфективацию [Там же: 328], которое мотивировало бы трактовку данного морфологического механизма как регулярного словоизменения: СВ → НСВ₂.
- IV. Лексикографическое представление русского вида: автору цитируемой работы оно представляется более простым и удобным при (слово)классифицирующей трактовке,

¹¹ Начало перечня: 1-я группа — «стандартные однозначные перфективы, от которых образуются и стандартные имперфективы», примеры — *переписать*, *вбежать*; 2-я группа — «однозначные перфективы типа *поползти*, *проморгать*, от которых имперфективы не образуются»; 3-я группа — «перфективы, вокабула которых включает как минимум два значения, т. е. лексемы», причем одна лексема образует видовую пару с симплексом НСВ, а другая образует стандартный имперфектив, например *бить* ~ *пробить* (о часах) и *пробить* ~ *пробивать* (дыру в стене) [Храковский 2015: 326—327].

когда каждый инфинитив любого вида становится заголовком словарной статьи, см. [Там же: 329].

- V. «Типологический аргумент» в пользу (слово)классифицирующего характера русского вида: «вид как словоклассифицирующая категория может комбинироваться с видом как словоизменительной категорией» [Там же: 330]. Этот вывод получен на примере болгарской аспектуальной системы. При этом способность к указанной комбинаторике подается как контраргумент к словоизменительной трактовке.
- VI. Вновь — как отдельная болевая точка русской аспектологии — поднимается вопрос о биимперфективных тройках [Там же: 330—331] и высказывается мнение, что «первичный и вторичный имперфектив в конвенциональных тройках не исключают, а дополняют друг друга» [Там же: 332].

Общий вывод автора обсуждаемой работы таков: «Словоизменительная концепция вида учитывает не все реально существующие факты языка и создает определенные трудности как для теоретического описания устройства глагольного слова, так и при решении вопроса об адекватной подаче глагола в словаре» [Там же: 330].

4. Обсуждение аргументации против словоизменительной трактовки

Попробуем последовательно ответить на эти аргументы¹². Необходимая предварительная оговорка: словоизменение в рамках русского видообразования мы будем понимать не так, как это предложено А. Н. Тихоновым, а в духе концепции, изложенной в разделе 2 (она основана на идеях С. О. Карцевского, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслова). Соответственно, в указанном смысле понимаемое словоизменение (исключительно в рамках суффиксальной имперфективации, то есть отношений между префигурованным СВ и образованным от него НСВ₂) не может охватить «все реально существующие факты языка». За пределами так понимаемого словоизменения остаются словоизменительно не соотносительные имперфективы и перфективы, которые описываются с использованием других понятий: как морфологических (симплексы, словообразование, запрет на третичную имперфективацию), так и семантических (акциональный класс (состояния, неопредельные процессы, события), лексический вид, видовые партнеры). При этом принимается во внимание и функциональный аспект, а именно — сходное функционирование (сочетаемость с фазовыми глаголами, особенности образования императива и прохибитива, способность к образованию секвентной цепочки и т. д.) не входящего в словоизменение первичного имперфектива-симплекса (типа *рвать*) и входящего в словоизменительную пару вторичного имперфектива (типа *взрывать*, соотносимого с *взорвать*), аналогично — перфектива-симплекса (типа *дать*) и входящего в пару с НСВ₂ префигурованного перфектива (типа *выдать*, соотносимого с *выдавать*).

4.1. Лексикализация, или деграмматикализация, грамматической формы

Напомним, что в рамках классификации префигурованных глаголов СВ по особенностям их суффиксальной имперфективации, предложенной в [Храковский 2015: 326—327], были

¹² Основными следует считать первые три аргумента: I и II в соответствии с теми критериями, которые, по мнению автора обсуждаемой работы, применяются для характеристики суффиксальной имперфективации как словоизменения (это регулярность образования и семантическая стандартность суффиксальной имперфективации, см. [Храковский 2015: 327—329]); существенность же аргумента III, на мой взгляд, трудно переоценить с методологической точки зрения. Оставшиеся три положения обладают меньшей значимостью, с точки зрения автора, лишь дополняя перечень собой «болевых точек русской аспектологии», и с этой оценкой вполне можно согласиться.

выделены две группы перфективов, специфика которых заключается в наличии семантических отклонений от формируемого в процессе имперфективации стандартного имперфективного значения, характерных для производных от них имперфективов.

В качестве объяснения наблюдаемых семантических девиаций предлагается следующее утверждение.

- (1) Отсутствие стандартного семантического соотношения между префигурованным СВ и НСВ, является следствием лексикализации (деграмматикализации) грамматической формы¹³.

Обозначенное в (1) явление хорошо известно на примере субстантивной категории числа (которую при этом большинство лингвистов, включая авторов академической грамматики, см. [РГ-80: § 1147], продолжает считать словоизменительной), ср.: *час* ‘промежуток времени’ ~ *часы* ‘механизм для измерения времени’, *капля* ~ *капли* ‘лекарственная форма’, *рожок* (диминутив от *рог* ‘духовой инструмент’) ~ *рожки* ‘изделия из теста’ и т. п., см., в частности, [Плунгян 2011: 214—215]. При лексикализации, то есть закреплении такого нестандартного значения за одной из видовых форм (здесь — формой НСВ₂), использование той же словоформы в стандартном словоизменительном значении (в нашем случае — значении имперфектива: прогрессива или итератива) может быть прагматически затруднено, поскольку говорящий, желая быть однозначно понятым, стремится избежать ее использования.

Этим, возможно, объясняется редкость использования НСВ₂ *заигрывать* в стандартном имперфективном значении — при обозначении ряда событий от инхоативного *заиграть* (марш)¹⁴, то есть ‘(неоднократно) начинать играть’.

Приведем данные обращения к [НКРЯ] с запросом «заигрывать»¹⁵. Выдача составила 653 вхождения из 508 документов. При очевидно преобладающем (617 случаев, или 94,5%) значении, реализуемом (при отсутствии эллипсиса) в рамках конструкции с актантом, вводным предлогом — «с кем-либо (чем-либо)», как в примере (2) ниже, встретились еще четыре типа случаев:

- а) условно говоря, «этимологические» употребления, вскрывающие семантический переход от стандартного и ожидаемого при имперфективации значения (для исходного инхоатива СВ *заиграть*) к производному и преобладающему (по данным [НКРЯ]) значению ‘(шутливо) кокетничать’¹⁶, см. (3) и (4) (таких случаев в выборке оказалось шесть, т. е. 0,9%);
- б) *заигрывать* в переходном употреблении, но как имперфектив от комплетивного¹⁷, а не инхоативного *заиграть*, т. е. *заиграть* (что-л., кого-л.) в значении ‘играя, довести до негодности (инструмент), избитости (музыкальное произведение), изнеможения

¹³ См. краткое указание именно на такое понимание при обсуждении периферийного «нетождества» лексических значений в парах СВ и суффиксального НСВ, квалифицируемого как «отступление от нормы» в [Маслов 1963а: 4]: «подобные процессы “лексикализации” отдельных грамматических форм или групп форм, выпадения их из состава лексемы и выделения в отдельное слово наблюдается, как известно, и в других частях речи (ср. русск. *час*//*часы* и *plurale tantum часы* и т. п.)».

¹⁴ В [Анна Зализняк 2006: 315] это один из типов значений глаголов с *за-*: «(“инхоативное”) *за-V*: ‘внезапно начать и продолжать V’»; BEGIN: $V' = V$; V' — неопределенный гомогенный процесс».

¹⁵ Работа проводилась по основному корпусу; семантические или грамматические уточнения запроса не вводились; дата запроса — 23.01.2016.

¹⁶ Это значение первым дается в словаре Ушакова [1935—1940], в [МАС], словаре Ефремовой [2000] для переходного употребления, однако не так в словарях Даля [1880—1882] и Ожегова [Ожегов, Шведова 1992], где первым значением идет либо ‘начинать играть’ (у Даля), либо несов. к *заиграть* (у Ожегова).

¹⁷ По [Анна Зализняк 2006: 317] это другой тип значений глаголов с *за-*: «*за-V* + X (вин.): ‘производить действие V’ сверх меры, вплоть до нанесения ущерба объекту X или его уничтожения’; $V' = V$, но V' не имеет прямого объекта, который имеется у приставочного глагола». Наш случай — это

- (лицо — участника игры) (эти значения идут как три первых у переходного *заиграть* в словаре [Ефремова 2000]), см. (5) (таких употреблений в выборке всего два, т. е. 0,3%);
- в) реализация стандартного имперфективного значения от инхоатива *заиграть*, см. (6) и (7); в выборке имеется 20 употреблений этого типа, что составляет 3%;
- г) случаи амбивалентные, допускающие как интерпретацию стандартного имперфективного значения от инхоатива, так и интерпретацию в значении 'кокетничать', см. (8) и (9) (таких случаев в выборке 8, т. е. 1,2%).
- (2) *И хотя она по-прежнему ничего не понимала, но главное было очевидно: Селуянов не пытался **заигрывать** с женой своего приятеля, а жена Стасова не строила глазки приятелю своего мужа* [Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)].
  - (3) *Странная была Осянина, и поэтому Федот Евграфыч осторожно навел справочки через свою хозяйку, хоть и понимал, что той поручение это совсем не для радости. — Вдовая она, — поджав губы, через день доложила Мария Никифоровна. — Так что полностью в женском звании состоит: можете игры **заигрывать**. Старшина промолчал: бабе все равно не докажешь...* [Борис Васильев. А зори здесь тихие (1969)]
  - (4) *(...) попробовала кокетничать с мальчишками (на нашем языке это называлось «**заигрывать**»), однажды, вылезая из лодки, сказала такое, что все, кто оказался рядом, так и покатались от смеха: «Подайте ручку!»* [Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964)]
  - (5) *Только варкалап не понимает, что человек против него хрупкий, и скоро **заигрывает** его до смерти* [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)].
  - (6) *Я помню его еще с эпохи правоведской скамьи, когда он был из больших, а я был из маленьких в классе по возрасту; помню его лицо: как очень умное, оно всегда обращало на себя внимание, но иногда оно внушало известный страх, а иногда, когда на умном лице его **заигрывал** луч солнца, в виде улыбки и светлого, приветливого взгляда, это лицо внушало очарование* [В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)].
  - (7) *Минут через десять ярко пылал небольшой костерчик на берегу, грелась в открытых банках свиная тушенка, утки проснулись и летали парами над самой водой, далеко где-то **заигрывали** тетерева, будто бы накручивал кто-то ручку детской балалаечки, взошло солнце, крупная рыба всплескивала всюю, птицы заливались в лесу, но и ноги наши гудели, и сон нас обрывал...* [Юрий Казаков. Долгие крики (1966—1972)]
  - (8) *Чувствовалось, что между ними бродит ласковый прохладный ветерок и **заигрывает**, и шалит, и, наклоняя цветы книзу, целует их* [А. И. Куприн. Поединок (1905)].
  - (9) *Неслись, помнится, круглые, добрые звуки колокола, и недавно подкованная лошадь, **заигрывая**, звенела копытами по случайным камням...* [Н. Каратыгина. Через борозды (1923)]

Таким образом, на примере со вторичным имперфективом *заигрывать* мы можем наблюдать возможность довольно сложного (в том числе с диахронической точки зрения) устройства семантического пространства НСВ₂ образованного путем суффиксальной имперфективации от (чаще всего единожды) префигурованного СВ. Мы обнаружили семантический сдвиг от стандартного имперфективного значения и закрепление этой девиации (через промежуточный этап значения 'начинать играть (игры)') в виде значения '(шутливо) кокетничать', которое стало настолько частотным, фактически преобладающим, что вполне закономерной видится постановка вопроса о лексикализации (деграмматикализации) данной

характеризуемый признаком «DAMAGE (закурить <человека>, заиграть <пластинку>; засидеть <засиженная мухами лампочка>)» [Там же].

формы НСВ₂. Однако обращение к [НКРЯ] показало и довольно редкое, но все еще встречающееся употребление вторичного имперфектива *заигрывать* в его стандартном имперфективном значении, а также позволило получить контексты, допускающие возможность двоякой интерпретации.

По-видимому, в течение определенного временного периода имеет место параллельное использование двух расходящихся значений, в перспективе омонимичных. Причем этот феномен обнаруживается и среди глаголов, и среди существительных, ср. *капли (дождя)* и *(сердечные) капли* и аналогичное явление в глагольной сфере *пережить/переживать трудные времена* — и *(сильно) переживать* (пример глагола 4-й группы из [Храковский 2015: 327]).

Однако в рамках общей картины, даже если мы решим пренебречь этими последними случаями параллельного употребления стандартного имперфективного и подвергнутого лексикализации (девиантного) значения, факты спорадической лексикализации грамматической формы вряд ли могут служить препятствием для трактовки грамматической оппозиции между регулярно образуемыми словоформами как словоизменительной.

4.2. О (не)регулярности суффиксальной имперфективации

Со ссылкой на работу [Пиперски 2014]¹⁸ в [Храковский 2015: 328 (сноска 8)] утверждается, что «в языкознании отсутствует общепринятое определение понятия регулярности». И в связи с этим высказывается пожелание к тем, кто выступает с позиции характеристики вторичной (суффиксальной) имперфективации как явления регулярного, «указать, с какой процентной цифры в принципе начинается порог или мера регулярности и, разумеется, дать обоснование предлагаемой цифры» [Там же].

Думается, что из такой постановки проблемы вытекает сразу несколько вопросов: 1) действительно ли отсутствует общепринятое определение регулярности? 2) следует ли вводить конкретное пороговое значение для отграничения регулярных грамматических явлений от нерегулярных? 3) если да, то каково это пороговое значение?

В связи с первыми двумя вопросами полезно обратиться к формализации понятия регулярности (для номинативного элемента значения, каковым вид, несомненно, является), предложенной А. А. Зализняком:

«Ряд однородных номинативных компонентов значения считается регулярным для некоторого класса словоформ, если все словоформы этого класса (или по крайней мере подавляющее их большинство) можно разбить на группы, такие что в каждую входит столько словоформ, сколько номинативных элементов содержит данный ряд, и внутренняя сторона этих словоформ различается только номинативными элементами из данного ряда. Номинативный элемент значения считается регулярным для словоформы, если его ряд регулярен для класса словоформ, в который она входит» [Зализняк 2002: 25—26] (разрядка моя. — Е. Г.).

Возможно, утверждение о том, что определение регулярности, данное Зализняком, можно считать общепринятым, было бы излишне жестким, но мне неизвестны случаи выражения открытого несогласия с этим определением. Однако важнее тот очевидный факт, что порогового значения в нем не предлагается — вместо указания на пороговое значение мы имеем

¹⁸ Следует отметить, что как в докладе А. Ч. Пиперски, так и в опубликованных тезисах этого доклада [Пиперски 2014] предлагается градуальный подход к понятию регулярности, ср.: «...регулярность следует понимать не как бинарную оппозицию, а как градуальную шкалу» [Там же: 126]. Показательно также следующее утверждение: «Однако отсутствие формализуемых критериев регулярности вовсе не означает, что это понятие не работает: как ни странно в такой ситуации, большинство лингвистов примерно одинаково понимают, какие явления следует считать регулярными, а какие нет. Из этого следует, что строгое определение регулярности должно лишь формализовать лингвистическую интуицию и грамматическую традицию» [Там же: 125].

следующую формулировку: «все словоформы (или по крайней мере подавляющее их большинство)». Похожее отношение к «количественной проблеме» обнаруживается и в определении грамматической категории вида, сформулированном Масловым¹⁹: (из комментария к фрагменту определения вида как грамматической категории «в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики»): «Для языков, имеющих грамматическую категорию вида, характерен тотальный охват этой категорией всей глагольной лексики. Однако прямое парадигматическое противопоставление видовых форм в пределах одной лексемы обычно наблюдается не у всех глаголов, а лишь у значительной их части (разрядка моя. — Е. Г.). Именно так обстоит дело со славянской оппозицией СВ : НСВ» [Маслов 1978/2004: 328]. То есть масловские формулировки таковы: «в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики», «не у всех глаголов, а лишь у значительной их части»²⁰.

Несомненно, положение, при котором два явления четко отграничены друг от друга и следовательно имеет в своем распоряжении четко определенное пороговое значение, является удобным и желательным. Однако мне не известен ни один случай, когда в описательной и/или теоретической лингвистике был бы установлен, обоснован и принят научным сообществом некий количественный рубеж, некое пороговое значение, следствием которого явилось бы принятие теоретического решения (единственное высказывание лингвиста такого рода с использованием чисел трактует вопрос о количестве членов грамматической категории и приписывается М. В. Панову: семиотика — это такая наука, в которой два минус один равняется нулю). Поэтому брать на себя ответственность за установление и обоснование порогового значения для отделения регулярности от нерегулярности я бы не решилась, хотя могу предложить пару соображений.

Первое: из значения выражений «подавляющее большинство» (А. А. Зализняк), «большая часть», «значительная часть» (Ю. С. Маслов) следует, по-видимому, что подразумевается явным образом более 50% (это общая семантика всех выражений), но вот где именно начинается «подавляющее большинство» (с 55%, 60%, 65%, 75% или, например, 86%) установить, на мой взгляд, не представляется возможным. Это вопрос может быть предложен для обсуждения в лингвистическом сообществе, но только в том случае, если это сообщество предварительно согласится с тем, что введение порогового значения для (не)регулярности необходимо. Второе соображение касается возможных принципов определения порогового значения: для его установления можно было бы взять некую бесспорно словоизменительную категорию (или ряд категорий; возможно, на материале ряда синтетических языков) и на основе анализа долей лексем, регулярно и нерегулярно образующих формы в рамках этой категории (категорий), установить пороговое значение (или интервал) для (не)регулярности словоизменения в целом.

Предложим также небольшой комментарий относительно источника языкового материала, то есть решения дилеммы: пользоваться исключительно [НКРЯ] или возможно обращение к поисковым системам? Вопрос в немалой степени возник вследствие того, что в исследовании [Janda et al. 2013] данные о наличии НСВ₂ получились существенно различными

¹⁹ Полный текст определения: «О виде можно говорить только там, где какие-то аспектуальные значения в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики получают регулярное выражение посредством парадигматически противопоставленных друг другу грамматических форм одного глагола» [Маслов 1978/2004: 326].

²⁰ Интересно, что на основании именно так сформулированной количественной «меры» Ю. С. Маслов отказывает ряду глагольных явлений в статусе вида, например противопоставлению однонаправленных и ненаправленных глаголов или семельфактивного и мультипликативного способа действия: «Рассматриваемый признак позволяет исключить из понятия “вид” такие противопоставления узкого лексического охвата..., как противопоставление однонаправленных и ненаправленных глаголов перемещения в славянских языках (*идти — ходить, бежать — бегать* и т. д., всего около десятка пар или немногим более) или противопоставление семельфактивного и мультипликативного способов действия (*махать — махнуть*), хотя оно охватывает уже значительно большее число пар и комбинируется (в русском языке) с видовым противопоставлением» [Маслов 1978/2004: 328].

при обращении к [НКРЯ] и к поисковой системе «Google» (37% и 77% соответственно). Можно предположить, что существенно (в два раза) меньший результат по [НКРЯ] обусловлен тем, что [НКРЯ], в отличие от поисковых систем, отражает кодифицированный литературный русский язык, то есть норму. И именно такая точка зрения эксплицитно выражена в [Храковский 2015: 328]. Если это так, то имея установку исследовать и описывать кодифицированный литературный язык, действительно, «целесообразней ориентироваться на цифры НКРЯ и оставлять за рамками исследования горячо обсуждаемые примеры типа *разбуживать* и *написывать*, которые... и защитники этих примеров не станут приводить в курсе литературного русского языка для иностранцев» [Там же]. (Отметим, впрочем, что наши примеры с формами *разбуживать* и *написывать* — это как раз примеры из [НКРЯ], см. [Горбова 2015а: 21].)

Думается, что твердая установка на изучение исключительно кодифицированного литературного языка вполне имеет право на существование и для определенных целей (например, для установления границ словаря активного владения на том или ином этапе изучения русского языка как иностранного) полностью оправдана. Однако исследователь может подходить к своему объекту и с другими целями и задачами, включающими, например, исследование диахронии. Причем он может иметь своим предметом как уходящие, так и возникающие явления (вспомним масловскую формулировку «с диахронической точки зрения как еще (или, напротив, уже) не охваченная видовым противопоставлением» [Маслов 2004: 329]). В таких случаях обращение к поисковым системам представляется полностью оправданным. Возможен и еще один аргумент в пользу поисковых систем: эти инструменты имеют в качестве базы поиска большие массивы текстов, чем [НКРЯ]. И здесь оказывается важным еще одно обстоятельство: [НКРЯ] при этом вовсе не является гарантией вхождения найденного там слова в кодифицированный литературный язык, поскольку, хотя он «в принципе» и «ориентирован на кодифицированный литературный русский язык» [Храковский 2015: 328], но с 2007 г. включает в свой состав и корпус устной речи (объемом 7,5 млн словоупотреблений на момент создания текста публикации [Гришина, Савчук 2009]), содержащий «расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов» [Там же: 132], см. <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html>. И если исследователь проводит поиск без ограничения (то есть по основному корпусу), то он также не застрахован от встречи с такими единицами, которые не входят в ядро кодифицированной русской лексики.

Следует также принять во внимание, что поиск по [НКРЯ], давший результат в 37% реализации суффиксальной имперфективации от префигированных перфективов из базы данных «Exploring Emptiness» (<http://emptyprefixes.uit.no>) проводился не по основному корпусу [НКРЯ] (140 млн. словоупотреблений), а по «Газетному корпусу (корпусу современных СМИ)»²¹, открытому в 2010 г. и существенно отличающемуся от основного (в который он не включен из соображений сохранения сбалансированности) не столько по объему (на 10.02.2016 — 228 521 421 словоупотребление), сколько по временному охвату и тематике текстов. В «Газетный корпус» входят исключительно тексты временного диапазона начиная с 2000-х гг. «семи СМИ — как печатных газет (“Известия”, “Советский спорт”, “Труд”, “Комсомольская правда”), так и электронных агентств (РИА “Новости”, РБК, “Новый регион”)) (информация взята со страницы <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html> сайта [НКРЯ]). Очевидно, что двойное сужение корпуса текстов (по временному диапазону и по жанрам) не могло не сказаться на сокращении результата: в выдаче не попали ни принадлежащие к художественной литературе примеры с *разбуживать* и *написывать* (первый — из текста О. Павлова конца XX в., второй — из текстов Г. Сквороды и Ф.М. Решетникова конца XVIII и XIX вв. соответственно, см. [Горбова 2015а: 21]),

²¹ Такой вывод сделан на основе следующего пояснения: «To ensure that the corpus results reflect the current usage, searches in the Russian National Corpus were conducted on the modern subcorpus of Russian...» [Janda et al. 2013: 170 (footnote 11)].

ни употребления, свойственные спонтанной разговорной речи. Оба ограничения — жанровое и временное — оказались, по-видимому, серьезными факторами. О влиянии второго мы можем судить, опираясь на результаты диахронического исследования, проведенного по основному корпусу [НКРЯ] (опубликованы в [Горбова 2015а: 19—25]): наибольшее количество «одиночек» (суффиксальных имперфективов, найденных только в одном из трех временных диапазонов) приходится как раз на период 1850—1901 г. — 92 единицы (для сравнения: период 1701—1750 гг. — 5 единиц, период с 1950 г. по 2015 г. — 22 единицы) [Там же: 21]. В долю в 37% эти 92 суффиксальных имперфектива явным образом не попали (как, впрочем, и пришедшие на более ранний период, а также часть тех, что были зафиксированы начиная с 1950 г.).

Что же касается последнего критического замечания В. С. Храковского относительно полученных в [Janda et al. 2013] данных, связанного с поиском суффиксальных имперфективов не для моносемичных перфективных лексем, а (как можно предположить) для вокабул, то и здесь все не просто. Прежде всего, никаких сведений относительно того, что же является предметом исследования в [Janda et al. 2013] — (моносемичная) лексема или вокабула, мне обнаружить не удалось. Прояснить этот вопрос могут только сами участники исследовательского проекта и авторы публикации.

Предположим, однако, что работа велась именно с вокабулами. Насколько существенно в таком случае могут уменьшиться количественные показатели наличия суффиксальных имперфективов со стандартным значением и повлиять на нашу оценку регулярности этого морфологического явления? Попробуем ответить на этот вопрос, отталкиваясь от предложенной в [Храковский 2015: 326—327] классификации «производных перфективов» в зависимости от их возможностей «реального образования вторичных имперфективов» и семантики последних.

1-я группа включает в себя «стандартные однозначные перфективы, от которых образуются и стандартные имперфективы» [Там же: 326] — тип *переписать*. Очевидно, что глаголы этой группы не могут оказать никакого редуцирующего влияния на общее количество стандартно образуемых НСВ₂, поскольку специфика этой группы заключается именно в 100% образования суффиксальных имперфективов со стандартным значением.

2-я группа — это однозначные перфективы, от которых суффиксальные имперфективы не образуются (утверждение, подкрепляемое ссылкой на [Janda et al. 2013]) — тип *поползти, проморгать* [Храковский 2015: 326]. Эта группа явным образом уменьшает регулярность суффиксальной имперфективации префигурованных перфективов, но, поскольку на сей час прежде всего интересует параметр (не)стандартности семантических отношений между СВ и НСВ₂, 2-ю группу можно вывести за скобки.

3-ю группу формируют многозначные перфективы — такие, «вокабула которых включает как минимум два значения, т. е. две лексемы» [Там же]. При этом одна лексема СВ имеет в качестве видового партнера НСВ₁ (например, *пробить ~ бить* (о часах)), а вторая лексема СВ образует НСВ₂ по стандартной модели *пробить ~ пробивать* (дыру в стене) [Там же: 326—327]. По-видимому, здесь можно ожидать некоторого ущерба для регулярности суффиксальной имперфективации, но исключительно в том случае, если будет установлено, что имеется лексема СВ, которая действительно исключает стандартную семантическую соотносительность с НСВ₂. Для *пробить ~ бить* (о часах) картина не столь однозначна, поскольку (хотя и за пределами [НКРЯ]) случаи употребления *пробивать* (о часах) обнаруживаются, ср. (10), (11).

- (10) Часы с боем **пробивают** каждый час такое количество ударов, сколько их есть на циферблате с цифрами от 1 до 12, и по одному разу тогда, когда минутная стрелка указывает на цифру 6 (<http://www.cyberforum.ru/cpp-beginners/thread1398821.html>).
- (11) Ваши часы **будут пробивать** такую мелодическую последовательность (см. ниже нотную запись) ⟨...⟩ (http://clockstudio.ru/article/?ELEMENT_ID=1291)

Немаловажным представляется и еще одно обстоятельство: по-видимому, подобные случаи (установленного отсутствия соотносительности СВ и НСВ₂ со стандартным семантическим соотношением в одной из лексем) не способны значительно уменьшить полученные в [Janda et al. 2013] числа, поскольку при учете полисемии и работе с моносемичными лексемами СВ нам сначала нужно будет увеличить количество рассматриваемых единиц СВ (на разницу между количеством вокабул и различных входящих в них лексем) и лишь после этого оценить случаи соотносительности. То есть если предположить, что в [Ibid.] учитывались вокабулы, то применительно к нашему примеру была принята во внимание одна вокабула *пробить*, соотносимая с *пробивать*, что позволило учесть этот случай как допускающий суффиксальную имперфективацию. Но если пойти по пути учета полисемии, то сначала мы обнаружим, что у нас имеется две лексемы СВ, и затем, к примеру, установим, что лишь одна из них обладает стандартной семантической соотносительностью с НСВ₂, а другая не обладает. В результате мы положим в копилку стандартной соотносительности ту же одну единицу, но уровень соотносительности СВ ~ НСВ₂ изменится за счет увеличения количества лексем СВ и неизменности количества лексем НСВ₂. Однако не исключено, что у большинства (или у всех) добавленных к группе СВ лексем стандартная семантическая соотносительность обнаружится. В таком случае эффект будет обратным. Таким образом, учет полисемичности глаголов данной группы может повлиять на изменение установленного в [Janda et al. 2013] уровня соотносительности СВ и НСВ₂, но как в сторону его снижения, так и в сторону увеличения.

Не способны оказать редуцирующего воздействия на соотносительность СВ ~ НСВ₂ глаголы 4-й группы, уже обсужденной (вместе с 5-й) в разделе 4.1 в связи с понятием лексикализации грамматической формы. Дело в том, что лексикализация (появление нового значения у НСВ₂ и, как результат, образование новой лексемы) добавляет новую лексическую единицу, являющуюся по форме вторичным имперфективом, но уже не соотносимую с исходным для нее префигированным СВ. Следовательно, лексикализация не может изменить общую картину регулярности суффиксальной имперфективации за исключением одного случая — именно того, который помещен в 5-ю группу: отсутствия стандартной семантической соотносительности между СВ и НСВ₂. Соответственно, если пара глагольных форм была подсчитана как стандартная в результате игнорирования семантической несоотносительности, общая картина могла быть искажена в сторону увеличения численности (и доли) стандартных пар СВ ~ НСВ₂. По-видимому, наибольшее внимание при последующих исследованиях этого вопроса нужно уделять именно подобным случаям. Однако при их анализе каждый раз необходимо удостовериться в том, что в текстах действительно отсутствует реализация НСВ₂ со стандартной семантикой. Как было показано выше на примере *заигрывать* (см. раздел 4.1), более тщательная проверка может показать, что мы имеем дело не с представителем 5-й, а с представителем 4-й группы.

4.3. О правиле (не)образования вторичного имперфектива

Как уже было отмечено, вопрос о правиле образования запрета на вторичную имперфективацию видится правильно поставленным и очень важным. Действительно, морфологическое явление, претендующее на статус словоизменительного, должно быть представлено в виде правила (системы правил), не только имеющего отношение к формообразовательному механизму, но и предлагающего экспликацию требований к единицам, поступающим на вход этого механизма. Проще говоря, правило должно описывать «мотивацию существующих запретов» [Храковский 2015: 328] для глаголов СВ, не способных подвергаться суффиксальной имперфективации. Попробуем в той или иной степени ответить на данный запрос.

По-видимому, сформулировать одно правило нам не удастся, потому что здесь проступают контуры целой системы правил. И поскольку в области русского вида мы, по всей

видимости, имеем дело с незавершенной грамматикализацией²², часть этих правил носит нежесткий характер. Однако среди них имеется и один весьма жесткий ограничитель — запрет на третичную имперфективацию, то есть повторное применение суффиксальной имперфективации [Татевосов 2013] (см. также [Горбова 2015а: 17—18]). Запрет этот, впрочем, касается исключительно полипрефиксальных глаголов, уже прошедших вторичную имперфективацию, то есть в обязательном порядке включающих в свой состав внешние префиксы. Следовательно, коль скоро мы уже имеем правило, запрещающее цикличность в применении суффиксальной имперфективации к префигированным глаголам СВ, следует обратиться к потенциальным запретам на суффиксальную имперфективацию единожды префигированных глаголов СВ.

Остановимся на правилах, касающихся внутренних префиксов. Предположительно, они носят нежесткий характер, и относиться к ним нужно примерно так же, как к ограничениям на образование мн. ч. у существительных: потенциально форма множественного числа имеется у каждого русского существительного, ср. «множественное число здесь (у существительных *singularia tantum*. — Е. Г.) носит потенциальный характер: практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости все же может быть построено и будет правильно понято» [Зализняк 1980: 5]. Аналогично и в отношении суффиксальной имперфективации: потенциально от каждого префигированного внутренним префиксом СВ единичным применением механизма суффиксальной имперфективации образуется НСВ₂ (при неизменности запрета на третичную имперфективацию). То есть в распоряжении говорящего всегда (как и в болгарском языке, см. сноску 22) имеется простой инструмент для образования имперфектива от префигированного перфектива суффиксальным способом. Однако трудно не согласиться с тем, что говорящий по-русски, в отличие от говорящего по-болгарски, пользуется указанным морфологическим механизмом не столь последовательно, употребляя в своей речи (квази)синонимичный суффиксальному имперфективу имперфектив-симплекс. По каким причинам это происходит, еще предстоит установить, однако, на мой взгляд, соответствующая причина (или причины) носит скорее прагматический (или, возможно, морфонологический), а не морфосинтаксический или же семантический характер.

На данный момент можно предложить лишь самый предварительный перечень гипотетических «нежестких» ограничений на образование (точнее, употребление) суффиксальных имперфективов:

- а) употребление образованного по обычному правилу НСВ₂ со стандартным имперфективным значением затруднено вследствие имевшей место деграмматикализации (иначе — лексикализации) соответствующего вторичного имперфектива (этим частично объясняются случаи, объединенные в [Храковский 2015] в уже упомянутые 4-ю и 5-ю группы; см. выше анализ суффиксального имперфектива *заигрывать*);

²² Ср. с данной Ю. С. Масловым оценкой места суффиксальной имперфективации в болгарском языке, хотя и не сформулированной в терминах теории грамматикализации, но дающей представление о степени регулярности этого механизма: «⟨...⟩ в болгарском почти безраздельно господствующим типом оказалась суффиксальная имперфективация. От любой основы СВ — если отвлечься от некоторых вполне определенных морфологических исключений... — свободно образуется основа НСВ с суффиксом имперфективации. ⟨...⟩ [Приведем] примеры глаголов с так называемыми пустыми приставками вроде *напиша* ‘написать’ — *написвам*, *направля* ‘сделать’ — *направлям*, *пожелая* ‘пожелать’ — *пожелавам* и т. п.» [Маслов 2004: 122]. Кроме того, Маслов настаивал на «отрицательном (нулевом) обозначении СВ в перфективах, соотносительных с вторичными имперфективами»: «[П]одлинное различие между противопоставленными основами НСВ и СВ состоит (...) в наличии/отсутствии суффикса имперфективации. Здесь, как и в бесприставочных глаголах, НСВ обозначен этим суффиксом, а СВ — отсутствием суффикса. Приставки же выражают способ действия, предельность, те или иные пространственные значения, но к виду как таковому отношения не имеют» [Там же: 123—124]. Аналогичное решение см. в [Мучник 1971: 131—132], усматривавшем «нулевой видовой аффикс» в форме *восстановил* на фоне «аффиксальной формы» *восстановливал*.

- б) при наличии у (потенциального) вторичного имперфектива квазисинонима — симплекса НСВ₁ (то есть в случае наличия биимперфективной тройки), НСВ₂ может либо не появляться вовсе, ср. *строить дом ~ построить дом ~ *постраивать дом*²³ (или быть крайне ограниченным в своем употреблении: *часы бьют полночь ~ ?часы пробивают/пробивали/будут пробивать полночь*, см., впрочем, примеры (10)—(11)); либо НСВ₂ существенно проигрывает в употребительности своему «джокеру» — однокоренному НСВ₁, ср. *петь куплеты ~ пропевать куплеты, рвать волосы ~ вырывать волосы*.

4.4. Другие болевые точки русской аспектологии

В обсуждаемой статье В. С. Храковского были обозначены еще три болевые точки русской аспектологии, каждая из которых одновременно является аргументом против словоизменительной трактовки русского вида. Это проблема лексикографического представления видовых форм, общеаспектологическая (или даже общеморфологическая) проблема взаимной сочетаемости словоизменения и словообразования и проблема взаимоотношения первичного и вторичного имперфектива в биимперфективной тройке. В этом подразделе ставится задача по возможности кратко отразить наше видение поставленных проблем.

Начнем с биимперфективных троек, поскольку именно к этому вопросу нас подводит последнее из сформулированных выше нежестких правил, ограничивающих употребление суффиксальных имперфективов. Обсуждение этой проблемы в [Храковский 2015: 330—332] приводит автора к следующему выводу: «первичный и вторичный имперфективы в конвенциональных тройках не исключают, а дополняют друг друга. У этих глаголов дополняющие друг друга наборы аспектуальных значений, которые в принципе может иметь глагол НСВ» [Там же: 332]. Основной же пункт полемики с моей позицией по вопросу биимперфективных троек, выраженной в [Горбова 2014; 2015а], сводится к тому, что я склонна выводить первичный имперфектив за пределы видового словоизменения, полагая, что каждый раз в биимперфективной тройке избыточен именно НСВ₁. Считаю необходимым пояснить свою точку зрения. Представляется совершенно справедливым утверждение относительно взаимного дополнения наиболее характерных для первичного и вторичного имперфективов наборов частных значений таким образом, что совместно они дают максимально возможный для НСВ ассортимент значений. Однако оно никак не противоречит выведению первичного имперфектива за пределы наиболее грамматикализованного словоизменительного фрагмента русского вида. Как я старалась показать в посвященном сопоставительному анализу семантики и акциональности обоих имперфективов разделе работы [Горбова 2015а: 25—31], семантические «предпочтения» каждого из имеющихся русских имперфективов обусловлены, главным образом, их акциональными характеристиками, которые, в свою очередь, в немалой степени объясняются их морфологической структурой (еще один важный фактор — контекст и, прежде всего, наличие пациентивного участника с такими его характеристиками, как (не)референтность и единичность или множественность). Отсюда и склонность НСВ₁ выражать актуально-длительное значение (при единичности ситуации), и отмеченная в [Храковский 2015: 332] склонность НСВ₂ к выражению так называемых «тривиальных» значений, итеративного и изобразительного, а также свойственная для вторичного имперфектива затрудненность выражения «нетривиального» актуально-длительного значения. Дело в том, что НСВ₂, имея в своем составе телесизирующий префикс (и включив тем самым в свою семантику результирующее подсобытие), реализует после введения в свою структуру суффикса имперфективации исключительно стандартные имперфективные значения (за пределами случаев лексикализации формы), которые являются

²³ Впрочем, такая форма зафиксирована в словаре В. И. Даля [1880—1882]: «постраивать, строить помаленьку, исподволь. *Сосед у себя все **постраивает** что-то*» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/329278>).

следствием введения в окно наблюдения срединной стадии предельной ситуации (подробнее об условиях реализации вторичными имперфективами значений из имперфективного набора см. в [Горбова 2015а]). Первичные же имперфективы принадлежат в основном к акциональным классам состояний и непредельных процессов (*знать, думать, (что), иметь, брезговать и катить, плакать, ворошить* соответственно), в акциональный рисунок которых, собственно, только срединная стадия ситуации и входит, поэтому они идеально приспособлены для выражения актуально-длительного значения.

Таким образом, верным оказывается утверждение, что первичный и вторичный имперфективы реализуют весь имперфективный спектр значений совместно. Но это обстоятельство никоим образом не препятствует словоизменительной трактовке суффиксальной имперфективации, бинарности получаемой оппозиции СВ ~ НСВ₂ и выведению за ее пределы первичных имперфективов, поскольку у последних нет хоть сколько-нибудь регулярной морфологической соотносительности с производимыми от них префиксальным способом СВ, с одной стороны, и поскольку наиболее предпочтительный для них набор аспектуальных значений обеспечивается их (преимущественной) непродуцируемостью и принадлежностью к акциональным классам состояний и непредельных процессов, с другой. То есть предпочтительное значение (или значения, если включать, кроме актуально-длительного, например, свойственные состояниям постоянно-непрерывное и реляционное) обеспечивается не морфологическим, а лексическим видом. При этом функционирование обоих имперфективов (в смысле их сочетаемостных и иных особенностей, в частности отношения к грамматикам императива и прохитива), действительно, оказывается весьма сходным, а в некоторых случаях и идентичным (ср. с результатами исследования грамматических профилей первичных и вторичных имперфективов в [Janda, Lyashevskaya 2011]).

Отметим также, что такое последствие принятой трактовки, как увеличение количества (словоизменительно) несоотносительных по виду глаголов, не представляется существенным, особенно если учитывать потенциальную способность образования по модели суффиксальной имперфективации форм для всех (единожды) префигированных (лексическими префиксами) перфективов. Думается, что общую аспектуальную картину и словоизменительный механизм в сфере глагольного вида можно сравнить с общей картиной отношения имен существительных к исчисляемости и словоизменительной категории числа. *Солома* и *картофель* не имеют реальных форм мн. ч. (и вообще чужды идее счета, хотя и функционируют как формы ед. ч., о чем говорит их сочетаемость: *колячая солома, отборный картофель*), пока не пройдут процесс деривации и не включат в свою основу показатель сингулярности *-ин-*, после чего получают обычную (регулярную) соотносительность по числу: *соломина ~ соломины, картофелина ~ картофелины*. Аналогично так называемые первичные имперфективы (*сидеть, лежать, знать*) не имеют возможности реализовать стандартное видовое противопоставление и получают ее только после префиксальной деривации: *отсидеть ~ отсидживать (ногу; весь день за партией), пролежать (все воскресенье на диване) ~ пролеживать (каждое воскресенье на диване); узнать ~ узнавать (новости; что)*.

Обратимся теперь к проблеме лексикографического представления глагола и обсудим, усложняется ли словарное представление русского глагола при предлагаемой словоизменительной трактовке вида. Оттолкнемся от поставленного вопроса: «Если все-таки рассматривать члены пар перфектив — вторичный имперфектив видовыми партнерами в рамках словоизменительной категории вида, то тогда возникает вопрос о том, какая форма глагола, имеющего эту категорию вида, должна представлять этот глагол в словаре?» [Храковский 2015: 329]. Ниже предлагается ответ на этот вопрос.

Поскольку основа префигированного СВ является производящей, то есть исходной, при суффиксальной имперфективации, именно она и должна представлять глагол как лексему в словаре. Таким образом, учитывая традицию русской лексикографии представлять глагольное слово в форме инфинитива, в заголовке словарной статьи, при условии реализации в форме соответствующего НСВ₂ стандартного имперфективного значения, должен быть

представлен (префигурованный) инфинитив СВ, например переписать. В случае же лексикализации (деграмматикализации) вторичного имперфектива (и только в этом случае) в словарь в качестве отдельной лексической единицы вводится вторичный имперфектив (так следует поступать с глаголами 5-й группы, выделенной в [Храковский 2015: 327], если будет установлено, что они не реализуют соотносительных с СВ и стандартных для НСВ₂ значений). Остальные вторичные имперфективы могут быть включены в словарь в качестве заголовков отдельных статей для удобства пользователя, но содержание такой статьи может быть ограничено лишь грамматической информацией о виде и отсылкой к основной форме — соответствующему инфинитиву СВ, например: переписывать — несов. к переписать. Симплекс — как формально НСВ (типа *пить, крыть*), так и формально СВ (типа *дать*) — в обязательном порядке должны возглавлять словарные статьи, при них нужно указывать их видовую характеристику (в терминах СВ vs. НСВ) либо их акциональную характеристику в терминах избранной номенклатуры акциональных классов (к примеру, принятой в [Анна Зализняк, Шмелев 2000; Плунгян 2011]: состояние, (не)предельный процесс, событие). В последнем случае в правилах пользования словарем необходимо указать на соответствие акциональных ярлыков аспектуальным: состояния и (не)предельные процессы функционируют как НСВ, события — как СВ²⁴. Также в качестве отдельных словарных статей нужно давать все полипрефиксальные глаголы СВ, не допускающие (в силу действия запрета на третичную имперфективацию) соотносительных имперфективов, и при этом в обязательном порядке указывать на их видовую несоотносительность, например: наоткрывать — только сов. вид. Наконец, следует отмечать способность первичного имперфектива играть роль «джокера» по отношению к однокоренному вторичному, указывая на их (квази)синонимичность, точно так же, как следует указывать (как это традиционно и делается) на префигурованный однокоренной СВ, способный быть видовым партнером к описываемому в данном случае первичному имперфективу.

Приведем пример реализации этих предложений, взяв за основу фрагмент словарной статьи первичного имперфектива (симплекса) *бить* из МАС²⁵ (в этом словаре у данной полисемичной вокабулы выделяется 11 значений, ограничимся здесь тремя: 2-м, 3-м и 6-м; разрядкой выделены наши добавления в текст словаря):

2. (сов.) побить, (синоним. несов.) побивать *перех.* Наносить удары, побои; избивать. А)²⁶ Если вы **бьете** вашего ребенка, для него это во всяком случае трагедия. Макаренко, «Книга для родителей».
- Б) — Потому что я буду боксером и буду всех **побивать** [Виктор Драгунский. Денискины рассказы/ Друг детства (1963)].
- Значит, папаша молод и пьян, и куда-то едет с деткой в машине, — слава Богу, машину ведет приятель, и где-то за городом, в середине пути, папаша ссорится с сыном и немножко так **побивает**, несильно так — синяки, ссадины [Е. Долгинова. Дело Павлика Моро // «Русская жизнь», 2012].

²⁴ Практически аналогичные утверждения находим в [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 36], ср.: «Глаголы сов. вида всегда обозначают события (можно сказать, что они предназначены для обозначения событий), а глаголы несов. вида могут обозначать любое из трех типов явлений: состояния (*умирает* от нетерпения, *хворает*, чего-то *ждет*), процессы (*кипит*, *беседует* с приятелем, долго *пишет* письмо) и события (внезапно *понимает*, каждый день *приходит*)». Как несложно заметить, мое предложение отличается отсутствием соотносительности класса событий с НСВ, однако это закономерно, поскольку такая соотносительность характерна для НСВ₂, а в обсуждаемом случае речь идет о симплеках, то есть НСВ₁.

²⁵ В выборе глагола и словаря мы также идем в след за В. С. Храковским [2015: 324—325], анализировавшем на примере представления вокабулы *бить* в МАС возможности приставочной перфективации ее лексем. Ранее многозначный симплекс *бить* и его приставочные дериваты, но на базе словаря Ушакова, анализировался также в [Мучник 1971: 117—118].

²⁶ Здесь и ниже примеры А) взяты из МАС, примеры Б), иллюстрирующие употребление квазисинонимичного вторичного имперфектива, — из основного корпуса [НКРЯ].

3. (сов.) побить, (синоним. несов.) побивать *перех.* Наносить поражение, побеждать; одерживать верх в чем-л.
 А) *Бить врага.* — *А ты, Фома Ильич, помнишь всех генералов, которых мы били под Львовом?* Вс. Иванов, «Пархоменко».
 Б) *Три года назад российский кинематограф, отказавшийся от напрасной амбиции одолеть Голливуд на земле, внезапно получил шанс побить конкурента там, где русские издревле побивали американцев, — в космосе* [М. Кувшинова. Сибирско-марсианский экспресс // «Известия», 2003.01.14] {...}
6. (сов. разбить), (синоним. несов.) разбивать *перех.* Дробить на мелкие части, размельчать.
 А) *Дети колхозников сидели на корточках и смотрели, как дорожники ловко бьют камни.* Лидин, «Дорога в горах».
 Б) *Он видел, как на пожоге обжигают руду; потом, как мальчики его возраста разбивают ее на мелкие куски, а потом эту измельченную руду свозят на верх доменной печи и засыпают попеременно с углем* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Под домной (1891)].

Относительно еще одной проблемы — уже не двух инфинитивов, а двух частично различающихся парадигм, характерных для формально (или функционально) совершенного и несовершенного вида (в частности, наличие синтетического будущего у СВ и аналитического у НСВ, отсутствие формы презенса у СВ и ее наличие у НСВ) — отметим следующее. Факт несовпадения заполненных клеток парадигмы в русской аспектологии оценивается диаметрально противоположно. Если в [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 14—15] он назван одним из аргументов в пользу словоизменительной трактовки русского вида²⁷, то в [Храковский 2015: 329] — одним из аргументов против словоизменительного характера соотношения форм СВ и НСВ₂. Более убедительной представляется позиция, в соответствии с которой две неполные парадигмы рассматриваются как две составляющие единой парадигмы, поскольку другим способом целостную темпоральную парадигму русского глагола получить не удастся. (Причем это верно и при построении альтернативной, «неклассической», модели русского времени, при которой настоящее время трактуется как нейтральное и репрезентируется обеими видовыми формами — *ударяет*^{НСВ} и *ударит*^{СВ}, в то время как будущее оказывается представленным только НСВ: *будет ударять*, см. [Перцов 1998; 2001: 147—152].)

Последний аргумент против предлагаемой словоизменительной трактовки русского вида и в пользу его (слово)классифицирующей трактовки «заключается в том, что вид как (слово)классифицирующая категория может комбинироваться в языке с видом как словоизменительной категорией» [Храковский 2015: 330]. Иллюстрируется это положение материалом болгарского языка, а именно глагольными формами, которые репрезентируют комбинации (синтетического) аориста и (приставочного) перфектива (*написах* — AOR.PRPF), аориста и первичного имперфектива (*писах* — AOR.IMFV), (синтетического) имперфекта и перфектива (*напиших* — PRF.PRPF), имперфекта и имперфектива (*пиших* — IMF.PRPFV).

Несомненно, все эти комбинации в болгарском языке имеют место. Однако остается не совсем понятным, а) верно ли, что из факта иллюстрации возможных в болгарском языке комбинаций оппозиций перфектив ~ имперфектив и аорист ~ имперфект исключительно первичными имперфективами вытекает невозможность комбинации с аористом и/или имперфектом вторичного имперфектива? б) почему следствием возможности подобных

²⁷ «Ни глаголы сов. вида, ни глаголы несов. вида сами по себе не обладают полным набором грамматических форм: у глаголов сов. вида отсутствует форма настоящего времени, у глаголов несов. вида — форма простого будущего» [Анна Зализняк, Шмелев 2000: 14]. И этот факт не может трактоваться как дефектность некой конкретной парадигмы конкретной единицы, данная неполнота характерна для единиц всего грамматического класса, то есть здесь мы имеем дело с «отсутствием соответствующих клеток» [Там же: 15].

комбинаций с неизбежностью является вывод, что комбинируются именно различные — (слово)классифицирующая и словоизменительная — категории, и не можем ли мы трактовать эти примеры как случаи комбинации двух словоизменительных категорий?

Ответ на первый вопрос очевидным образом должен быть отрицательным, ср. наличие вторичных имперфективов в форме аориста и имперфекта в примерах ниже²⁸. В (12) представлена «минимальная пара»: аорист префигированного перфектива и парного к нему (также префигированного) имперфектива, в (13) глагольная словоформа *вслушваше* — это форма имперфекта от вторичного имперфектива, содержащая самый употребительный в болгарском языке вариант суффикса имперфективации *-ва-*, см. [Маслов 1981: 203—204].

(12) *Що т'й се забáви?.. Мар'ийка к'сно ли те нам'ери^{AOR.PRF}? — Ко'я Мар'ийка? — Как? Не намир'а^{AOR.IMFV} ли те т'я?* (Иван Вазов)

‘Что ты так задержался? Марийка поздно тебя разыскала? — Какая Марийка? — Как? Она тебя вообще не нашла?’ [Маслов 1981: 249]

(13) *Т'ой се вслушваше^{IMF.IMFV} в ст'пките им, докато загл'хнеха^{IPF.PRF} в ноцт'а* (Стоян Доскалов)

‘Он вслушивался в их шаги, пока они, бывало, не заглохнут в темноте’ [Маслов 1981: 252].

Итак, болгарские вторичные имперфективы могут стоять в формах аориста и имперфекта, причем как одна, так и другая аспектуальная оппозиция рассматриваются в качестве словоизменительных²⁹. При этом очевидно, что показатели обеих аспектуальных оппозиций являются аффиксальными, а результирующие формы глагола, следовательно, — синтетическими. Таким образом, у нас нет никаких оснований выводить из болгарского материала (то есть из факта комбинирования членов оппозиции перфектив ~ имперфектив, с одной стороны, и имперфект ~ аорист, с другой) неизбежность (слово)классифицирующей сущности одной из двух вступающих во взаимодействие оппозиций.

Кроме того, способностью к комбинированию двух аспектуальных оппозиций обладает не только такой южнославянский язык, как болгарский, но и (что даже более широко известно) такие представители германской и романской групп языков, как английский и испанский. Первый, как известно, допускает комбинирование граммем перфекта и прогрессива, имеющих аналитические показатели (*He has been working^{PRF.PROG} since 9 o'clock* ‘Он работает с 9 часов’), а второй, демонстрируя большую близость к болгарской ситуации, — граммем имперфекта (или аориста) и прогрессива (исп. *estuvo limpiando^{AOR.PROG} (una ventana)* ‘(он/а) некоторое время мыл(а) (окно)’ — *estaba limpiando^{IMF.PROG} (una ventana)* ‘(он/а) мыл(а) (окно)’); об испанских комбинированных формах см. в [Горбова 2009]). Единственное отличие, которое мы наблюдаем между взаимодействием двух словоизменительных аспектуальных оппозиций в болгарском и испанском языках, заключается в том, что во втором случае граммема с аффиксальным показателем (аорист или имперфект) комбинируется с граммемой, показателем которой является служебный глагол (прогрессив), то есть синтетический способ кодирования совмещен с аналитическим.

Из этого обсуждения вытекает, что сам факт комбинирования граммем из двух различных (в частном случае, аспектуальных) оппозиций не служит доказательством того, что одна из оппозиций должна быть охарактеризована как (слово)классифицирующая. И если

²⁸ Примеры заимствованы из [Маслов 1981].

²⁹ Именно такая трактовка характерна для Ю. С. Маслова, ср.: «Так называемая “перфективация” трактуется как побочный продукт словообразовательного процесса... Напротив, имперфективация, образование вторичного имперфектива, рассматривается здесь как явление формообразования, как создание словоформ нсв. для глагола, уже имеющего формы св. (или иногда, как создание более отчетливых форм нсв. для глагола, имеющего совпадающие, омонимичные формы обоих видов)» [Маслов 1981: 191].

приведенных языковых фактов, вообще говоря, недостаточно для того, чтобы утверждать, что в таких случаях как раз более высока вероятность совмещения двух словоизменительных оппозиций (неважно, синтетических или аналитических по технике кодирования), то, по-видимому, нет и оснований считать, что одна из оппозиций в таких случаях в обязательном порядке носит классификационный характер.

5. Об общепринятых в русской аспектологии положениях

Наконец, хочется остановиться и на предложенном в самом начале публикации [Храковский 2015] перечне общепринятых для русской аспектологии утверждений. На мой взгляд, представление о том, что включенные в этот перечень утверждения разной степени обобщенности являются бесспорными для аспектологов, все же излишне оптимистично. В качестве подтверждения приведем два примера. Первое утверждение — «У глагола есть бинарная категория вида, иначе аспекта» [Там же: 321] — явным образом ставится под сомнение в докладе Д. В. Герасимова, прочитанном на той же конференции в Киото, и, соответственно, отраженном в [Герасимов 2015]. Еще одно утверждение (номер 5) — «Видообразование происходит при помощи двух морфологических механизмов: префиксального и суффиксального» [Храковский 2015: 321] — расходится со взглядами С. Г. Татевосова, ср., в частности, утверждение «видовая семантика не является семантическим компонентом таких основ, как *писа-* и *написа-*» [Татевосов 2015: 272, 277—279]. Однако если полемика с мнением С. Г. Татевосова относительно русских аспектуальных показателей (вернее, их отсутствия) здесь явно неуместна, поскольку этот объемный вопрос потребует серьезного обсуждения, то выражение отношения к не менее сильно порывающим с традицией подходом Д. В. Герасимова представляется несколько более реалистичной задачей.

В [Герасимов 2015] на основе авторского перечня «болевых точек» (проблемных мест) традиционной трактовки русского вида как бинарной грамматической категории³⁰ предлагается совершенно новый подход к аспектуальной зоне русского глагола: «русский вид не является грамматической категорией, но складывается из взаимодействия (в смысле [Храковский 1990]) целого ряда (более десятка) различных категорий, большинство из которых являются к в а з и г р а м м е м а м и, состоящими в привативной оппозиции с собственным отсутствием, и имеют единственный (с точностью до алломорфии) экспонент» [Герасимов 2015: 51]. Далее автор отмечает, что «наиболее регулярной и легко выделяемой среди них (за счет широкой сочетаемости) является имперфективатор *-ыва-*» [Там же]. Кроме того, автор проводит аналогию между устройством видового противопоставления в русском языке и устройством синтаксической переходности в (прежде всего) агглютинативных языках: и в том и в другом случае глагольная словоформа может быть охарактеризована в терминах бинарных оппозиций (перфектив ~ имперфектив и переходный ~ непереходный), в обоих случаях существуют лабильные глаголы (в сфере вида — двувидовые), в области синтаксической переходности также имеются способы изменить данную характеристику (при помощи категорий актантной деривации), что сопоставимо с различными способами изменения видовых свойств глагола с помощью (им)перфективирующих аффиксов, подобно видовым парам в области переходности выделяются пары глаголов, соотносимые

³⁰ Среди них: несоответствие определению грамматической категории (ГК) в смысле трудностей при выделении взаимоисключающих значений, которые (по определению ГК) должны входить в набор обязательных для выражения некоторыми формальными показателями; формальная неоднородность показателей, дистрибуция которых не сводится к алломорфии; наличие троек, что вступает в серьезное противоречие при словоизменительной трактовке вида как бинарной категории; нерешенность вопроса о том, являются ли аспектуальными показателями тематические суффиксы симплексов (типа *знать, делать*); проблематичность трактовки префиксов как показателей перфективности; факты сочетаемости показателей противоположных видов в рамках словоформы в результате последовательного их вхождения при деривации, см. [Герасимов 2015: 49—51].

по переходности (каузатив и антикаузатив), причем эта способность организоваться в пары не распространяется на всю глагольную лексику [Там же].

Как отмечает автор обсуждаемой концепции, наименьшие расхождения предложенная им трактовка русского вида обнаруживает с тем вариантом словоизменительного подхода к оппозиции СВ ~ НСВ, которому посвящена настоящая статья. Ср.: «[п]одход, наиболее близкий к нашему, предлагается в [Горбова 2014; 2015а], где постулируется бинарная словоизменительная категория вида, ограниченная случаями суффиксальной имперфективации, и вводится понятие единого префиксального форманта-перфективатора, относящегося к сфере словообразования» [Герасимов 2015: 51]. Последнее понятие, впрочем, не представляется автору полезным.

Преимущества предложенной трактовки устройства аспектуальной зоны русского языка (как совокупности квазиграммем) ее автор видит в том, что снимается необходимость выбора в пользу словоизменительной или (слово)классифицирующей трактовки русского вида, а также — в значительной степени — лишаются основания споры об адекватности такого типичного для славянской аспектологии теоретического конструкта, как видовая пара. Кроме того, акценты смещаются в сторону изучения сочетаемости различных аффиксов с аспектуальной семантикой, прежде всего префиксов (тематика, активно и успешно развиваемая в последние годы в работах С. Г. Татевосова, см. [Татевосов 2009; 2013; 2015; Киселева, Татевосов 2015]). Еще одно отмечаемое Д. В. Герасимовым преимущество носит типологический характер: русский вид оказывается не столько особым видом «славянского типа» (см. [Dahl 1985]), сколько приобретает типологически более предсказуемые черты, поскольку «обнаруживает значительно больше сходства с видо-временными системами других языков мира, в которых широко используются комбинируемые друг с другом аспектуальные квазиграммемы» [Герасимов 2015: 52].

Выскажем несколько соображений в связи с предложенной трактовкой русского вида как совокупности квазиграммем, в том числе в связи с ее зафиксированными преимуществами. Прежде всего, заметим, что последнее преимущество — меньшая типологическая специфичность русского вида и возможный отказ от понятия вида «славянского типа» — достижимо и в том случае, если мы принимаем трактовку морфологии оппозиции СВ ~ НСВ как словоизменительной, имея в виду регулярность суффиксальной имперфективации (то есть сужая морфологию вида до СВ ~ НСВ₂). При таком ограничении мы также избавляемся от всех тех проблем, которыми характеризуется традиционный (под традицией здесь понимается концепция, принятая в [РГ-80]) подход (см. сноску 30). Аффиксальная (точнее, суффиксальная) морфология противопоставлений типа *подписать* ~ *подписывать*, *здать* ~ *задавать* если в чем-то и отличается от морфологии противопоставлений типа исп. *cant-aba*^{IMF} ‘пел(а)? ~ *cant-ó*^{AOR} ‘(с-/за-/про-)пел(а)?, то охватом глагольной лексики: этот охват тотальный в случае испанского противопоставления и не тотальный (на данный момент в кодифицированном варианте языка), хотя и охватывающий существенную часть глаголов, в случае русского языка³¹. Второе очевидное отличие — два инфинитива в первом случае и две финитные формы во втором — обусловлено только ограниченностью сферы действия оппозиции имперфект ~ аорист, которая, как известно, локализована в сфере претерита, где реализуются исключительно финитные формы (так же обстоит дело и в болгарском языке). Но если обратиться к оппозиции прогрессив ~ непрогрессив (первая граммема, или квазиграммема, имеет аналитическую форму) в таких языках, как, например, английский или испанский, то мы обнаружим, что не ограниченный рамками

³¹ Ср. с высказыванием Ю. С. Маслова, сделанным по этому поводу в 1963 г.: «...в индивидуальной речи нередко встречаются такие образования с суффиксами имперфективации, которые не фиксируются словарями; вообще потенциальная возможность этих образований значительно шире их реальной зафиксированности в словарях и даже в картотеках больших словарей славянских языков» [Маслов 1963б: 211]; также см. диахроническое исследование на базе [НКРЯ] в [Горбова 2015а] и обсуждение регулярности в разделе 4.2.

претеритальной сферы прогрессив также дает нам второй инфинитив: англ. *to be writing*^{INF.PROG} ~ *to write*^{INF.NONPROG}, исп. *estar escribiendo*^{INF.PROG} — *escribir*^{INF.NONPROG}, семантика в обоих случаях — ‘писать’. Примечательно, что никаких дискуссий по поводу того, какой из этих двух инфинитивов следует использовать в качестве представителя лексемы в заголовке словарной статьи, не возникает: статью возглавляет морфосинтаксически более простая форма — синтетический инфинитив, из которого по общему правилу выводится инфинитивная же (аналитическая) форма прогрессива.

За исключением отсутствия указанного преимущества в большей «типологичности» представления русского вида при его моделировании как набора квазиграммем (поскольку таким же преимуществом обладает и предлагаемая здесь словоизменительная трактовка механизма суффиксальной имперфективации), сформулированное в [Герасимов 2015] предположение представляется в высокой степени интересным и достойным внимания. Ограничимся двумя дополнительными комментариями относительно этой базирующейся на понятии квазиграммемы теоретической модели.

Квазиграмма — это «недограмма»: одиночное обязательно выражаемое грамматическое значение, не имеющее противочлена, см. [Мельчук 1997: 286—288; Перцов 2001: 84—85; Плунгян 2011: 66—70], что предполагает как отсутствие противопоставленной формы с эксплицитным показателем, так и отсутствие противопоставленной семантики. Если противопоставленная семантика есть, но она не выражена эксплицитным показателем, обычно постулируется наличие нулевого показателя (показателя с пустым означающим [Мельчук 2001: 25]). Семантика, противопоставленная стандартному имперфективному значению вторичного имперфектива, у русского приставочного СВ имеется — это единичное соотношенное с пределом событие, имеющее срединную стадию (во всех случаях, кроме моментативов). Из наличия противопоставленной семантики вытекает, что следует постулировать наличие нулевого показателя (см. изложение этой логики в [Вубе 1994]) — показателя перфективности у префигурованного СВ³², появление которого соотносимо с вхождением в словоформу на предшествующем этапе деривации (внутреннего) префикса-телизатора³³. Таким образом, представляется, что трактовать русский имперфектив (НСВ₂) как квазиграмму — это некоторое понижение в статусе этой формы, следствием чего является «утрата» грамматической словоизменительной категории вида.

Второй комментарий имеет отношение к различию в степени регулярности между вторичными имперфективами и всеми остальными кандидатами на статус аспектуальных квазиграммем. Существенно большая регулярность первого механизма базируется на отсутствии семантических препятствий для суффиксальной имперфективации префигурованных перфективов, то есть его меньшей обусловленности лексической семантикой глаголов. На мой взгляд, это обстоятельство также не позволяет принять предложенную модель русского вида как набора аспектуальных квазиграммем безоговорочно, и оговорка вновь должна быть сделана по поводу особого положения полученных путем суффиксальной имперфективации

³² Достаточно отчетливо выразил эту мысль Ю. С. Маслов: «Подписать, разрубить, договорить и т. д. перфективны потому, что рядом существуют подписывать, разрубить, догорать и т. д. Традиционная грамматика считает в таких случаях приставку положительным “знаком” перфективности. Но такая точка зрения не выдерживает критики: ведь приставка есть и в имперфективной форме. Единственное формальное различие между двумя противопоставленными основами состоит здесь в наличии — отсутствии суффикса имперфективации. Таким образом, в этих случаях приставка не должна и не может учитываться при анализе соотношения между членами видовой оппозиции: это соотношение остается тем же, что и в бесприставочных глаголах [типа *решать* — *решишь*, о которых чуть выше сказано, что в *решать* вид выражен положительно, суффиксом имперфективации *-а-*, тогда как в *решишь* — отрицательно, нулевой морфемой». — Е. Г.]. Здесь, как и там, несовершенный вид выражен суффиксом имперфективации, а совершенный — исключительно отсутствием этого суффикса» [Маслов 1963б: 215—216].

³³ См., впрочем, аргументацию против описания видообразования с использованием нулевых аффиксов в общем случае в статье [Мельчук 2016: 13—14].

НСВ₂. Впрочем, выделение на общем фоне квазиграммем именно этого механизма, в силу того, что соответствующий показатель, «имперфективатор *-ыва-*», является «наиболее регулярным» [Герасимов 2015: 51], мы видим и у самого автора обсуждаемой концепции.

В общем, предложенный в [Герасимов 2015] подход представляется весьма любопытным и вполне приемлемым, но, как кажется, несколько перегибает палку в противоположную относительно традиционного подхода сторону — в сторону уменьшения регулярности и снижения степени грамматикализованности (отдельных участков) русской аспектуальной зоны.

6. Заключительные замечания

Итак, обозначив проблематику обсуждения в разделе 1, пояснив свою позицию в разделе 2 и перечислив в разделе 3 выдвинутые в [Храковский 2015] аргументы против словоизменительной трактовки суффиксального механизма имперфективации русского глагола, мы последовательно рассмотрели их в разделе 4, обратившись под конец к представленным в [Там же] в качестве общепризнанных в русской аспектологии общим утверждениям и, оттолкнувшись от одного из них, закончили в разделе 5 анализ «болевых точек» русского вида критическим обсуждением второго их перечня, предложенного в [Герасимов 2015] вкупе с выдвинутой там же теоретической моделью русского вида как совокупности квазиграммем с аспектуальной семантикой.

Основной задачей проведенного обсуждения было представление (дополнительной) аргументации в пользу словоизменительного характера суффиксальной (вторичной) имперфективации, обоснования ее статуса как центрального и консолидирующего участка русского видообразования. (При этом окончательная оценка морфологии русского вида должна быть, по-видимому, дана в рамках общелингвистической теории парадигм.) Попутно были высказаны некоторые соображения относительно понятия морфологической (не)регулярности, а также сопряженности комбинаторных возможностей различных (принадлежащих различным оппозициям) аспектуальных граммем и словоизменительного/(слово)классифицирующего характера соответствующих категорий и внесен ряд предложений о лексикографической подаче русских глаголов с учетом их аспектуально-морфологических и семантических особенностей. Нуждающейся в дополнительной проработке следует признать лишь эскизно очерченную в 4.3 систему правил, ограничивающих механизм суффиксальной имперфективации. Таким образом, полная экспликация словоизменительного механизма русского вида и остающихся за его пределами несоотносительных имперфективов и перфективов остается делом будущего, так же, впрочем, как и его исчерпывающая характеристика и оценка в типологическом ракурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Быков 2016 — Быков Д. Л. Тринадцатый апостол. Маяковский: мистерия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016.
- Даль 1880—1882 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М.: Издательство книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880—1882 // <http://slovar-dalja.ru/>
- МАС — Евгеньева А. И. (ред.). Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь). 2-е изд. М.: АН СССР, Ин-т РЯ, 1981—1984 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=240>
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 // <http://www.efremova.info/>
- Ожегов, Шведова 1992 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992 // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>
- РГ-80 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.) Русская грамматика. Т. 1. М.: РАН, Ин-т РЯ им. В. В. Виноградова, 2005.
- Ушаков 1935—1940 — Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия» (т. 1), Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2—4) // <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Герасимов 2015 — Герасимов Д. В. Есть ли в русском языке категория вида? // Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 49—53. [Gerasimov D. V. Is there the category of aspect in Russian? *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diahronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 49—53.]
- Горбова 2009 — Горбова Е. В. Акциональная характеристика испанских глаголов, частотно реализуемых в перфективно-имперфективных формах // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 50—71. [Gorbova E. V. Actional properties of perfective-imperfective forms (with reference to Mark Davies' «Corpus of Spanish»). *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 3. Pp. 50—71.]
- Горбова 2014 — Горбова Е. В. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида // Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. Acta Linguistica Petropolitana*. Вып. X. Ч. 3. СПб.: Наука, 2014. С. 181—211. [Gorbova E. V. Notes on aspectual formation of the Russian verb and on inflectional vs. word classifying interpretation of aspect. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. X. No. 3. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 181—211.]
- Горбова 2015a — Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7—37. [Gorbova E. V. Aspectual formation of the Russian verb: Prefication or suffixation? *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 1. Pp. 7—37.]
- Горбова 2015b — Горбова Е. В. Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид «видом славянского типа»? // Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 62—72. [Gorbova E. V. Inflection or derivation, or Is the Russian aspect «aspect of Slavic types»? *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diahronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 62—72.]
- Гришина, Савчук 2009 — Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 129—149 // <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/07.pdf>. [Grishina E. A., Savchuk S. O. Corpus of spoken texts in the Russian National Corpus: Composition and structure. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006—2008. Novye rezul'taty i perspektivy*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. Pp. 129—149. Available at: <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/07.pdf>.]
- Зализняк 1980 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [A grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zalizniak A. A. *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozeniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniju* [«Russian nominal inflection» with selected works on Modern Russian and general linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Анна Зализняк 2006 — Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. [Zalizniak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006.]
- Анна Зализняк и др. 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3—23. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Shmelev A. D. Aspectual correlation in Russian: Supporting the notion of «aspectual pair». *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 1. Pp. 3—23.]
- Анна Зализняк, Микаэлян 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // Кибрик А. Е. (гл. ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26—30 мая 2010 г.). Вып. 9(16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 130—136. Статья доступна

- по ссылке: <http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L. On the place of aspectual triplets in the aspectual system of the Russian language. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 26—30 maya 2010 g.). No. 9 (16). Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2010. Pp. 130—136. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2769/dialog2010.pdf>.]
- Анна Зализняк, Микаэлян 2011 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. *Рвать зубы и мыть деньги*: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции Диалог-2011. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 725—736. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L. *Rvat' zuby and myt' den'gi*: One use of simple imperfectives in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2011*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2011. Pp. 725—736.]
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Анна Зализняк и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zalizniak Anna A., Mikaelian I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Исаченко 1954/2003 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. I—II. М.: Языки славянской культуры, 2003. (Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. Часть первая. Братислава, 1954.) [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya* [Grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Vol. I—II. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003. (Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim: Morfologiya*. [Grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Part 1. Bratislava, 1954.)]
- Карцевский 1927/1962 — Карцевский С. IV. Вид // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 218—230. (Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague: Legiografie, 1927.) [Karcevski S. IV. Aspect. *Voprosy glagol'nogo vida*. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962. Pp. 218—230. (Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague: Legiografie, 1927.)]
- Киселева, Татевосов 2015 — Киселева К. Л., Татевосов С. Г. Множественная префиксация и деривация видового значения // Китадзэ М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 91—97. [Kiseleva K. L., Tatevosov S. G. Multiple prefixation and derivation of aspectual meaning. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diahronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 91—97.]
- Маслов 1958/2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 445—476. (Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Доклады IV Международного съезда славистов, М.: АН СССР, 1958. Отд. отт. 39 с.) [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004. Pp. 445—476. (Maslov Yu. S. The role of the so called perfectivation and imperfectivation in the process of Slavic verbal aspect genesis. *Doklady IV Mezhdunarodnogo s'ezda slavistov*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1958. Offprint. 39 p.)]
- Маслов 1963а — Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Maslov Yu. S. *Morfologiya glagol'nogo vida v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke* [Morphology of verbal aspect in Modern Standard Bulgarian]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963.]
- Маслов 1963б — Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Славянское языкознание: Доклады советской делегации: М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 197—229. [Maslov Yu. S. The significance of data of the Bulgarian language for the general theory of Slavic verbal

- aspect. *V Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Sofiya, sentyabr' 1963 g.)*. Slavyanskoe yazykoznanie: Doklady sovetской delegatsii. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. Pp. 197—229.]
- Маслов 1978/2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 305—364. (Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Маслов Ю. С. (отв. ред.) Проблемы современного теоретического и синхронно-сопоставительного языкознания. Вып. 1: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4—44.) [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004. Pp. 305—364. (Maslov Yu. S. Towards the fundamentals of comparative aspectology. *Problemy sovremenno teoreticheskogo i sinkhronno-sopostavitel'nogo yazykoznanija. Vyp. 1. Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*. Maslov Yu. S. (ed.) Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1978. Pp. 4—44.)]
- Маслов 1981 — Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. [Maslov Yu. S. *Grammatika bolgarskogo yazyka* [The Bulgarian grammar]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981.]
- Маслов 1990 — Маслов Ю. С. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 83—84. [Maslov Yu. S. Aspect. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. Pp. 83—84.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I (Введение. Часть первая: Слово). М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener slawistischer Almanach, 2001. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. Tom I (Vvedenie. Chast' pervaya: Slovo)* [A course in general morphology. Vol. I (Introduction. Part I. The word)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV (Часть пятая: Морфологические знаки). М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener slawistischer Almanach, 2001. [Melčuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. IV (Chast' pyataya: Morfologicheskie znaki)* [A course in general morphology. Vol. IV (Part V: Morphological signs)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Мельчук 2016 — Мельчук И. А. Формальное выражение вида в русском глаголе // Русский язык в научном освещении. № 1(31). С. 9—23. [Melčuk I. A. Formal expression of aspect in the Russian verb. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1(31). Pp. 9—23.]
- Милославский 2015 — Милославский И. Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 11—18. [Miloslavskii I. G. Aspectual identity of the Russian verb in supporting receptive and productive speech activity. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2015. Vol. 74. No. 1. Pp. 11—18.]
- Мучник 1971 — Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. [Muchnik I. P. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Grammatical categories of noun and verb in Modern Standard Russian]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Падучева 2015 — Падучева Е. В. О биаспектуальности русского глагола *быть* // Китадзё М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 188—196. [Paducheva E. V. On the biaspectuality of the Russian verb *byť*. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i sisenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g.* Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 188—196.]
- Перцов 1998 — Перцов Н. В. О двух способах описания русской видо-временной системы (к проблеме неединственности грамматических решений) // Московский лингвистический журнал. 1998. Т. 4. С. 69—77. [Pertsov N. V. On two ways of description of the Russian aspectual-temporal system (the problem of nonuniqueness of grammatical decisions revisited). *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 1998. Vol. 4. Pp. 69—77.]
- Перцов 2001 — Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. [Pertsov N. V. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in the Russian inflection]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2001.]

- Пиперски 2014 — Пиперски А. Ч. О формализации понятия «регулярность» // Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2014. С. 125—127. [Piperski A. Ch. On formalization of the notion of regularity. *Odinnadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy докладov*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 125—127.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Риехакайнен 2014 — Риехакайнен Е. И. Видовые пары глаголов и ассоциативные связи в ментальном лексиконе носителя русского языка // Богданов С. И., Меньшикова Ю. В. (отв. ред.) XLII Международная филологическая конференция. Избранные труды. СПбГУ: Филологический факультет, 2014. С. 265—274. [Riekhakainen E. I. Verbal aspectual pairs and associative connections in the mental lexicon of the Russian native speaker. *XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya. Izbrannyye trudy*. Bogdanov S. I., Men'shikova Yu. V. (eds.) St. Petersburg State Univ.: Philology Department, 2014. Pp. 265—274.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and the anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel, 2009. Pp. 92—156.]
- Татевосов 2013 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42—89. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb). *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 3. Pp. 42—89.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and the event structure]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Тихонов 1964 — Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. № 1. С. 42—52. [Tikhonov A. N. The purely perfectivizing prefixes in the system of Russian aspect word-formation. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. No. 1. Pp. 42—52.]
- Тихонов 1998 — Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М.: Academia, 1998. [Tikhonov A. N. *Russkii glagol: problemy teorii i leksikografirovaniya* [The Russian verb: Problems of theory and lexicographic description]. Moscow: Academia, 1998.]
- Храковский 1990 — Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18—36. [Xrakovskij V. S. Interaction of grammatical categories of the verb. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18—36.]
- Храковский 2015 — Храковский В. С. Категория вида в русском языке: болевые точки // Китадзэ М. (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13—15 ноября 2015 г. Киото: Tanaka Print. С. 321—334. [Xrakovskij V. S. The category of aspect in Russian: Problematic issues. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i sisenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kioto, 13—15 noyabrya 2015 g. Kitadze M. (comp.). Kioto: Tanaka Print. Pp. 321—334.]
- Bybee 1994 — Bybee J. L. The grammaticization of zero: Asymmetries in tense and aspect systems. *Perspectives on grammaticalization*. Pagliuca W. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 235—254.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Janda, Lyashevskaya 2011 — Janda L. A., Lyashevskaya O. Aspectual pairs in the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 201—215.
- Janda et al. 2013 — Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers, 2013.

**РУССКИЕ НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ
ТОЛЬКО, ТОЛЬКО-ТОЛЬКО, ТОЛЬКО ЧТО:
ЗНАЧЕНИЕ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО
И РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

© 2017

Александр Борисович Летучий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Российская Федерация; alexander.letuchiy@gmail.com

Наша статья посвящена конструкциям типа *Он только пришел / Он только-только пришел / Он только что пришел* и их взаимодействию с результивной семантикой. Основной вопрос, который ставится в статье, состоит в том, обязательно ли из употребления наречий недавнего времени *только*, *только-только* и *только что* следует, что результат описываемой ситуации сохраняется на момент речи. В статье показано, что значения недавнего прошлого не обязательно предполагают наличие результата. Одни конструкции со значением недавнего прошлого могут содержать в семантике указание на результивность, у других этот компонент отсутствует. С результивной семантикой тесно связаны показатели *только* и *только-только*, а показатель *только что* не требует ни наличия результата, ни его отсутствия. Связь показателей *только* и *только-только* с результивными контекстами следует из их семантики и коммуникативной структуры, которые описываются в работе.

Ключевые слова: время, недавнее прошедшее, ограничительное значение, отмененный результив, перфект, результив, рема, тема

**RUSSIAN ADVERBIALS WITH TEMPORAL MEANING
TOL'KO, TOL'KO-TOL'KO, AND TOL'KO ČTO:
RECENT PAST MEANING
AND RESULTATIVE SEMANTICS**

Alexander B. Letuchiy

National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation;
alexander.letuchiy@gmail.com

The paper describes Russian constructions with the markers of immediate past *tol'ko*, *tol'ko-tol'ko*, and *tol'ko čto*, such as *Он tol'ko / tol'ko-tol'ko / tol'ko čto prišel* 'He has just come', and their relations with the resultative semantics. The main question posed in the article is whether the use of the three markers under analysis presupposes that the result of the situation persists at the moment of speech. I show that the meaning of immediate past does not necessarily correlate with the resultative meaning. The meaning of some immediate past constructions can contain the resultative component, while others lack it. In Russian, the markers *tol'ko* and *tol'ko-tol'ko* are tightly connected with the resultative meaning, while the marker *tol'ko čto* does not require either the presence or the absence of the result. The connection of *tol'ko* and *tol'ko-tol'ko* with resultative contexts follows from their semantics and discourse properties, which are also addressed in the paper.

Ключевые слова: cancelled result, focus, perfect, recent past, restrictive meaning, resultative, tense, topic

1. Введение. Перфект и недавнее прошлое

Известно, что связь между категориями вида и времени очень тесна. Можно упомянуть хотя бы тот факт, что набор видовых форм нередко различается в разных временах: например, во многих языках различается завершённое и незавершённое прошедшее.

Данная связь проявляется и в области перфекта и результатива. Не случайно в работах, посвященных перфекту и результативу, большое внимание уделяется связи этих грамматических значений с категорией времени и с лексическим выражением временных значений. Например, перфектные и результативные формы накладывают запрет на показатели точного времени типа *вчера*, и наоборот, лексические средства типа *вчера*, как правило, требуют не перфектных форм, а форм нерезультативного завершённого прошедшего типа аориста, даже если результат ситуации сохраняется в точке отсчета, перфектные же формы с ними часто запрещаются.

В то же время взаимодействие перфекта и наречий точного времени не сводится к запретам такого рода. Обозначения недавнего прошлого, непосредственно предшествующего моменту речи, сочетаются с перфектными формами — так, в английском языке, как отмечает Б. Комри, запрет на указание конкретного времени ситуации не действует для наречий ряда 'недавно' (*just, recently* и т. д.). Предложения типа *He has just arrived* абсолютно нормальны. Более того, один из выделенных в [Comrie 1976: 60—61] типов перфекта называется «perfect of recent past»: в этом типе значение актуального результата уходит на второй план, а главным является тот факт, что ситуация имела место недавно¹.

Существование такого рода перфекта недавнего прошлого вполне естественно. Чисто логически, если некоторое событие произошло недавно, то весьма вероятно, что его результат еще релевантен для точки отсчета, даже если уже не наблюдаем. Например, если Петя купил мешок яблок вчера, вероятно, результат ситуации еще имеет место: у Пети есть мешок яблок, этот результат еще не отменен последующими событиями. Точно так же, если школьник вчера прочитал рассказ, скорее всего, результат прочтения еще есть в его сознании — он помнит хотя бы что-то из прочитанного.

Напротив, если событие имело место давно, вполне вероятно, что его результаты полностью или частично уничтожены последующими событиями. Например, школьник мог забыть рассказ, если прочел его год назад, а яблок, которые купили за три года до точки отсчета, уже наверняка нет дома у Пети. Вероятно, аналогичная логика стоит за употреблением перфекта в значении недавнего прошлого. Видимо, перфект употребляется таким образом именно потому, что события, которые имели место «совсем недавно», только что, осознаются как релевантные для настоящего, а их результат с большей вероятностью (хотя и не обязательно) существует на момент речи.

Связь перфекта с недавним прошлым находит и типологическое подтверждение — в частности, она отмечена в посвященной перфекту статье в рамках проекта «World atlas of language structures» [Dahl, Velupillai 2005]: авторы указывают, что «формы, используемые для выражения недавнего прошлого, иногда совпадают с формами перфекта или исторически восходят к ним» (перевод наш. — А. Б.)².

Попробуем взглянуть на ситуацию не со стороны перфектных и результативных грамматических форм, а со стороны лексических средств выражения недавнего прошлого. Для этого мы будем использовать материал русского языка, который, как известно, не имеет специализированных грамматических средств для выражения перфектного или результативного значения³.

¹ См. также [Delgado, Ortiz López 2011] с подробным анализом аналогичных употреблений перфекта в испанском языке.

² «Forms used for recent past sometimes coincide with perfects (or are historically derived from them)» [Dahl, Velupillai 2005].

³ Безусловно, исключения составляют перфектные конструкции с деепричастиями, краткими причастиями и «отпричастными образованиями» в русских диалектах типа *зять в город уехавши*,

Наша цель — понять, есть ли в значении единиц со значением недавнего прошлого: *только что*, *только-только* и *только*, — так сказать, «результативный компонент». Иначе говоря, верно ли, что если событие имело место непосредственно перед моментом речи, то это значит, что его результат сохраняется (результатив) и/или релевантен в точке отсчета (перфект). Тем самым мы фактически проверяем отмеченную Б. Комри [Comrie 1976: 61] связь между результативным значением и малой временной дистанцией, но в другом направлении — не от результативного/перфектного значения к недавнему прошедшему, а наоборот.

Отметим, что, конечно, само понятие результата не является очевидным. Разнообразие типов результата привело к выделению двух близких аспектуальных значений: результатива и перфекта. Результатив, согласно [Плунгян 2011: 388], «возможен у глаголов только одного акционального класса — тех, в значении которых уже имеется идея достижения финальной точки развития» — у обозначений предельных процессов. Напротив, перфект допустим и при предикатах других акциональных классов, семантика которых естественного результата не предполагает [Там же: 389].

Ниже мы будем говорить скорее о результативном, чем о перфектном значении. Например, при анализе примеров типа *Он только / только что пришел* для нас важен следующий вопрос: верно ли, что это предложение обязательно предполагает наличие естественного результата ситуации ‘он пришел’ (а именно, ‘он и сейчас находится в данном месте’). В то же время для нас менее важно, что на момент речи даже при отсутствии естественного результата может иметься прагматическое следствие ситуации (например, ‘я сейчас удивлен тем, что он пришел’ или ‘я получил некоторую информацию из разговора с ним’). Мы делаем акцент именно на результативном значении потому, что оно различает три исследуемых показателя, тогда как анализ перфектного значения не дает существенных результатов.

Однако неверным будет сказать, что значение, которое мы пытаемся выявить, — собственно результативное. Ситуации типа ‘прийти (домой)’ все же не являются предельными процессами (предельный процесс обозначают конструкции типа *идти домой*). Расхождение связано с тем, что модификаторы *только*, *только что* и *только-только* в целом редко сочетаются с предельными процессами в несовершенном виде. Если же такого рода сочетания возникают, то в них употребляется *только что*, а достижение результата не обязательно: *Вася только что делал уроки, а сейчас уже гуляет* (возможно, Вася не доделал уроки, а просто прекратил их делать).

Поэтому мы рассматриваем близкие аналоги процессных контекстов — конструкции с глаголами совершенного вида, обозначающие достижение результата, который может затем существовать или быть отменен (эти глаголы, как правило, обозначают финальную фазу предельных процессов или относятся к моментальным предикатам).

Тем не менее у нас есть и более широкая цель — описать семантику показателей и попробовать найти связь между значением недавнего прошлого и другими значениями. Заметим, что собственно показатель *только* неоднократно был предметом изучения лингвистов: см., например, работы И. М. Богуславского [1980; 1986], диссертацию [Селина 2003] и [РГ-1980: §1671] (см. также §2978 о союзе следования *как только*).

Ядро нашего материала составляют корпусные данные, содержащие показатели *только*, *только-только* и *только что* (примеры взяты преимущественно из [НКРЯ]). Однако оказывается, что в сфере исследования следует включить и ряд других конструкций, исторически связанных с тремя основными.

см. [Пожарицкая 2005: 146, 148—151; Seržant (in print); Плунгян 2011: 298; 2012]. Так, С. К. Пожарицкая [2005: 149] отмечает, что данные причастия употребляются в типично перфектных контекстах типа *Пока вы до Москвы доедете, я уж буду померши*, где в момент речи или в точке отсчета фиксируется результат ситуации (‘в момент, когда вы доедете до Москвы, будет иметь место состояние «я мертвая»’). В литературном языке результативное значение нередко усматривают у пассивных причастий прошедшего времени с нулевой связкой (*окно открыто*); см. [Князев 1989; Шахматов 1925/2001].

Статья имеет следующую структуру. Вначале кратко рассмотрим употребления трех упомянутых выше основных показателей⁴. Если для *только что* значение недавнего прошлого основное и, вероятно, единственное, то с *только-только* и особенно *только* дело, конечно, обстоит не так.

Во втором разделе анализируется история показателей. Показано, что в ней, как часто бывает, тесно связано развитие семантики маркеров (в частности, интересующего нас значения недавнего прошлого) и их синтаксического статуса.

В третьем разделе мы подробнее рассматриваем особенности значения недавнего прошлого при каждом из показателей: так, оказывается, что семантика *только что* зачастую содержит указание на точное время совершения ситуации, а для *только* (в меньшей мере для *только-только*) релевантно сохранение результата в точке отсчета.

Наконец, в заключительных частях статьи даются некоторые параллели из других языков и подводятся итог анализа.

2. Значения показателей *только*, *только-только* и *только что*

2.1. Ограничительное значение

Ограничительное значение подразумевает, что среди всех возможных однородных элементов по признаку участия в некоторой ситуации выделяется некоторое подмножество. Если мы говорим, что *только X делает P*, это означает, что 'X делает P, и некоторые Y, от которых могло бы ожидать, что они делают P, этого не делают'⁵.

Для *только* ограничительное значение, как в примере (1), безусловно, следует считать основным:

- (1) *Только тщательный анализ может определить, где же Каспаров допустил решающую ошибку* [Михаил Голубев. Улыбка мадам Оже (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.10.15].

Так, в 100 случайных примерах из 100 разных текстов, включенных в Национальный корпус русского языка⁶ наблюдается следующее распределение значений ([НКРЯ], дата обращения 15 января 2015 г.):

Таблица 1

Встречаемость показателя *только* в разных значениях (по первым 100 случайным вхождениям показателя)

ограничительное	80
ограничительное численное (<i>только 150</i>)	8
сочетание <i>разве только</i>	1

Продолжение таблицы 1 на с. 57

⁴ Из рассмотрения сознательно выведены некоторые употребления, связь которых с временными и аспектуальными значениями неочевидна — в частности, противительное (*Я пытался его предупредить, только ничего не вышло*).

⁵ В отличие от перфектного и результативного значений, ограничительное значение почти никогда не выражается в языках мира грамматически. Среди исключений, например, литовский язык [Arkadiev 2010] и юманские языки [Gordon 1986; Crook 1976], где ограничительное значение может передаваться с помощью грамматического показателя. Отметим, что в некоторых юманских языках показатель *-t*, согласно [Crook 1976], может выполнять функцию, которую автор называет «temporal conjunction» («форма, выступающая в составе сентенциального обстоятельства времени»), то есть и здесь наблюдается связь между ограничительным значением и временным типа *Только я пришел, как мне позвонили*.

⁶ При этом в поисковой запрос введено следующее ограничение: перед словом *только* не должно стоять слово *как*, а за ним — слово *что*, чтобы исключить единицы *как только* и *только что*.

Продолжение таблицы 1 со с. 56

сочетание <i>если только</i>	1
сочетание <i>только и всего</i>	1
сочетание <i>один только</i>	1
сочетания с вопросительными местоимениями (<i>кого только, когда только</i>)	2
сочетание <i>только бы</i>	1
сочетание <i>может только мечтать</i>	1
противительный союз <i>только</i> (<i>Приходи, только ненадолго</i>)	1
недавнее прошлое (<i>Я только пришел</i>)	2
недавнее прошлое (<i>Только я проснулся, как мне позвонили</i>)	1

Иначе говоря, даже если считать ограничительное численное употребление типа *только 150 человек* отдельным от собственно ограничительного, ограничительное употребление *только* превосходит каждое из прочих в десять раз или больше.

У *только-только* оно отсутствует:

- (2) ***Только-только** тщательный анализ может определить, где же Каспаров допустил ошибку.

Только что в современном языке также не может употребляться в ограничительном значении. Однако в XVIII—XIX вв. такое употребление было возможно:

- (3) *Господин майор Тютчев не **только что** храбростию своею разбил злодеев, но и привел многих в повиновение, а бежавшие из разбитой толпы к нему возвратились с повинною* [[И. И. Михельсон]. Военно-походный журнал командира карательного корпуса подполковника Михельсона И. И. (1774)].

Однако в примерах этой разновидности сомнительно существование единой единицы *только что*. По всей вероятности, следует считать, что показателем ограничительности здесь является *только*, а *что* вводит зависимую от *только* клаузу (структура выглядит как *не только [что разбил злодеев]*). Вероятнее всего, именно от структуры такого типа происходят современные употребления типа *Я только что приехал* (изначально клауза с *что* зависела от *только* в значении ‘я только (и сделал), что приехал’).

Встречаются и отдельные употребления в современных текстах:

- (4) *Особо он мучился и страдал, когда находил прямо в своих карманах свежий мышиный помет, который был не **только что** белого цвета, но даже по форме представлял собой таблетки* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001, №8]⁷.

Отметим, что связь ограничительного значения со значением непосредственного предшествования ситуации акту речи или точке отсчета засвидетельствована не только для трех изучаемых показателей. Исторически рассматриваемое здесь временное значение имели и другие показатели: в значении непосредственного предшествования ситуации акту речи употреблялись, в частности, наречия *едва* (5) и *лишь* (6); см. также [РГ-1980: §2983].

⁷ Отдельный и важный вопрос касается соотношения имediataго *только что* и *только что* с ограничительным значением. Мы благодарны Т. А. Майсаку за его верное замечание, что эти единицы просодически различны: в составе *только что*, обозначающего имediataное прошлое, слово *что* может быть просодически самостоятельным (в частности, гласный *о* в составе *что* не подвергается редукции), а в составе ограничительного *что* скорее является клиткой к *только*. Здесь мы не рассматриваем этот вопрос.

- (5) *Я едва приехал, молодеценок, куда мне... — Вот и сиди на печи...* [Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952)]⁸
- (6) *...также пансимейстер прибил за грубые слова почтальона, которого тот же час отправили на гобвахту и с почтою, с коей он лишь приехал* [И. И. Лапин. Дневник (1820)].

Заметим, что оба этих показателя, как и *только*, имеют ограничительное значение (см. также о нем ниже). *Лишь* синонимично *только*, а *едва* немного отличается от них по семантике: оно обозначает, что говорящему удалось совершить некоторое Р, при этом действии Р занимает последнее место на некоторой шкале значимости действий, но и его достижение было трудным.

Связь значения недавнего прошлого и ограничительных значений проявляется и в семантике других русских лексических единиц. Так, по всей вероятности, показатели *чуть* (7), *еле* (8) и *еле-еле + только* (9), имеющие значение из ограничительной группы ('неинтенсивное, затрудненное действие') раньше были способны, хотя и редко, иметь значение, похожее на недавнее прошлое (сегодня в таком значении из этих трех показателей может употребляться только *чуть*).

- (7) *Не слушая мамо-паниных воплей, бабушка, чуть приехав, сейчас же бралась за работу: шила мне фартучки, штопала папе носки, а нам чулки* [Л. К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец — Корней Чуковский (1971)].
- (8) *...последний раз пошли они на обичую утреннюю молитву, в столовую и оттуда, еле напившись чаю, бросились в классы через большой зал, где все было приготовлено к последнему акту институтской жизни* [Н. А. Лухманова. Девочки (1894)].
- (9) *Жерков бойко, не отнимая руки от фуражки, тронул лошадь и поскакал. Но еле-еле только он отъехал от Багратиона, силы изменили ему* [Л. Н. Толстой. Война и мир (1863—1869)]⁹.

Отличие *чуть*, *еле* и *еле-еле* от описанных выше единиц заключается в том, что в значении недавнего прошлого эти показатели в основном употребляются как союзы, а не как наречия. Не имеют они и собственно ограничительного значения (в сочетаниях типа *чуть дышит* или *еле-еле идет* единицы *чуть* и *еле-еле* означают не то же, что *только*). Однако эти значения похожи на ограничительные: если в ограничительных конструкциях типа *только Р* подразумевается, что не имела места никакая ситуация, кроме Р, то *чуть* и *еле-еле* подразумевают, что ситуация Р имела место не в полной мере, так сказать, «почти не имела места»¹⁰. Тем самым и эти показатели указывают на семантическую связь между ограничительностью и недавним прошлым, хотя она и проявляется несколько в ином виде.

Ниже мы покажем, каким образом ограничительное значение связано со значением недавнего прошлого. А пока перейдем к еще одному употреблению рассматриваемых единиц, которое находится ближе к временному.

⁸ В современном языке показатель *едва* в таком значении встречается, но обычно употребляется как союз, а не как наречие, связывая обозначения двух последовательных событий: *Едва я приехал, как меня вызвали к больному*. Пример (5) относится к середине XX в., однако язык персонажей умышленно архаизирован автором.

⁹ Отметим, впрочем, что, с точки зрения современного носителя языка, комбинация *еле-еле + только*, несомненно, неграмматична.

¹⁰ В рамках статьи мы даем толкования только тех значений показателей, которые связаны с идеей недавнего прошлого. В прочих случаях мы просто обсуждаем те компоненты их значения, которые релевантны для нашего анализа.

2.2. Союзные значения показателей

Показатели *только-только* и *только* (но не *только что*) могут выступать в качестве союзов, обозначая непосредственное временное предшествование ситуации в придаточном предложении ситуации в главном (в этом употреблении показатели синонимичны союзу *как только*):

- (10) *Только я раскрыл рот, чтобы сообщить ему все последние новости, как он меня небил...* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]
- (11) *Только-только Владимир Путин заявил, что олигархов у нас нет (...), как вдруг выяснилось, что это не совсем так* [Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09].

Семантическое отличие союзного употребления от интересующего нас заключается в том, что при союзных употреблениях точкой отсчета всегда является событие в главной клаузе, а не момент речи. Поскольку в дальнейшем мы анализируем связь между временным и результативным значениями, ее удобнее рассматривать на примере показателей, фиксирующих положение ситуации по отношению к речевому акту или позиции наблюдателя, а не к другому событию.

Для показателя *только* такого рода союзное употребление начинает встречаться очень рано:

- (12) *Да толко которой просоль не в росоле стоит, ино верхней рядь зняетъ, а не в береженье ино испортится: а то все в лъте все засекаети, а мясо по времени вывъшивати, а и в рыбѣ только духъ появится, ино перемывъ вывъшивать же* [Домострой (1500—1560)].
 ‘...как только в рыбе появится дух (рыба начнет пахнуть), в таком случае, перемыв ее, вывешивать’.

Похожие употребления раньше были и у *только что*: первое из них датируется 1766—1768 гг.:

- (13) *Пришед во уединенное место, только что хотел было он произнести похвальное свое намерение в действие, но неистовый Аскалон предупредил его желание и, выхватив весьма поспешно свой меч, лишил невинного и добродетельного Ранлия жизни* [М Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)]¹¹.
- (14) *Только что Петя очутился на площади, он явственно услышал наполнявшие весь Кремль звуки колоколов и радостного народного говора* [Л. Н. Толстой. Война и мир (1863—1869)] (= ‘как только Петя очутился на площади’)¹².

При этом существенно, что похожие современные употребления *только что* в сложных предложениях не следует считать союзными:

- (15) *Только что я рассказал ему про этот несчастный разговор и популярно объяснил, что тот, кто его подслушал, скорее всего, и есть убийца, а теперь спрашиваю, слышал он его или нет* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

По всей вероятности, в этом примере *только что* не является союзом, а выступает как наречие с нефиксированной позицией (ср. возможное: *Я ему только что рассказал, и вдруг*

¹¹ Отметим, что в примере (13) главная клауза содержит союз *но*, однако мы считаем, что это не влияет на интерпретацию *только что*.

¹² Здесь мы не различаем конструкций, где во второй части предложения содержится *как* (10), и таких, где *как* отсутствует (14).

снова спрашиваю, где *только что* не занимает начальной позиции). Существенно, что в (14) *только что* интерпретируется относительно (предшествование другому событию в прошедшем времени), а в (15) — абсолютно (предшествование точке отсчета, в которую помещает себя говорящий — разговору с героем).

3. Употребление показателей *только*, *только-только* и *только что* в значении недавнего прошлого и результативный компонент

Итак, выше мы показали, что все рассматриваемые показатели полисемичны. В частности, все они имеют значение непосредственного предшествования ситуации речевому акту.

Теперь опишем употребления трех рассматриваемых единиц в значении недавнего прошлого. Нашей основной задачей будет выяснить, содержит ли семантика показателей *только*, *только-только* и *только что* в этом значении результативный компонент. Чтобы проверить все конструкции на наличие результативной семантики, мы попытались найти примеры, где результативность отрицается. Хорошим контекстом такого рода являются противительные конструкции с союзом *но*. Если после конструкции, обозначающей некоторое событие, возможна клауза с *но*, отменяющая результат события, это означает, что результат ситуации, описанной в первой клаузе, не обязательно имеется в момент речи (или в другой точке отсчета), а может быть отменен следующими событиями. Ср., например, следующие конструированные предложения:

(16) *Я прочел эту книгу три месяца назад, но сейчас уже ничего не помню.*

(17) *Я купил ветчину позавчера, но так получилось, что мы ее уже съели.*

Оказывается, что все три показателя по данному критерию имеют употребления, где результативный компонент по умолчанию присутствует: в примерах типа (18), если результативный компонент не отрицается эксплицитно, предполагается, что результат события, предшествующего акту речи, еще сохраняется к моменту речи:

(18) *Он только / только-только / только что пришел (и все еще здесь).*

Тем самым семантически немаркированным является тот вариант, при котором результат ситуации сохраняется в точке отсчета. В дальнейшем мы выясним, возможен ли другой вариант, при котором результат уже потерян на момент речи. Для этого мы рассмотрим отдельно каждый из показателей.

3.1. *Только что*

Сочетание *только что* в рассматриваемом значении появляется в [НКРЯ] рано: несмотря на слабую представленность текстов до XIX в., контексты с *только что* обнаруживаются и в подкорпусе XVIII в.:

(19) *Оба [словаря] только что изданы. Но я совершенно не знаю авторов [В. Н. Татищев. И. Д. Шумахеру (1731)].*

(20) *Я теперь только что поворотился; выездил близ пяти сот верст верхом, в шесть дней, а не ночью [А. В. Суворов. Письма (1787—1800)].*

Контексты употребления *только что* в значении непосредственного предшествования моменту речи очень разнообразны. В частности, *только что* может использоваться не только с глаголами совершенного вида, выражающими моментальные события (21) и предельные процессы (22), но и с лексемами несовершенного вида со значением непрерывного процесса (23) или состояния (24):

- (21) *Только что с высоты упал кирпич.*
 (22) *Мы только что дочитали «Илиаду».*
 (23) *Только что он бегал здесь, а теперь исчез.*
 (24) *Он только что лежал неподвижно, а теперь встал.*

Такое аспектуальное разнообразие предикатов, сочетающихся с *только что*, наводит на мысль, что этот показатель в наименьшей мере выражает результирующее значение. В примере (24) никакого результата того, что человек лежал неподвижно, мы не наблюдаем: речь идет как раз о том, что непосредственно до момента речи человек лежал, а теперь уже не лежит.

Этот предварительный вывод подтверждается тем, что показатель *только что* способен употребляться в контекстах, где результат ситуации уже отсутствует. Ср.:

- (25) *Только что проснулся мой малыш, но уже снова заснул.*

Если бы показатель *только что* выражал результирующее значение, предложение (25) понималось бы в том смысле, что малыш не спит и сейчас: при результирующем значении результат ситуации стандартно актуален на момент речи. В предложении (25) это очевидным образом неверно: результат ситуации на момент речи уже отменен последующим событием.

Примеры (26) и (27) также иллюстрируют употребление *только что* в контекстах, где результат ситуации отсутствует на момент речи:

- (26) *Только что забежал местный электрик и безапелляционным тоном заявил: — Через две минуты выключу электричество на полчаса! И убежал...*
 (27) *У меня странная работа. В кабинет только что заглянул поп, сказал «Христос воскрес», окатил святой водой и ушел [www.diary.ru/~vagrantnotes/p188579082.htm].*

В примерах (26) и (27) естественного результата ситуации (например, для 'заглянул' таким результатом будет 'и сейчас находится в кабинете') также не наблюдается. Подразумевается только, что событие имело место недавно.

При этом важно, что даже при наличии формы совершенного вида показатели *только* и *только-только* во многих контекстах, где естественный результат ситуации уже отсутствует, выглядят сомнительно:

- (27') *У меня странная работа. В кабинет *только / *только-только заглянул поп, сказал «Христос воскрес», окатил святой водой и ушел.*

Наконец, показатель *только что* встречается и в контекстах, где неизвестно, был ли достигнут результат ситуации:

- (28) *Вася только что делал уроки, а сейчас уже гуляет.*

Из примера (28) неясно, доделал ли Вася уроки до конца.

Следовательно, в значении показателя *только что* нет результирующего компонента. Этот показатель обозначает только то, что ситуация возникла непосредственно перед моментом речи или точкой отсчета. Исходя из изложенного, можно предложить для данного показателя следующее толкование:

Только что P =

'ситуация P имела место прямо перед тем, как я это говорю'.

Тот факт, что многие употребления *только что* все-таки предполагают сохранение результата, демонстрирует, что этот показатель не выражает ни результирующего, ни антирезультирующего. Жесткого требования сохранения или отмены результата в его значении нет, и конкретная интерпретация зависит от контекста.

3.2. Только

Совсем не так обстоит дело с показателем *только*. Его временное употребление появляется в [НКРЯ] позже, чем для *только что*. Первый несомненный пример, где *только* выражает недавнее прошлое, да и то в комбинации с другим показателем (*лишь*), относится к 1774 г. (29). Вероятно, такое употребление — индивидуальная черта языка Д. И. Фонвизина (многие следующие по времени примеры на *лишь только* в этом значении тоже принадлежат ему).

- (29) *Теперь час за полночь, и я приехал лишь только из гостей. Ужинал у Бакунина с невестою* [Д. И. Фонвизин. К родным (1763—1774)]¹³.
- (30) *Оттуда ходил к мяснику, где принимал анимальную баню: держал руку в свинье, лишь только убитой; потом был с визитом у баронессы Таубе* [Д. И. Фонвизин. Из журнала путешествия в Ригу, Бальдон и Митаву (1789)].
- (31) *Он принял меня так, как сострадательный человек должен принять больного: дал мне комнату, где положен я был на постелю, и вся левая сторона обкладена была кишками лишь только убитого быка* [Д. И. Фонвизин. Из журнала путешествия в Ригу, Бальдон и Митаву (1789)].

Более ранние примеры, такие как (32), иллюстрируют ограничительное употребление:

- (32) *Стены еще только упомянутых градов стояли, а духи и сердца оных под Полтавою были уже сокрушенны* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о баталии Полтавской (1717)] ('стояли только стены, сами города построены не были').

Позже появляются примеры на временное значение, где *только* выступает в комбинации с *едва*:

- (33) *Неужели глубокая горесть и мрачная задумчивость будут уделом едва только расцветшей жизни твоей?* [Неизвестный. Модест и София (1810)]

Первый бесспорный пример, в котором значение недавнего прошлого выражается показателем *только* без дополнительных средств, относится лишь к второй четверти XIX в.:

- (34) *Отец мой скончался в прошлом году, мать больна и слаба, две сестры только вышли из института, именье в расстройстве, проклятый процесс...* [Ф. В. Булгарин. Чувства и чувствования, или Приключение в маскараде (Очерки наших современных нравов) (1825—1843)]

Всего *только* найдено в [НКРЯ] 506 563 раза (при этом учитываются только контексты, где перед *только* не стоит *как*, а после *только* — *что*)¹⁴.

По значению *только*, как кажется, очень близко к *только что*; ср., например, следующие контексты:

- (35) *Климов только что приехал из Киева и был, по сути, всего лишь курьером, передаточным звеном* [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].
- (36) — *Вы где остановились? — Нигде. Я только приехал* [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].

¹³ Союзные употребления с таксисным значением появляются раньше, ср.: *Только я за столом посидел несколько минут, внезапно дверь открыл человек покойного Рихмана, весь в слезах и в страхе запыхавшись* [М. В. Ломоносов. 1753 июля 26. И. И. Шувалову (1753)].

¹⁴ Дата обращения 16 января 2015 г.

Казалось бы, в обоих случаях показатели подчеркивают, что лицо, о котором идет речь, приехало совсем недавно. Однако если попробовать подставить *только* в контексты отмененного результата, где употреблено *только что*, предложения окажутся неприемлемыми:

(37) *Только зашел Паша, но уже ушел¹⁵.

Впрочем, предложения такого рода становятся приемлемыми для некоторых носителей в контекстах типа (38) (за это замечание мы благодарны Т. А. Майсаку):

(38) *Что там генерал, молчит? Да генерал только звонил,*

где частица *только* не попадает в фокус, а основной ремой является сам факт, что событие имело место.

Отметим, что *только* вообще плохо сочетается с формами несовершенного вида. Это, безусловно, не случайно. Выше мы уже говорили, что несовершенный вид в сочетании с обстоятельствами недавнего прошлого часто употребляется в общефактическом двуправленном значении ('имело место событие Р, затем его результат был отменен'). Однако для *только* такие контексты отмененного результата нехарактерны.

Напротив, контексты текущей релевантности типа *только проснулся* ('и сейчас уже не спит, но все еще заметно, что он сонный'), *только поел*¹⁶ ('и сейчас сыт'), *только прочел книгу* ('и сейчас еще помнит содержание и впечатления от книги') являются вполне употребительными:

(39) — *Я только прочел книгу «Пепел» твою; эта книга — событие; вечером нынче же должен с тобой говорить* [Андрей Белый. Начало века (1930)] ('нужно поговорить прямо сегодня, потому что я помню впечатления от книги и они для меня важны').

(40) *Мужик на стремянке перестал стучать и, сунув молоток за ремень, снял с кронштейна правую часть вывески. — Ты че, парень, только проснулся? — он спустился вниз и передвинул лестницу* [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)].

Естественно, при интерпретации отмененного результата ('только что проснулся, но опять заснул') *только* не сочетается с теми же самыми глаголами. *Только что* в таких контекстах приемлемо:

(41) *Только что* / **только проснулся мой ребенок, попил воды и опять заснул.*

Еще одного комментария требует употребление показателей *только* и *только-только* в примерах типа *Он только (только-только) проснулся и поэтому плохо соображал*. Безусловно, результат просыпания ('субъект не спит') отсутствует в момент речи. Однако утверждение, что субъект только проснулся, делается не относительно момента речи, а относительно точки отсчета в прошлом. В этой точке отсчета субъект не спит, результат его просыпания присутствует, а значит, следует отнести это употребление к результативным.

Итак, в значении показателя *только* в контекстах недавнего прошлого есть результативный компонент. Однако это не результативный компонент в чистом виде, как его принято описывать для показателей результативно-перфектной семантики. Как правило, подразумевается, что (i) результат ситуации существует (например, в (40) адресат не спит) и (ii) он существует настолько недавно, что после его наступления еще не успело произойти никаких

¹⁵ Т. А. Майсак отмечает, что подстановка частицы *вот* делает предложения типа (37) более приемлемыми. В данной статье, однако, мы не рассматриваем комбинации с *вот*, прежде всего потому, что не готовы уверенно говорить об их свойствах.

¹⁶ Т. А. Майсак считает приемлемыми и конструкции с несовершенным видом типа следующей, найденной в Интернете: *Я только обедал*. Однако, на наш взгляд, эти предложения гораздо в большей мере приемлемы с показателем *только-только* и тем более *только что*.

событий (например, в (40) адресат еще не способен думать и рассуждать). Исходя из изложенного выше, значение показателя *только* в рассматриваемом контексте можно описать следующим образом:

X только P (например, *X только пришел*).

Пресуппозиция:

‘Имеет место результат ситуации *P* (*P1*)’.

Ассерция:

‘*X* совершил *P* перед тем, как я это говорю, поэтому другие ситуации, которые обычно наступают после *P1*, еще не успели наступить’.

Например, в (40) *P1* — ‘адресат не спит’. Это непосредственный результат ситуации ‘адресат проснулся’. Однако никакие другие ситуации, не столь тесно связанные с *P*, наступить еще не успели.

Предложенное толкование выявляет связь между ограничительным значением и значением недавнего прошлого. *Только* получает имедиатное значение (значение ситуации, имевшей место только что), поскольку это значение подразумевает, что никакая ситуация, кроме собственно описываемой (и ее результата), еще не успела возникнуть. Это очевидным образом близко к ограничительному значению, при котором *только X* (например, *Я купил только груши*) подразумевает, что утверждение верно только для *X* и неверно для любой другой сущности, кроме *X*.

3.2.1. *Только* как неполноценная словоформа

Показатель *только* отличается от двух других рассматриваемых показателей и своим морфологическим статусом. Хотя он имеет собственное ударение, а значит, по акцентным свойствам его нельзя назвать клитикой, он не проявляет и свойств полноценной словоформы. В частности, это слово не может составлять самостоятельное высказывание даже при ответе на вопрос:

(42) *Ты давно приехал?* — *Только что* / *только-только* / **только*.

Согласно нашей языковой интуиции, для *только*, в отличие от *только что*, стандартной является структура, при которой показатель модифицирует только глагол, но не глагольную группу с актантами и сирконстантами, например: *Я только приехал*. Однако подтвердить это ощущение количественными данными пока не удалось.

3.3. *Только-только*

Теперь рассмотрим показатель *только-только*. Отметим, что от *только что* и *только* его отличает довольно низкая встречаемость — в основном корпусе [НКРЯ] он встречается всего 1236 раз. Появляется он несколько позже, чем *только что*. Вначале, в 1855 г., зафиксирован пример с сочетанием *только-только что*, которое в целом является крайне редким (пять употреблений в значении недавнего прошлого в [НКРЯ]):

(43) *Против меня сидела Еленочка с матерью, и теперь только я рассмотрел с должным вниманием, — это была настоящая, только-только что расцветшая красавица* [Г. Г. Шевченко. Капитанша (1855)].

В 1860-е гг. появляются и употребления *только-только*. Первый такой пример относится к промежуточному типу; хотя во второй части отсутствует союз *как*, в действительности это употребление таксисное, а не абсолютное, и *только-только* скорее является здесь союзом, чем наречием: рождение племянника непосредственно предшествует другому событию — разорению, а не речевому акту:

- (44) *Только-только* дождался старик меньшего племянника, теперь их опять разорить надо [Л. Н. Толстой. Поликушка (1863)].

Следующий пример уже иллюстрирует абсолютное употребление:

- (45) ...а он, как нарочно, *только-только* все счета по прошлогоднему полеводству в ясность привел [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875—1880)].

Практически всегда при употреблении *только-только* результат ситуации сохраняет свою актуальность. В этом смысле *только-только* находится ближе к *только*, чем к *только что*:

- (46) Ребенок *только-только* проснулся.

- (47) ?Ребенок *только-только* проснулся, но уже опять заснул.

Тем не менее кажется, что примеры типа (47) с отменным результатом все-таки лучше, чем их аналоги с *только*. В этой связи кажется уместным описать значение *только-только* почти так же, как значение *только*, но с одним отличием. Результативный компонент будет в значении *только-только* не пресуппозицией, а импликацией, которая может отменяться, например, эксплицитным указанием на отмену результата (ср.: *но уже опять заснул* в примере (47)). В то же время *только-только* не употребляется в контекстах, которые и не предполагают никакого результата (например: *Здесь только-только лежал мой кошелек*).

Ассерция:

‘Х совершил Р перед тем, как я это говорю, поэтому другие ситуации, которые обычно наступают после Р1, еще не успели наступить’.

Импликация:

‘Имеет место результат ситуации Р (Р1)’.

Тем самым, *только* не употребляется в контекстах, где естественный результат ситуации отсутствует; *только-только* сочетается с ними, но не слишком хорошо; *только что* свободно комбинируется с этим значением.

В целом *только-только* семантически чрезвычайно близко к *только*. Различие, как было показано выше, заключается в том, что *только-только* мало употребляется в ограничительном значении (для него возможен только специальный временной подтип этого значения). В то же время *только-только*, как и *только* (и в противоположность *только что*) практически не употребляется в контекстах, где результат ситуации уже отсутствует.

3.4. Ограничительно-временное значение

У рассматриваемых показателей есть еще одно значение, соотносящееся со сферой времени, но не тождественное значению недавнего прошлого:

- (48) *Мой маленький брат Юра (он родился в октябре 1940 года) тогда только-только начинал говорить свои первые слова* [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)].

Только-только начинал говорить означает, конечно, ‘в это время всего лишь начинал’, а не ‘недавно начал’. Мы считаем, что в подобных примерах выражено особое значение — не ограничительное в чистом виде, а, так сказать, ограничительно-временное. *Только-только* не может выражать собственно ограничительного значения — именно поэтому пример (49[?]) и подобные ему не могут пониматься ограничительно (‘заменяли двери, а больше ничего не сделали’):

- (49) Рабочие *только* заменили двери, а стены покрасить не успели.

- (49[?]) #Рабочие *только-только* заменили двери, а стены покрасить не успели.

Мы называем значение, которое *только-только* имеет в примерах (48) и (50) ниже, **ограничительно-временным**:

(50) *И еще где-то, не помню, показали метод закрытого массажа сердца: он **только-только** входил в практику* [Николай Амосов. Голоса времен (1999)].

Как и при результативных конструкциях типа *Я только приехал*, говорящий указывает на отсутствие интервала между ситуацией и точкой отсчета. Но если при результативной интерпретации фиксируется отсутствие интервала между концом ситуации и точкой отсчета, то при ограничительно-временной точка отсчета находится на начальной фазе ситуации. Поскольку ситуация происходит в момент речи или происходила в точке отсчета, в этом значении используются глаголы несовершенного вида.

Только что не имеет ограничительно-временного значения (в (50) нельзя заменить *только-только* на *только что*). Впрочем, как и во многих случаях, нужно отметить, что раньше у *только что* такое значение было. Примеры такого рода встречаются до 1943 г. (позже имеется только один контекст, относящийся к 1969 г.).

(51) *Я **только что** начинал вчитываться в него и смотрел на него более с любопытством, чем с другим чувством* [А. Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров (1911)].

Напротив, *только* в таком значении употребляется и сегодня:

(52) *В это время закрытый массаж сердца **только** входил в практику.*

Для ограничительно-временного значения можно предложить следующее толкование:

X только / только-только Р

‘Сейчас имеет место ситуация Р’.

Р — начальная часть другой ситуации (Q), которая началась недавно и поэтому другие ее части, кроме Р, еще не возникли.

Отдельного комментария требует соотношение ограничительно-временного значения с ограничительным и со значением недавнего прошлого. С одной стороны, тот факт, что у *только-только* нет ограничительного значения, а другие два есть, казалось бы, показывает, что ограничительно-временное значение находится ближе к временному. Однако нельзя не заметить, что в ограничительно-временном значении есть компонент ограничительно-сти: из толкования видно, что ограничительно-временное значение предполагает, что возникла только первая фаза (часть) ситуации, а другие фазы не возникли.

4. Подробнее о значении недавнего прошлого: точность указания на время

Помимо отсутствия требования результативности, *только что* отличается от *только-только* и *только* и еще одним свойством. Из всех трех показателей именно *только что* подразумевает, что говорящий способен указать точное время начала некоторой ситуации.

Для примера возьмем ситуации типа *лужи высохли* или *Вася протрезвел*. В отличие от *я приехал* или *урок закончился*, эти ситуации не позволяют точно установить время их наступления. Невозможно утверждать, что ситуация *лужи высохли* или *Вася протрезвел* наступили, например, ровно в три часа дня. Причины здесь две: во-первых, за этими двумя ситуациями, как правило, никто специально не наблюдает, во-вторых, невозможно четко отделить момент, когда Вася еще не протрезвел (или лужи не высохли), от момента, когда он уже протрезвел (лужи высохли). Напротив, очевидно, что человек приехал в тот момент, когда оказался в пункте назначения, не раньше и не позже.

Для ситуаций ‘высохнуть’ или ‘протрезветь’ *только-только* и *только*, как кажется, выглядят лучше, чем *только что*:

(53) *Лужи только-только высохли / Лужи только что высохли.*

Пример с *только что*, конечно, не запрещен, однако имеет странное понимание. Понимается, что говорящий наблюдал за лужами, и они на его глазах высохли, например, несколько минут назад. Интересно, что в целом *только что* совсем не требует такой степени близости события к акту речи. Примеры типа *Я только что защитился и пока еще не успокоился* не обязательно значат, что говорящий защитился несколько минут назад — вполне возможно, что это произошло, например, за несколько дней до речевого акта.

Различие в приемлемости примеров видно и по количеству найденных в Интернете контекстов: например, по состоянию на 16 января 2015 г. поисковая система «Яндекс» находит 69 примеров (из них 39 не совпадающих) на *только что высохли* и 85 (из них 39 не совпадающих) — на *только-только высохли*. Напротив, с контролируруемыми предикатами *приехать* и *прийти* сочетание *только что* встречается намного чаще, чем *только-только*: 11 тыс. примеров на *только что* и 925 на *только-только* с глаголом *приехать*; 3 тыс. примеров на *только что* и 229 на *только-только* с глаголом *прийти*.

Впрочем, нужно сказать, что различий между *только что* и *только-только* внутри выборки с глаголом *высохнуть* не наблюдается. Например, оба показателя сочетаются с обозначениями природных явлений (*лужи / ручьи только что высохли*).

Как кажется, разница в сочетаемости показателей с ситуациями, за протеканием которых человек в стандартном случае наблюдает vs. не наблюдает, подтверждает обсуждаемое нами различие, а именно, *только что* — в чистом виде показатель недавнего прошлого, тогда как семантика *только* и *только-только* содержит указание на результативность. В случаях, когда судить точно о давности события нельзя, *только* и *только-только* все равно могут употребляться. Результативный компонент в их значении тогда выходит на первый план: *лужи только-только высохли* означает ‘лужи высохли совсем недавно (но сейчас их уже нет)’, а *я только-только протрезвел* — ‘я протрезвел совсем недавно (и сейчас уже трезвый)’.

Можно описывать данные контексты и немного по-другому. Поскольку в основном значении *только* выражает ограничительное значение, можно считать, что *Лужи только(-только) высохли* означает на самом деле ‘Лужи высохли настолько недавно, что как бы высохли не до конца, не по-настоящему’. То же верно и для ситуации *Я только(-только) протрезвел*: нередко это означает, что говорящий еще не успел осознать положения дел или не успел ничего сделать, настолько недавно он протрезвел.

Напротив, *только что* не указывает на результативность. Поэтому, если ситуация такова, что о точном времени ее наступления судить невозможно, употребление *только что* нежелательно. Фразы *Я только что протрезвел* и *Лужи только что высохли* означали бы, соответственно, ‘непосредственно перед моментом речи я протрезвел’ и ‘непосредственно перед моментом речи лужи высохли’, а значит, были бы неестественны (точное время этих событий обычно не поддается указанию).

5. Сочетаемость *только что*, *только-только* и *только* с различными формами глагола и коммуникативные свойства

5.1. Сочетаемость с формами глагола

Рассматриваемые единицы по-разному сочетаются с различными формами глаголов. В таблицах показана статистика встречаемости каждого из показателей с разными формами глагола¹⁷.

¹⁷ Для *только* подобные подсчеты проблематичны из-за развитой полисемии. Поиск в [НКРЯ] проведен 15 января 2015 г.

Таблица 2

Встречаемость *только-только* перед разными формами глагола

Форма	Количество примеров (основной корпус)
все глаголы	974
глаголы СВ	694
глаголы НСВ	306
индикатив СВ	549
индикатив НСВ	262
причастия СВ	115
причастия НСВ	35
деепричастия СВ	16
деепричастия НСВ	3
инфинитив СВ	— (употребления другого типа)
инфинитив НСВ	— (употребления другого типа)

Таблица 3

Встречаемость *только что* перед разными формами глагола¹⁸

Форма	Количество примеров (основной корпус)
все глаголы	20 451
глаголы СВ	16 962
глаголы НСВ	4 035
индикатив СВ	8 991
индикатив НСВ	3 252
причастия СВ	7 792
причастия НСВ	665
деепричастия СВ	215
деепричастия НСВ	26
инфинитив СВ	— (употребления другого типа)
инфинитив НСВ	— (употребления другого типа)

Сразу отметим один факт, который может показаться странным, исходя из изложенного ранее. Доля глаголов несовершенного вида в выборке примеров с показателем *только-только* даже выше, чем для показателя *только что* (соответственно, 31,4% и 19,7% всех примеров). Ранее мы говорили, что *только что* в значении недавнего прошлого сочетается с глаголами несовершенного вида гораздо лучше, чем *только* и *только-только*.

В действительности высокая доля сочетаний *только-только* с глаголами НСВ объясняется тем, что для *только-только* частотно ограничительно-временное значение. Как говорилось выше, в этом значении выступают глаголы несовершенного вида.

Еще одно важное различие в сочетаемости *только-только* и *только что* с глагольными формами — это разная их встречаемость перед причастиями. *Только-только* способно сочетаться с причастиями: из 974 примеров на комбинации с глаголами в 115 случаях (11,8%) после *только-только* следует причастие совершенного вида.

¹⁸ Для *только что* в поисковой запрос дополнительно вводилось требование, что между *только* и *что* не должно быть запятой. Целью было исключить контексты с сочетаниями *только* и союза *что* типа *Он знал только, что никогда туда не поедет*.

- (54) — *Этот выдающийся дирижер, прекрасный музыкант еще и уговаривал меня, только-только начавшую свою певческую карьеру!* [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]

Однако еще в большей мере такие сочетания характерны для *только что*: в 7792 контекстах (38,1%) из 20 451 примера употребления *только что* с глаголами, найденных в корпусе, за показателем следует причастие СВ (встречаемость самой частотной формы, индикатива СВ, лишь немного выше — 44%). Тем самым при *только что* причастия встречаются гораздо чаще, чем при *только-только*.

- (55) *Никто из нас не может устоять перед румяной корочкой, ароматом свежего, только что испеченного теста и сочетания самых любимых начинок* [Мастерица. Праздник каждый день! // «Даша», 2004].

Заметим, что разница заключается не только собственно в количестве сочетаний с причастиями, но и в их типах. Некоторые контексты, совершенно допустимые для *только что*, при замене на *только-только* и *только* оказываются, как представляется, совсем не безупречны:

- (56) *Единственное, что я не могла, — есть мясо только что убитого быка* [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)].

- (57) *Единственное, что я не смогла, — есть мясо *только / ?только-только убитого быка.*

Казалось бы, здесь можно усмотреть противоречие. Поскольку *только* жестче, чем *только что*, связано с результативной семантикой, именно *только*, на первый взгляд, должно чаще встречаться в сочетаниях с причастиями прошедшего времени (причастия нередко фиксируют не только ситуацию, но и ее наблюдаемый результат).

Однако на самом деле противоречия нет. Вероятно, тот факт, что *только что* встречается с причастиями чаще, объясняется коммуникативными свойствами рассматриваемых показателей.

Как будет показано ниже, сочетания показателя *только что* с глаголами не обязательно являются основной ремой высказывания. Это позволяет *только что* сочетаться с причастиями: причастные обороты, как правило, тоже не составляют основной ремы (в (56) ремой является не тот факт, что бык был только что убит, а тот факт, что говорящая не смогла именно есть мясо только что убитого быка).

Напротив, показатели *только* и *только-только* вместе с глаголом составляют основную рему высказывания. Если человек говорит *Он же только проснулся (и еще не знает, в чем дело)*, то ремой является часть *только проснулся*: именно в этом и заключается главная информация — ведь тот факт, что человек только что проснулся, объясняет, почему он не знает, в чем дело. Именно поэтому *только* и *только-только* лучше сочетаются с финитными глаголами, ведь основная рема высказывания обычно выражается финитным глаголом и его зависимыми.

Ниже мы более подробно рассмотрим взаимоотношения трех рассматриваемых единиц с коммуникативной структурой предложения.

5.2. *Только*: «конструктивная» семантика и коммуникативная структура

Если перейти от причастий к финитным формам глаголов, легко обнаружить, что и здесь на употребление *только* (и *только-только*) существуют ограничения, плохо объяснимые семантикой результата. Примеры (58) и (59) явно неприемлемы, несмотря на то, что результат в них не отменен. В (58) машина сломалась и до сих пор пребывает в этом состоянии (именно поэтому ей нельзя пользоваться). Еще яснее случай (59): если человек умер, очевидно, что результирующее состояние уже не может смениться никаким другим:

(58) *У него **только** сломалась стиральная машина.

(59) *У него **только** умер отец / У него отец **только** умер.

Как мы говорили выше, *только* и *только-только* подразумевают, что за описываемой ситуацией еще не успела наступить какая-либо другая. Невозможность примеров (58) и (59) связана с тем, что обозначенные в них ситуации концептуализуются как «последние», которые не связаны естественным образом ни с какими последующими событиями. Так, если человек умер, после этого с ним уже ничего не может произойти. Сломанную стиральную машину можно починить, но это не обязательно случится.

Оба примера становятся допустимыми, если вместо *только* вставить *только что*:

(58') ...автор этой публикации направился по указанным адресам и под видом озабоченного отца семейства, у жены которого **только что** сломалась стиральная машина, заглянул в прачечную [Юрий Козлов. Служба быта (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.02.26].

(59') *Басилашвили сниматься не смог: у него **только что** умер отец* [Екатерина Володина. На его месте должен был быть я! (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.08.08].

Сравним примеры (58) и (59) с близкими к ним, где, однако, употребление *только* и *только-только* возможно:

(60) *Хочешь поехать на машине? Ее **только** / **только-только** починили.*

(61) *Ну чего ты от него хочешь, он **только** / **только-только** диплом защитил!*

У событий в примерах (60) и (61) есть естественное продолжение: после починки машины на ней можно ездить, а человек, который защитил диплом, по всей вероятности, найдет себе работу и приобретет жизненный опыт, которого у него нет на момент речи. Именно поэтому показатели *только* и *только-только* в данном контексте уместны.

Однако причина неприемлемости (58) и (59) не только в особенностях их аспектуального или темпорального значения, но и в их коммуникативных свойствах. Деструктивные ситуации, такие как поломка предмета, смерть человека и т. п., как правило, неожиданны и потому (в контексте сообщения о ситуации как о новости) являются основной ремой или ее частью. Нормальным вариантом для (58) было бы *Она сломалась*, а для (59) — *Он умер* (рема — само событие, а не его локализация во времени).

Именно поэтому предикаты типа *сломаться* или *умереть* не сочетаются с показателями *только* и *только-только*. Эти два показателя сами являются частью основной ремы. В примерах типа *Он только приехал* подчеркивается именно то, что человек приехал недавно, и уже во вторую очередь — сам факт его приезда.

Итак, как говорилось выше, показатели *только* и *только-только* вместе с глаголом стандартно входят в рему высказывания. В предложении *Петя только приехал, не успел во всем разобраться* ремой является *только приехал*, а *Петя* составляет тему (он уже служит предметом коммуникации, именно поэтому обсуждается его неосведомленность).

Напротив, *только что* не обязательно входит в рему. Рассмотрим пример: *Только что мы узнали, что груз благополучно доставлен*. В этом случае ремой является не сочетание *только что мы узнали*, а все высказывание.

Видимо, ограничение на результативность *только* и *только-только* напрямую связано с их эмфатичностью и рематичностью — правда, что именно первично, не вполне ясно. Два упомянутых здесь показателя входят в основную часть высказывания, которую говорящий и хочет сообщить слушающему. Если ремой является то, что событие имело место совсем недавно, то обычно предполагается, что его результат еще присутствует в ситуации общения. Именно в этом случае наиболее естественно подчеркивать время возникновения ситуации. Тем самым семантика и прагматика здесь тесно связаны друг с другом.

В частности, запрет на предложения типа *Машина только сломалась* или *У него только-только умер отец* может объясняться и прагматически. Изначально в ходе коммуникации не предполагается, что машина сломана, а отец человека, о котором идет речь, умер. Это означает, что данные события как неожиданные, нестандартные с большой вероятностью будут относиться к реме высказывания — а это противоречит стандартным свойствам конструкций с *только* и *только-только*, при которых главной ремой высказывания является не событие само по себе, а именно тот факт, что событие имело место недавно.

Это дает возможность говорить о различиях между *только* и *только-только*, с одной стороны, и *только что*, с другой, в коммуникативных терминах. В этом случае ограничение на отмененный результат при показателях *только* и *только-только* будет объясняться следующим образом.

При показателях *только* и *только-только* главной ремой является небольшая продолжительность интервала после наступления события. Тогда само событие относится к теме или не является основной ремой. А значит, по умолчанию его результат не считается отмененным.

Заключение

В статье мы рассмотрели взаимоотношения между значениями недавнего прошлого и результата в русском языке на примере показателей *только что*, *только* и *только-только*. Как выяснилось, недавнее прошлое не обязательно предполагает результативность: показатель *только что* допускает употребления (например, *только что проснулся ребенок, но уже снова заснул*), в которых результат ситуации уже отсутствует.

В то же время выяснилось, что другие показатели — *только* и *только-только* — в таких контекстах выступать не могут или выступают крайне редко. Если мы говорим, что кто-то *только приехал* или *только-только приехал*, как правило, имеется в виду, что он и сейчас находится в том же месте.

Мы предположили, что данное требование связано во многом с коммуникативной структурой конструкций с *только что*, с одной стороны, и *только* и *только-только*, с другой. *Только что* не обязательно составляет основную рему — ср. предложения типа *Только что пришло сообщение*, где *только что* не является основной ремой. Неверно, будто бы основной сообщаемой информацией является тот факт, что сообщение пришло непосредственно перед речевым актом — существует сам факт того, что пришло сообщение.

Напротив, *только* и *только-только* не встречаются в примерах типа **Только пришло сообщение*. Возможны лишь примеры, где *только* и *только-только* явно выделены и вместе с глаголом составляют основную рему: *Я только-только приехал; Ты что, только встал?* В этих примерах ключевым для говорящего является тот факт, что говорящий приехал или слушающий встал недавно, а не приезд или вставание сами по себе.

По всей видимости, именно релативность *только* и *только-только* делает невозможными контексты с отмененным результатом. Если говорящий хочет акцентировать внимание на том факте, что событие имело место совсем недавно, он не может одновременно утверждать, что результат события уже отсутствует. Речь идет именно о том, что результат события присутствует, а вот никакие другие события, опосредованно связанные с данным, возникнуть еще не успели.

Однако релативность показателей *только* и *только-только* (в противоположность *только что*) связана и с другими свойствами этих единиц. В частности, именно *только что* чаще всего выступает в сочетаниях с причастиями, поскольку событие, выраженное причастием, как правило, не является основной ремой высказывания.

Наконец, оказалось, что и другие единицы с ограничительным значением (*чуть*, *едва*, *лишь*) раньше имели значение недавнего (самого недавнего, непосредственно предшествующему речевому акту) прошлого (сегодня они сохраняют только союзные таксисные употребления вроде *Чуть позовут, он уже здесь*). Это означает, что полисемия *только*, *только*

что и только-только не их идиосинкратическая черта, а отражение связи между ограничительным значением и значением недавнего прошлого.

Итак, единицы типа *только* и *только-только* — это не просто один из подтипов маркеров недавнего прошлого. Их значение не сводится к ‘очень недавно’, а предполагает, что между ситуацией Р и ситуацией Q не должно было произойти ничего релевантного для говорящего в силу их временной близости (например, *только приехал* означает, что субъект не успел еще разобраться в текущих делах — а именно это важно для говорящего, — хотя, возможно, успел принять душ и переодеться с дороги). При этом степень конкретной близости событий (несколько минут, несколько часов или несколько дней) может быть разной. Существенно, что никакой ситуации, отменяющей результаты события Р, не возникло. В дальнейшем может быть интересным типологически исследовать связь ограничительного значения со значениями недавнего прошлого и результататива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1980 — Богуславский И. М. Семантика частицы *только* // Семиотика и информатика. Вып. 14. М.: ВИНТИ, 1980. С. 134—158. [Boguslavsky I. M. Semantics of the particle *tol'ko*. *Semiotika i informatika*. No. 14. Moscow: All-Union Institute of the Scientific and Technical Information, 1980. Pp. 134—158.]
- Богуславский 1986 — Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки славянской культуры, 1986. [Boguslavsky I. M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [The scope of lexical units]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 1986.]
- Князев 1989 — Князев Ю. П. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н*, *-т*. München: Verlag Otto Sagner, 1989. [Knyazev Yu. P. *Aksional'nost' i statal'nost'*: ikh sootnoshenie v russkikh konstruksiyakh s prichastiyami na *-n*, *-t* [Actionality and statality: Their correlation in the Russian constructions with *-n* and *-t* participles]. München: Verlag Otto Sagner, 1989.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плунгян 2012 — Плунгян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 57. No. 2. С. 290—310. [Plungian V. A. Typological aspects of Slavic aspectology (some additions to the topic). *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 57. No. 2. Pp. 290—310.]
- Пожарицкая 2005 — Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М.: Парадигма; Академический проект, 2005. [Pozharitskaya S. K. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Paradigma; Akademicheskii projekt, 2005.]
- РГ-1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Селина 2003 — Селина Н. П. Структурно-семантические и функциональные особенности слова *только* в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003. [Selina N. P. *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti slova tol'ko v sovremennom russkom yazyke*. *Kand. diss.* [Structural-semantic and functional characteristics of the word *tol'ko* in Modern Russian. Cand. diss.]. Stavropol': Stavropol' State Univ., 2003.]
- Шахматов 1925/2001 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001 (Л.: Российская государственная академическая типография, 1925). [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS, 2001 (Leningrad.: Rossiiskaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya, 1925).]
- Arkadiev 2010 — Arkadiev P. M. Notes on the Lithuanian restrictive. *Baltic Linguistics*. 2010. No. 1. Pp. 9—49.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to study of verbal aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.

-
- Crook 1976 — Crook D. E. Yuman *t. *Proceedings of the First Yuman Languages Workshop*. University Museum Studies. Vol. 7. Redden J. E. (ed.). Carbondale: University Museum, Southern Illinois Univ., 1976. Pp. 35—44.
- Dahl, Velupillai 2005 — Dahl Ö., Velupillai V. *Perfect*. The World Atlas of Language Structures Online. Chapter 68. Munich: Max Planck Digital Library. Available at: wals.info/chapter/68.
- Delgado, Ortiz López 2011 — Delgado G., Ortiz López L. A. The Past tense in the Caribbean. *Cuadernos de Lingüística / U.P.R. Working Papers*. 2011. Vol. 3. No. 1. Pp. 2—18.
- Gordon 1986 — Gordon L. *Maricopa morphology and syntax*. Berkeley: Univ. of California Press, 1986.
- Seržant (in print) — Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal account. *Lingua* (in print).

Статья поступила в редакцию 08.12.2015.

**БОЛГАРСКИЕ ВОЗВРАТНЫЕ КЛИТИКИ *СЕ* И *СИ*:
ОМОНИМИЯ, ПОЛИСЕМИЯ, СИНТАКСИС***

© 2017

**Елена Юрьевна Иванова^{а, @},
Галина Михайлова Петрова^б**

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; ^б Университет им. проф. д-ра Асена Златарова, Бургас, 8010, Болгария; [@] e.y.ivanova@spbu.ru

Болгарские клитики *се* и *си* отличаются высокой полифункциональностью, обусловленной их различным морфологическим статусом и сочетаемостным потенциалом. Они могут выступать как местоимения, как частицы — словообразовательные и формообразующие, а клитика *си* — еще и как модальная и интенсифицирующая частица. В большинстве своих функций *се* и *си* характеризуются определенной линейно-синтагматической свободой: они (слабо) отделимы и способны к кластеризации в цепочке предикатных клитик. Это является существенным фактором для появления неоднозначных высказываний. В статье предлагается обзор всех функций болгарских клитик *се* и *си* и демонстрируются условия для возникновения неоднозначного прочтения с учетом как предикатно-аргументной структуры высказывания, так и внутрикластерной комбинаторики рассматриваемых клитик.

Ключевые слова: болгарский язык, возвратные местоимения, возвратные частицы, клитики, пассив, рефлексивность, реципрок, субъектный имперсонал

**BULGARIAN REFLEXIVE CLITICS *SE* AND *SI*:
HOMONYMY, POLYSEMY, SYNTAX****Elena Yu. Ivanova^{а, @}, Galina M. Petrova^б**

^а Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ^б Prof. Dr. Asen Zlatarov University, Burgas, 8010, Bulgaria; [@] e.y.ivanova@spbu.ru

Bulgarian clitics *se* and *si* are highly multifunctional due to their versatile morphological status and distributional properties. They may act either as pronouns, or as particles participating in word derivation or verbal form production; in addition, the clitic *si* can also function as a modal/intensifying particle. In most functions *se* and *si* have a certain freedom of linear positioning: they are (weakly) separable and disposed to clustering in a chain of clausal clitics. This is a significant contributory factor to the development of ambiguous sentences. The paper reviews all the functions of the Bulgarian clitics *se* and *si* and lays out the conditions of their ambiguity in terms of both predicate-argument structure and cluster combinatorics.

Keywords: Bulgarian, clitics, passive voice, reciprocity, reflexive particles, reflexive pronouns, reflexivity, subjective impersonal construction

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира», поддержанного РГНФ, и проекта «Българско-руски паралели в езиково-литературен и педагого-исторически контекст» Бургасского университета им. проф. д-ра А. Златарова (Бургас, Болгария). Мы признательны рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за ценные и конструктивные критические замечания.

Введение

Возвратные элементы¹ в системе клитик болгарского языка

В болгарском языке в процессе его исторического развития оформилась стройная система клитик разного частеречного статуса (частицы, вспомогательные глаголы, местоимения). Большинство из них являются предикатными (сентенциальными) кластеризуемыми клитиками, и порядок их взаиморасположения в целом отражает диахронию присоединения элементов к цепочке и их таксономическую сгруппированность², см. таблицу на с. 76.

К предикатным клитикам относятся и краткие формы личных местоимений — винительного (*ме, те, го, я, ни, ви, ги*) и дательного (*ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им*) падежей, а также возвратные элементы *се* и *си*. Все они имеют и соответствующие полные формы (например, вин. *ме* — *мене, те* — *тебе, я* — *нея, го* — *него* и т. д.). Для возвратных клитик *се* и *си* полные местоименные формы в современном языке представлены составными образованиями, соответственно вин. падежа — *себе си*, дат. падежа — *на себе си*.

Помимо предикатных, в болгарском языке имеются и клитики уровня именной группы — краткие притяжательные местоимения, по происхождению связанные с краткими дательными формами личных местоимений. Последние еще в старославянском (в болгарской лингвистической традиции — «староболгарском») языке были способны выражать притяжательное отношение в результате постепенного расширения функций дательного падежа в приименной позиции. Полное становление системы кратких притяжательных местоимений в болгарском языке связывается с развитием артиклевых показателей: именная группа, оформленная определенным артиклем, стала выделяться как самостоятельное звено более отчетливо [Гълъбов 1986], что позволило кратким личным местоимениям получить место клитик уже не в рамках предложения, а в рамках именной группы. Иначе говоря, как выразился Л. Андрейчин, посессивность в истории болгарского дательного выделилась из других видов «заинтересованности», и ряд кратких дательных форм личных местоимений расщепился на два омонимичных ряда [Андрейчин 1958: 200; Минчева 1964; Станков 1982: 495—496].

Данная морфологическая трансформация в современном болгарском языке имеет результатом омонимию при клитиках дательной формы *ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им*, а также возвратном *си*: с одной стороны, это личные местоимения в синтаксической позиции косвенного дополнения (1), с другой — притяжательные местоимения в синтаксической позиции несогласованного определения (2):

- (1) а. *Той му купи кола.*
‘Он купил ему машину’.
- б. *Той си купи кола.*
‘Он купил себе машину’.
- (2) а. *Продадох картината му.*
‘Я продал его картину’.
- б. *Продадох картината си.*
‘Я продал свою картину’.

¹ Использование общего условного наименования «элемент» в данной работе связано с полифункциональным и полисемантическим характером данных клитик. В процессе дальнейшего анализа их статус будет конкретизироваться.

² Порядок клитик, как сейчас уже известно, обусловлен временной последовательностью их присоединения к цепочке (от более древних клитик, способных к кластеризации, к более молодым) [Зализняк 2008] и, если добавить выводы А. В. Циммерлинга [2013: 140—145, 469—471; Kosta, Zimmerling 2013], связан с таксономическим (категориальным) фактором, т. е. присоединение более поздних компонентов происходит не к одному — финальному — концу цепочки, но к группе морфологически единообразных энклитик.

В болгарском языке при определенных условиях допускается перемещение притяжательной клитики из именной группы в предикатную (подъем посессора, см. далее 2.1.3, 2.2.2), ср. перемещение для примеров (2’):

(2’) а. *Продадох [картината му]* → а’. *Продадох му [картината t]*.

б. *Продадох [картината си]* → б’. *Продадох си [картината t]*.

Подобное передвижение имеет своим следствием возможность двоякого толкования местоименной клитики в приглагольном употреблении, как, например, для (2а’): *Продадох му картината* ‘Я продал **ему** картину’ / ‘Я продал **его** картину’.

Перемещенное притяжательное местоимение включается в цепочку синтаксических клитик, занимая свободную позицию клитики дательного падежа [Schürcks, Wunderlich 2003; Циммерлинг 2013: 324], что показано и в таблице ниже.

В ходе эволюции болгарского языка местоименные клитики претерпевают еще одну морфологическую трансформацию и начинают функционировать как частицы, причем с различными функциями. Этот процесс затрагивает прежде всего элементы *се* и *си* (и в значительно меньшей степени дативные формы 1-3 л. ед. ч. *ми*, *ти*, *му*). Основная часть этих частиц является кластеризуемыми клитиками. Кроме того, даже некоторые присловные частицы, оказываясь отделенными от опорного слова, тоже могут встраиваться в общую (синтаксическую) цепочку, что корректирует строгий порядок расположения клитик.

В результате исследования закономерностей кластеризации [Иванова, Петрова 2014] таблица рангов болгарских клитических элементов, показывающая не только место предикатных клитик, но и все возможные перемещения групповых и присловных клитик и их дистрибуцию в цепочке, предстает в следующем виде.

Таблица

Расположение клитик в болгарском невопросительном предложении с учетом включения в цепочку перемещенных клитик и их дистрибуции

1	2	3	4	5	6
— частица буд. вр. <i>ще</i> — отриц. частица <i>не</i>	— глагольные энклитики наст. вр., кроме <i>е</i> : <i>съм, си, сме, сте, са</i>	— модальная частица (PCL-mod.) <i>си</i> — интенсиф. частица (PCL-intens.) <i>си</i>	— местоименные энклитики дат. пад. (DAT): <i>ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им</i> и возвратно-местоименное <i>си</i> — притяжат. (POSS) <i>ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им, си</i> — словообр. (PCL-deriv.) <i>си</i> — <i>dativus ethicus</i> (PCL-dat. eth.) <i>ми, ти</i>	— местоименные энклитики винит. пад. (ACC): <i>ме, те, го, я, ни, ви, ги</i> и возвратно-местоименное <i>се</i> — возвратная частица (PCL) <i>се</i>	— глагольная энклитика наст. вр. <i>е</i> (3SG)

Возможность включения в цепочку перемещенных клитик, как и полифункциональность *се* и *си*, значительно повышает частотность омонимии в болгарском предложении.

Важно отметить, что клитика *се*, независимо от того, функционирует ли она как личное местоимение, формообразующая или словообразовательная частица, всегда занимает в общей цепочке клитик строго определенное место — клетку винительного падежа (см. и раздел 1.4 ниже), в то время как место клитики *си* определяется ее функцией, а также рядом других факторов (см. раздел 2.2). Клитика *си* отличается от *се* и способностью неоднократно употребляться в предикатной цепочке.

Далее мы рассмотрим функции возвратных элементов *се* и *си*, затем — условия для неоднозначных интерпретаций и внутрикластерную комбинаторику клитик. Поскольку полифункциональность *се* ограничена только сферой прилагательных употреблений, а клитика *си* обладает более широким спектром функций, мы будем анализировать их по отдельности.

1. Клитика *се*: морфологическая омонимия и полифункциональность

1.1. Проблемы морфологического статуса болгарского *се*

Болгарская лингвистика располагает богатым исследовательским опытом в сфере изучения форм с возвратной клитикой *се*. Имеются два основных блока вопросов, по которым единое мнение отсутствует. Наиболее высокой дискусионностью отличается проблема набора пассивных и активных залоговых форм, как и рефлексивно-реципрокальная полисемия и проблема «медия» (см. из более новых работ [Пенчев 1995; 1996; 1998; Цанков 1995; Коева 1995; 2004; 2006; Коева 1998; 2007; 2008; Наймушин 2001; Петрова 2008; Димитрова 2009; Ницолова 2011]). Мы не будем останавливаться на этой дискуссии, см. обзор в [Петрова 2008: 7—23]; наша точка зрения, опирающаяся в основном на концепции отечественных лингвистов, прежде всего [Плунгян 2011: 251—298] и работы Петербургской типологической школы по залогам и актантажной деривации [Генюшене, Неделков 1991; Храковский 1991; 2004 и др.], отражена в списке функций *се* ниже.

Второй блок вопросов, важный для темы данной статьи, касается морфологического статуса *се*; эта сложная проблема, связанная с клитическим характером³ *се*, нечасто затрагивается в работах по залогам и рефлексивности. При том, что у болгарского *се*, несомненно, главными являются формообразующая и словообразовательная функции, вопрос, есть ли (сохранилась ли) у болгарского *се* местоименная функция, остается непроясненным. Речь идет прежде всего о характере сочетания глагола и элемента *се* в употреблениях типа *Той се мие* 'Он моется'; *Той се мрази* 'Он ненавидит себя'. Отнесение таких образований к возвратным глаголам можно наблюдать во многих классических работах, например [Андрейчин 1978: 135], см. поддержку этого понимания в [Куцаров 1997: 63]. Р. Ницолова также полагает, что «синтаксическим» рефлексивом можно считать лишь случаи рефлексивности, выражаемой полным местоимением *себе си*, но не кратким *се*, которое является «семантически» рефлексивным, т. е. частью лексемы [Ницолова 2008: 160, 241—242].

Некоторые болгарские исследователи определяют возвратные образования типа *Той се мие* как глагольные формы в связи с выражением ими залоговых отношений. К. Иванова, например, относит их к «возвратному варианту действительного залога» [Грамматика 1983: 242—245], см. квалификацию их как глагольных форм и у Р. Влаховой-Руйковой [2009: 88]. В этих концепциях, следовательно, *се* считается элементом формы.

Между тем болгарские лингвисты, работающие в русле генеративного направления [Пенчев 1995: 404—405; Коева 2004: 192—194; Петрова 2008: 25—26], склонны определять рассматриваемые употребления как синтаксические конструкции, в которых участвуют

³ В «линейно-синтагматическом континууме» клитики занимают промежуточное положение между автономными словоформами и связанными морфемами [Плунгян 2000: 33].

переходные глаголы (*мия, мразя*) с местоименно выраженными дополнениями — невозвратными (*Мия го* ‘Я мою его’; *Мразя го* ‘Я ненавижу его’) или, как в примерах *Той се мие, Той се мрази*, — возвратными.

Действительно, возвратная клитика в ряде приглагольных употреблений ведет себя подобно другим личным местоимениям болгарского языка, у которых краткие формы противопоставлены полным, использующимся в условиях акцентного выделения или топикализации дополнения. Так, примеры (3) и (4) представляют употребление краткого личного местоимения *се* (3а), (4а) и полного местоимения *себе си* (3б), (4б) в тождественных ситуациях, различающихся в случаях (б) лишь акцентированностью дополнения *себе си* в условиях контраста:

- (3) а. *Уважавай се! Обичай се! Цени се!*
 ‘Уважай себя! Люби себя! Цени себя!’⁴
- б. *Обичай и уважавай себе си, за да те обичат и уважават останалите.*
 ‘Люби и уважай себя, чтобы тебя любили и уважали другие’.
- (4) а. *Виж се в огледалото!*
 ‘Посмотри на себя в зеркало!’
- б. *Виж себе си в огледалото, а после говори за мене.*
 ‘Посмотри на себя в зеркало, а потом говори обо мне’.

Резкая критика первых работ Й. Пенчева (и некоторых других славистов), в которых была предложена трактовка части употреблений *се* как аргументной клитики, содержится в известной книге Б. Ю. Нормана [1972: 100—104]. Ее автор полагает, что «возвратный элемент в современном болгарском языке выпадает из системы местоименных форм, все более определенно приобретая функции глагольной морфемы» [Норман 1972: 101]. В болгарском языке, как отмечается в работе, класс «собственно-возвратных глаголов» типа *виждам се* или *питам се* шире, чем в русском, но это не дает оснований говорить о местоименном характере *се* — элемента, который подвергся грамматикализации и лексикализации во всех славянских языках, в том числе и в болгарском. Основная его функция — интранзитивность, сигнализация непереходности [Там же]. «Местоименное происхождение возвратной морфемы составляет лишь “факт биографии” возвратных глаголов как формального класса слов» [Норман 2004: 397].

Аргументами против признания *се* кратким местоимением называются (в разных работах) и следующие языковые факты.

В образованиях типа *Мия се* замена форм *с се* на полное местоимение *себе си* часто выглядит искусственной или затруднена [Норман 1972: 94; Ницолова 2008: 160]: *Майката се мие*. — *Майката мие себе си* ‘Мать моет себя’; *Той се бръсне*. — *Той бръсне себе си* ‘Он бреет себя’. Однако такая затрудненность наблюдается, прежде всего, при глаголах «самообслуживания» [Генюшене, Недялков 1991: 256], где сомнительно утверждать полную однореферентность субъекта и объекта: в них представлены все же разные «объемы» или ипостаси одного лица, в результате чего рефлексивность этих глаголов плохо поддается описанию через синтаксическое местоимение. Тем более это касается «партитивно-рефлексивных» образований типа *Той се бръсне* ‘Он бреется’.

В тех же случаях, когда агенс кореферентен пациенту в совокупности своих признаков (обычно «личностных»), такая замена легко осуществляется. Поэтому нельзя согласиться, что в болгарском языке взаимозамена полного возвратного местоимения и элемента *се* «в практическом контексте не имеет места» [Норман 1972: 95]. Она регулярна для тех глаголов, которые допускают полную кореферентность субъекта и объекта. Это в основном

⁴ Примеры, приводимые в данной работе, относятся к личному корпусу авторов и представляют современный литературный болгарский язык, включая его разговорную форму.

перцептивные предикаты, позволяющие выразить ситуацию перцептивного раздвоения (*Виждам се в огледалото* ‘Я вижу себя в зеркале’; *Чуваши ли се какво говориш?* ‘Ты [сам-то] себя слышишь, что ты говоришь?’), глаголы эмоционального отношения (*Ти ме мразиш. И аз се мразя* ‘Ты ненавидишь меня. И я себя ненавижу’) и другие предикаты, подразумевающие «личностную» кореференцию в ситуациях работы человека над самим собой, см. примеры распространенных советов, рекомендаций, тестов:

- (5) а. *Постави се на първо място, уважавай се!*
‘Поставь себя на первое место, уважай себя!’
- б. *Трябва да се изучаваши.*
‘Тебе нужно себя изучать.’
- в. *Готов ли си да се жертваши за другите?*
‘Ты готов жертвовать собой ради других?’

Поскольку возможности замены на полное местоимение различны для разных типов рефлексивов, можно предположить, что дискретный характер прямообъектного рефлексивного *се* в болгарском языке имеет вид шкалы, на одном конце которой находятся синтаксические конструкции с неклитическим (полным, «длинным», «тяжелым», см. [Князев 2007: 269]) показателем рефлексивности *себе си* и близкие к ним рефлексивные образования с *се*, при которых референт действительно предстает как расщепленный на две ипостаси, см. (3—5); далее располагаются менее очевидные по совпадению объемов референта рефлексивы «ухода за телом» [Kemmer 1993], см. и 1.2.1 ниже.

Как еще одно свидетельство «отхода» *се* от парадигмы кратких личных местоимений болгарского языка указывается невозможность местоименного удвоения клитики *се*, т. е. одновременного употребления полной и краткой формы, которое характерно для невозвратных местоимений, например *Аз го мия него* ‘Я мою его’ — **Аз се мия себе си* (примеры из [Ничолова 2008: 160]). Подобное удвоение, но с неместоименным дополнением, встречается и в тех случаях, когда требуется конкретизация референта [Пашов 1999: 331], см. (6). Такой контекст, однако, для клитики *се* невозможен в силу референциальной специфики возвратности:

- (6) а. *Аз ги пожертвах своите убеждения.*
‘Я [ими] пожертвовал своими убеждениями.’
- б. *Аз го познавам Иван.*
‘Я [с ним] знаком с Иваном’ → *Аз го познавам него.*

Местоименное удвоение, в котором могут участвовать и возвратные клитики, — это механизм другого типа, связанный с топикализацией дополнения: клитика (в аккумулятиве или дативе) удваивает дополнение (прямое или не прямое), маркируя топик. Эти конструкции обсуждаются как «левая дислокация с клитикой» (clitic left dislocation) [Иванов, Слабакова 2013; Арнаудова 2013]. Данные употребления (7) имеют специфическую дискурсивную функцию: референт дополнения уже упомянут, известен из контекста, и такое дополнение перемещается из канонической позиции после сказуемого в позицию перед ним, маркируя топик и удваиваясь клитикой, см. пример с личным местоимением:

- (7) а. *Винаги съм купувал подаръци на деца.*
‘Я всегда покупал подарки детям.’
→ *На деца винаги съм им купувал подаръци.*
‘Детям я всегда [им] покупал подарки.’
- б. *На тях винаги съм им купувал подаръци* (то же с местоименно выраженным топикализированным дополнением).
‘Им-то я всегда [им] покупал подарки.’

Хотя и реже, но в позиции топикиализированного дополнения может появиться и полная форма *себе си* с удваивающей ее рефлексивной клитикой, например:

- (7) в. *Тя себе си винаги се е подценявала.*
 ‘Себя она всегда [себя] недооценивала’.

Обратим внимание на то, что в македонском языке, где удвоение клитик грамматикализовано, т. е. реализуется вне зависимости от коммуникативного статуса дополнения [Мишеска Томиќ 2008: 14, 61—70], двойное местоименное употребление не ограничено левой дислокацией, и возвратные местоимения легко удваиваются во всех коммуникативных позициях (см. также [Митковска 2011: 36—39]):

- (8) МАКЕДОНСКИЙ
- а. *Тогаш одлучил да се жртвува себе си.*
 ‘Тогда он решил пожертвовать собой’.
- б. *Драга моја, сама себе си се осуди!*
 ‘Дорогая моя, ты сама себя осудила!’
- в. *Еве како себе си се лажеме на дваесет години.*
 ‘Вот как мы себя обманываем в двадцать лет’.
- г. *Богдановиќ призна дека себе си се наградил со плата од 2.000 евра, а својот заменик го наградил со 1.500 евра.*
 ‘Богданович признался, что себя наградил зарплатой в 2000 евро, а своего заместителя — в 1500 евро’.

Отметим еще одно доказательство возможности употребления *се* в качестве аргументного местоимения в болгарском языке: оно может контролировать предикативное определение. Если бы *се* выступало в данных контекстах в качестве частицы, предложения, подобные (9), не могли бы быть истолкованы как содержащие предикативное определение к дополнению:

- (9) а. *Харесваш⁵ ли се пийнал?*
 ‘Ты себе нравишься выпивший?’ (букв. ‘Ты любишь себя выпившего?’)
- б. *Мразя се такава.*
 ‘Я ненавижу себя такую/такой’.

Точно так же контролером предикативного определения могут быть краткие личные местоимения, с которыми оно согласуется в роде и числе:

- (10) а. *Харесваш ли го пийнал?*
 ‘Он тебе нравится выпивший?’ (букв. ‘Ты любишь его выпившего?’)
- б. *Харесваш ли я пийнала?*
- в. *Харесваш ли ги пийнали?*

Итак, мы полагаем обоснованным рассматривать возвратную клитику *се* как аргументное местоимение по крайней мере в ряде употреблений, где предполагается полная корреспондентность подлежащего и прямого дополнения и где *се* выступает как соотносительная форма для соответствующего полного местоимения.

Если клитика стоит в неаргументной позиции, с морфологической точки зрения это частица. Например, глагол *безпокоя се* ‘испытывать беспокойство, волнение, тревогу’ [БТР 2008], как и русск. *беспокоиться*, открывает позицию только для единственного

⁵ Глагол *харесвам* — лабильный [Летучий 2006: 29, 151], допускающий реализацию как переходный и непереходный. В нашем примере он выступает как переходный.

поясняющего его элемента — субъекта ощущения, проецируемого как внешний аргумент (экспериенцер) в позицию подлежащего: *безпокою се (някой)*. Здесь клитика является частью лексемы и функционирует как словообразовательная частица.

При употреблении типа *Болният не трябва да се безпокои (от никого)* ‘Больного нельзя беспокоить’, букв. ‘Больной не должен (никем) беспокоиваться’, налицо страдательный залог. Здесь глагол *безпокою (някой, някого)*, ср. русск. *беспокоить*, стоит в пассивной форме *безпокои се*. Отношение между *безпокои* — *безпокои се* не лексическое, а грамматическое (диатезное), выраженное в изменении глагольной формы, что эксплицируется употреблением частицы *се*. Функция клитики — формообразующая.

Таким образом, *се* может быть аргументным местоимением, элементом формы (мы относим сюда пассив, субъектный имперсонал, реципрокальные трансформации и так называемые желательные конструкции) либо формантом словообразовательного уровня. Отношения между этими функциональными реализациями в случае неоднозначности мы рассматриваем как о м о н и м и ю. В то же время отношения между различными семантическими оттенками в рамках каждой из этих трех реализаций мы квалифицируем как проявление полисемии.

Прежде чем перейти к разбору примеров с неоднозначным употреблением, представим возможные функции *се* в общем перечне.

1.2. Функции элемента *се*

1.2.1. *Се* как показатель синтаксической рефлексивности (аргументное *се*)

При прямообъектном рефлексиве (подлежащее кореферентно прямому дополнению) *се* может иметь как чисто рефлексивное значение (идентичность референтов актантов полная, 11а—б), так и партитивно-рефлексивное (11в—г):

- (11) а. *Иван се пита къде е сгрешил.*
‘Иван спрашивает себя, где он ошибся’.
- б. *Аз добре се познавам.*
‘Я хорошо себя знаю’.
- в. *Мария се гримира.*
‘Мария красится’.
- г. *Иван се бръсне.*
‘Иван бреется’.

Выше было обосновано решение, согласно которому лишь часть рефлексивных образований определяются нами как синтаксические конструкции, например (11а—б). В этих случаях клитика может быть заменена на полное возвратное местоимение *себе си* в тех же условиях, что и невозвратные личные местоимения, ср. такую замену во вторых репликах примеров (12):

- (12) а. *Обвиняваш се напразно. — Себе си обвинявам, не друг!*
‘Ты обвиняешь себя напразно. — Себя обвиняю, а не кого-то еще!’
- б. *Мразя се за тези думи. — Не себе си мразя, а мразя грешките си.*
‘Ненавижу себя за эти слова. — Не себя надо ненавидеть, а свои ошибки’.

1.2.2. *Се* как формообразующая частица

1.2.2.1. **Пассивные формы глагола** образуются с участием показателя *се*, выполняющего роль формообразующей частицы. Глагол стоит в форме 3 л.

Полный пассив (понижение коммуникативного ранга агенса; присвоение статуса подлежащего другому участнику):

- (13) а. *Ректорът се избира от Общото събрание на университета.*
 ‘Ректор выбирается общим собранием университета’.
- б. *Тези две магистрали се строят от българска фирма.*
 ‘Эти две магистрали строятся болгарской фирмой’.

Безагенсный пассив (пассивные конструкции с неэксплицитованным агенсом):

- (14) а. *Книгата се продаде много бързо.*
 букв. ‘Книга продалась очень быстро’.
- б. *Статиите трябва да се редактират.*
 ‘Эти статьи нужно отредактировать’ (букв. ‘должны отредактироваться’).

В рамках пассива, обычно безагенсного, отметим и значение так называемого хаби-туального пассива, который «обозначает регулярно повторяющуюся ситуацию или постоянное положение дел» [Летучий 2014а]. Хаби-туальный пассив часто используется и в инструкциях (примеры 15г—д):

- (15) а. *Ректорът се избира за 4 години.*
 ‘Ректор выбирается на 4 года’.
- б. *Преди Коледа се украсява елхата.*
 ‘На Рождество украшают елку’ (букв. ‘украшается елка’).
- в. *Пенсиите се изплащат по график.*
 ‘Пенсии выплачиваются по графику’.
- г. *Белтъците се разбиват на сняг.*
 ‘Белки взбивают в пену’.
- д. *Месото се реже на малки парчета и след това се задушава.*
 ‘Мясо режется на маленькие кусочки и после этого тушится’.

Модальное значение пассивных конструкций связано с рядом семантических вариантов внешней и внутренней необходимости и возможности [Плунгян 2011: 427—428], например необходимость (16а—б), невозможность (16в—г), запрет или (реже) разрешение (16д—ж), возможность (16з), внутренняя возможность (внутренне присущая не-/способность; пассивно-качественное значение, 16и—к):

- (16) а. *Документите се изпращат по електронен път.*
 ‘Документы высылаются (должны высылаться) в электронном виде’.
- б. *Молбата се предава лично в деловодството.*
 ‘Ходатайство подается в канцелярию лично’.
- в. *Ключът не се превърта: бравата е блокирала.*
 ‘Ключ не проворачивается: замок заело’.
- г. *Болтът не се отвива.*
 ‘Болт не отвинчивается’ (‘невозможно отвинтить’).
- д. *Водата не се пие.*
 ‘Воду нельзя пить’/‘Воду пить не разрешается’ (букв. ‘Вода не пьется’).
- е. *В този музей не се правят снимки.*
 ‘В этом музее фотографии делать не разрешено’.

- ж. *Тук се паркират само служебни автомобили.*
букв. ‘Здесь паркуются (разрешено парковать) только служебные машины’.
- з. *Истината се установява само в дискусиата.*
‘Истина устанавливается (может быть установлена) только в дискуссии’.
- и. *Леглото се сгъва.*
‘Кровать складывается’ (‘может быть сложена’).
- к. *Среброто се обработка лесно.*
‘Серебро легко обрабатывается’.

Весь перечисленный выше набор модальных значений, помимо последнего (внутренняя присущность), имеет и болгарский субъектный имперсонал, см. примеры (17) далее.

1.2.2.2. Имперсональные формы глагола (результат интерпретирующей деривации, связанной с выражением неопределенности актанта [Плунгян 2011: 293]) включают возвратный компонент *се* в качестве формообразующей частицы. Для болгарского языка здесь наиболее значим **субъектный имперсонал** [Генюшене, Недялков 1991: 270—271; Плунгян 2011: 294—296], при котором глагольная словоформа в 3 л. ед. ч. с клитикой *се* систематически маркирует наличие неопределенного (генерализованного, неопределенно-множественного либо — реже — предполагаемого, но незначимого) субъекта. Такие конструкции широко распространены в болгарском языке, см. подробную их характеристику с русскими параллелями в [Градинарова 2007; Иванова, Градинарова 2015: 424—434].

Субъектный имперсонал часто используется в привычном (17а—б) или модальном (17в—е) значениях. Актуальное толкование представлено в (17ж—з):

- (17) а. *През лятото се ходи на море.*
‘Летом обычно едут на море’ (букв. ‘Летом едется на море’).
- б. *На тези години вече се пълнее* (Г. Караславов, пример из [Наймушин 2001]).
‘В эти годы обычно уже полнеют’ (букв. ‘полнеется’).
- в. *Пред гараж не се паркира.*
‘Перед гаражом парковаться не разрешается’ (букв. ‘Перед гаражом не паркуется’).
- г. *На изпит се влиза без джисеми.*
‘На экзамен положено заходить без мобильных’.
- д. *Тук не се влиза без придружител.*
‘Сюда нельзя входить без сопровождающего’.
- е. *Извинете, тук пуши ли се?*
‘Извините, здесь можно/разрешается курить?’ (букв. ‘...здесь курится?’)
- ж. *На вратата се звъни.*
‘В дверь звонят’ / ‘Кто-то звонит в дверь’.
- з. *На улицата се стреля.*
‘На улице стреляют’.

1.2.2.3. Конструкции с формами реципрока. В конструкциях с взаимовозвратным значением симметричные отношения оформляются с помощью добавления клитики *се* к переходным глаголам, допускающим выражение взаимной транзитивности. К реципрокальным конструкциям с *се* мы относим такие, где разрешены только формы мн. ч. глагола. Клитика маркирует «перекрестную референцию» [Недялков 2004: 319]:

- (18) *Иван и Мария се обичат.*
‘Иван и Мария любят друг друга’ (ср. *Иван обича Мария* и *Мария обича Иван* при **Иван се обича с Мария*).

Возможно добавление лексического реципрокального выражения *един друг* ‘друг друга’ или *взаимно*. Таким образом, в болгарском языке допускается факультативное плеонастическое выражение реципрока (см. об этом в типологическом аспекте [Недялков 2004: 317—318, 358]), которое обычно применяется лишь с целью снятия реципрокально-рефлексивной полисемии:

(19) *Не трябва да се обвинявате един друг за случилото се, защото и двамата сте виновни.*

‘Вы не должны обвинять друг друга в случившемся, потому что вы оба виноваты’.

Невозможность употребления глагола в форме ед. ч. отличает реципрокальные конструкции от глаголов с реципрокальным значением, см. и отделение С. Коевой реципрокальных трансформаций от постоянно реципрокальных глаголов [Коева 2004: 195—196], ср. ее же примеры:

(20) а. *Иван и Петър се изслушват (един друг).*

‘Иван и Петр выслушивают друг друга’ (реципрокальная трансформация глагола *изслушвам* ‘выслушивать’). — **Иван се изслушва с Петър.*

б. *Иван и Мария се ръкуваха.*

‘Иван и Мария поздоровались за руку’ (содержит реципрокальный глагол *ръкувам се* ‘(по)здороваться за руку’). — *Иван се ръкува с Мария. Мария се ръкува с Иван.*

1.2.2.4. Се в желательных конструкциях. «Желательные», «оптативные» конструкции [Пенчев 2001: 89; Коева 2004: 200—206; Петрова 2006: 135—141, 154—156; Димитрова 2015], ср. и термин «аффективный имперсонал», применяемый к этим построениям в [Градинарова 2007: 48], образуются с участием клитики *се* как формообразующей частицы. Обязательным элементом конструкции является краткое дательное местоимение, указывающее на носителя состояния:

(21) а. *Пътува ми се.*

‘Меня тянет путешествовать’, букв. ‘Мне путешествуется’.

б. *Прибираше му се вече.*

‘Ему уже хотелось возвращаться домой’, букв. ‘Ему уже возвращалось домой’.

Рефлексивные конструкции с дательным субъекта, указывающие на «внутреннюю предрасположенность к действию», «успешность совершения действия» [Булыгина, Шмелев 1997: 106—107], имеются и в русском языке: *Мне не читалось; В такой духоте мне не работается; Здесь ему всегда хорошо писалось*. Они считаются результатом деагентивации, хотя этот результат, как известно, трактуется по-разному, см. и обсуждение их грамматического статуса в [Летучий 2014б: 367—371]. Основные отличия (как грамматические, так и семантические) болгарской желательной конструкции от русской модели описаны в работах [Норман 1972: 77—80; Георгиев 1990: 82; Ivanova 2014; Иванова, Градинарова 2015: 187—189 и др.]. Здесь отметим лишь основное смысловое отличие, состоящее в том, что в толкование русской модели в качестве presupпозиции включен компонент *X делает P* [Апресян 2005: 10], т. е. в русском языке состояние субъекта, описываемое данной конструкцией, связано с не-/успешностью уже протекающего процесса (иное реже), а в болгарском языке состояние X-а определяется не-/настроенностью на предстоящее действие либо на продолжение текущего действия.

Болгарская конструкция, в отличие от русской, способна эксплицитировать объект желаемого действия при переходных глаголах, продвигая его в позицию подлежащего, ср. (22а) и (22б):

(22) а. *Не ми се чете, играе ми се.*

‘Мне не хочется читать, хочется играть’, букв. ‘Мне не читается, мне играется’.

б. *Не ми се чете фантастика.*

‘Мне не хочется читать фантастику’, букв. ‘Мне не читается фантастика’.

Синтаксический статус этого актанта как подлежащего проявляется в согласовании со сказуемым в числе, что демонстрируют примеры (23а—д), в том числе при сочиненной группе (23б). В данной синтаксической позиции может быть употреблена группа с противопоставительными отношениями (23в). Элемент в позиции подлежащего может иметь различные показатели определенности (23г). Пример (23д) демонстрирует употребление (в целом редкое для этой конструкции) личного местоимения, маркированного именительным падежом.

(23) а. *Яде (3SG) ми се ябълка. — Ядат (3PL) ми се ябълки.*

букв. ‘Мне естся яблоко. — Мне едятся яблоки’.

б. *Слуша (3SG) ми се Моцарт. — Слушат (3PL) ми се Моцарт и Бетовен.*

‘Мне хочется послушать Моцарта. — Мне хочется послушать Моцарта и Бетховена’.

в. *Пиe (3SG) ми се кафе, а не чай.*

‘Мне хочется выпить кофе, а не чай’.

г. *Не ми се слушат (3PL) клюките на съседката; Не му се четат (3PL) новите ти статии; Не му се чете (3SG) този дълъг доклад.*

‘Мне не хочется слушать сплетни соседки; Ему не хочется читать твои новые статьи; Ему не хочется читать этот длинный доклад’.

д. *Ако започна да ям плодове, накрая и те не ми се ядат.*

‘Если я начну есть только фрукты, то потом и их мне не хочется’, букв. ‘...в конце концов и они мне не едятся’.

Желательные конструкции рассматриваются в болгаристике либо как результат диатезной трансформации исходного глагола (например, [Пенчев 2001: 86—89; Коева 2004: 200—202]: *Ям* ‘Я ем’ → *Яде ми се/Яде ми се нещо* ‘Мне хочется есть’/‘Мне хочется что-нибудь поесть’, букв. ‘Мне естся’/‘Мне естся что-нибудь’), либо выводятся из предикатно-аргументной структуры с глаголом желания и эксплицированным объектом желания, как в [Петрова 2006], где выстраивается цепочка трансформаций с преобразованием личного глагола желания *искам* в безличный и последующим его опущением: *Аз искам да ям шоколад* ‘Я хочу есть шоколад’ → *Иска ми се да ям шоколад* ‘Мне хочется есть шоколад’ → *Яде ми се шоколад* ‘Мне хочется шоколада’, букв. ‘Мне естся шоколад’. Бесподлежащие конструкции трактуются как конструкции с невыраженным объектом желания: *Яде ми се (нещо)* ‘Мне хочется поесть (что-нибудь)’, букв. ‘Мне естся (что-нибудь)’; *Не ми се яде (нищо)* ‘Мне не хочется есть (ничего)’. В статье [Димитрова 2015] желательные конструкции также выводятся из полипредикативных структур.

Важным вопросом является определение конструкций типа *Яде ми се шоколад; Ядат ми се бонбони* (букв. ‘Мне естся шоколад’/‘Мне едятся конфеты’) как пассивных. Хотя такая трактовка превалирует в современной болгаристике, мы считаем, что этот вопрос еще подлежит обсуждению. Пассивная интерпретация исключена при выводимости желательной конструкции из предикации с желательным глаголом (см. упомянутую выше позицию Г. Петровой), поскольку в исходной структуре присутствует не агент, а экспериенцер. Однако и при выводимости из исходной структуры агентивного типа желательная конструкция также не разделяет всех условий образования пассивных трансформаций. Так, глаголы, отбираемые в данную форму, могут быть и непереходными, в том числе и рефлексивными (24в):

(24) а. *Не ми се става.*

‘Мне не хочется вставать’, букв. ‘Мне не встается’ ← *Аз ставам* ‘Я встаю’.

б. *Ходи ми се на ресторант.*

букв. 'Мне ходится в ресторан' ← (*Аз*) *Ходя на ресторан* 'Я хожу в ресторан'.

в. *Не ми се връща вкъщи.*

букв. 'Мне не возвращается домой' ← *Връщам се вкъщи* 'Я возвращаюсь домой'.

Желательные конструкции не имеют и соотносимых причастно-пассивных форм с аналогичным значением. И, наконец, если мы предполагаем, что в исходной структуре в позиции подлежащего был агенс, он при образовании желательной конструкции получает значение экспериенциального участника, а сама ситуация представлена как возникающая непреднамеренно, что не соответствует пассивной трактовке: «залоговые преобразования изменяют прагматическую интерпретацию ситуации, но никогда не затрагивают ее собственно семантическую интерпретацию» [Плунгян 2011: 277]. Таким образом, желательную конструкцию возможно рассматривать как имперсональную, при этом в случае переходных глаголов исходная структура будет трактоваться как содержащая абсолютное употребление глагола (*ям, тия, чета*) с возможным эксплицированием внутреннего объекта, как, например, в (22а—б).

1.2.3. *Се* как словообразовательный формант

Се выступает как словообразовательный элемент в разных типах «медиальных», «средних» глаголов. Так, клитика входит в состав лексем:

- с рефлексивным значением (глаголы с «семантической» возвратностью), в которых рефлексивность выражается лексически, например *самоубивам се* ('кончать жизнь самоубийством', букв. 'самоубиваться'), *самообслужвам се* (букв. 'самообслуживаться') и др.;
- с декаузативным значением: *Клонът се счупи* 'Ветка сломалась'; *Петър се обиди* 'Петр обиделся'⁶;
- с автокаузативным значением: *Тя се надигна* 'Она приподнялась'; *Иван се скри в един вход* 'Иван спрятался в каком-то подъезде';
- в рефлексивно-каузативном значении: *Той се лекува при добър лекар* 'Он лечится у хорошего врача';
- с рефлексивно-бенефактивным значением: *Иван се запасява с дърва* 'Иван запасается дровами';
- с объектно-рефлексивным значением: *Той се бута* 'Он толкается';
- с реципрокальным значением; при этом оно может вводиться частицей *се* (*целувам се* 'целоваться', *прегръщам се* 'обниматься') либо является семантическим компонентом лексемы, в том числе в случаях, когда глагол без *се* не употребляется: *ръкувам се* '(по)здороваться за руку', *състезavam се* 'соревноваться', *сбогувам се* '(по)прощаться'. Эти глаголы, как правило, в отличие от реципрокальных конструкций, имеют полную лично-числовую парадигму⁷.

Се может быть элементом глагола, не выражающего никаких из рассмотренных выше значений: *съгласявам се* 'соглашаться', *бунтувам се* 'бунтовать', *усмихам се* 'улыбаться' и др.

⁶ Вслед за В. А. Плунгяном [2011: 284—285], мы относим к декаузативам и те случаи, где исходный пациенс каузированной ситуации — одушевленный, см., однако, аргументы в пользу признания таких употреблений «классическим диатетическим сдвигом» в [Падучева 2001: 72].

⁷ Глаголы с взаимным значением, как известно, имеют несколько разновидностей, см. обобщение на типологическом фоне [Неделяков 2004], в славянских языках [Князев 2007: 321—368].

1.3. Интерпретация неоднозначных предложений

Интерпретация неоднозначных предложений основывается на разграничении между омонимичными употреблением глагола с аргументным *се*, со словообразовательным *се* и формами с частицей *се*.

1.3.1. Неоднозначность при пассивном, местоименном и реципрокальном употреблении *се*

- (25) *Жените трябва да се защитават при прояви на мъжка агресия.*
- i. ‘Женщины должны защищать себя при проявлении мужской агрессии’;
  - ii. ‘Женщины должны быть защищены при проявлении мужской агрессии’;
  - iii. ‘Женщины должны защищать друг друга при проявлении мужской агрессии’.

Предложение в примере (25) способно иметь три трактовки. При всех интерпретациях в исходной структуре имеется глагол *защитавам* со значением ‘заступаться за кого-л. или что-л., отстаивать чьи-л. права’ [БТР 2008]. Данный переходный глагол требует двух поясняющих его элементов: *защитавам* (*някой, някого/нещо*). При кореферентности субъекта и объекта объектную позицию занимает рефлексивное дополнение *се* (= *себе си*), как при первой трактовке (25i). При второй интерпретации (25ii) поверхностная структура является результатом пассивной трансформации. Здесь клитика представляет собой частицу с формообразующей функцией. Поскольку глагол допускает рефлексивное дополнение, возможно и взаимно-возвратное толкование (25iii). Роль клитики — формообразующая.

Смысловая неоднозначность здесь возникает, если существительное в позиции подлежащего характеризуется признаком [+лицо] как условием и для аргументного, и для пассивного толкования. Ср. иное, например, *Правата на жените трябва да се защитават* ‘Права женщин должны быть защищены’, где возможно только пассивное толкование.

Трактовка с реципрокальным значением (25iii) ограничена случаями, когда субъект множественный, в отличие, например, от предложения *Жената трябва да се защитава при прояви на мъжка агресия* ‘Женщина должна защищать себя/должна быть защищена при проявлении мужской агрессии’.

1.3.2. Неоднозначность при местоименном и декаузативном употреблении *се*

- (26) *Мъжът се е взривил на входа на автобуса.*

Предложение (26) двусмысленно: ‘Мужчина взорвал себя при входе в автобус’ и ‘Мужчина взорвался при входе в автобус’, — т. е. неясно, был ли взрыв преднамеренным или нет. Первая интерпретация предполагает, что в исходной структуре содержится глагол *взривявам* ‘взрывать’ — каузативный, переходный, открывающий две аргументные позиции, т. е. *взривявам* (*някой, нещо/някого*). Референциальная идентичность субъекта и объекта обозначается рефлексивным дополнением *се*. Клитика *се* здесь — возвратное личное местоимение. При втором толковании действие непреднамеренное, что исключает производителя действия в позиции подлежащего и обозначается глаголом *взривявам се* ‘взрываться’ (ср. *избухвам* [БТР 2008]), который открывает место лишь для одного участника, т. е. *взривявам се* (*нещо/някой*). Глагол непереходный, невозвратный по семантике, а клитика является частицей со словообразовательной функцией.

Условием для неоднозначного прочтения является существование двух исходных структур: с каузативным переходным глаголом в первой и с производным от него непереходным (медиальным) *се*-глаголом — в другой. Фактором для двусмысленного толкования является признак [+лицо] у элемента в позиции подлежащего. Ср. иное, например, в *Бомбата се е*

взривила ‘Бомба взорвалась’; *Котката се е отровила* ‘Кошка отравилась’, где содержатся только медиальные *се*-глаголы и понимание однозначно.

1.3.3. Неоднозначность при местоименном и рефлексивно-каузативном употреблении *се*

(27) *Разбра, че е болна, и сега се лекува.*

При первой трактовке ‘Она поняла, что больна, и сейчас лечится (сама)’ предполагается наличие в исходной структуре глагола *лекувам* (‘лечить’) ‘делать так, чтобы кто-л. выздоровел’ [БТР 2008]. Глагол каузативный, переходный, двухместный: *лекувам (някой, някого)*. Референциальная идентичность между субъектом и объектом эксплицируется употреблением рефлексивного дополнения *се*. Второе возможное понимание — рефлексивно-каузативное: ‘Она поняла, что больна, и сейчас лечится (у кого-то/в этой больнице)’. Здесь в исходной структуре предполагается медиальный глагол *лекувам се* в значении ‘подвергаться лечению, дать себя лечить’, т. е. *лекувам се (някой, при някого)*. В этом случае клитика имеет словообразовательную функцию.

Такая неоднозначность появляется при переходных каузативных глаголах, имеющих медиальное соответствие. При этом референт прямого дополнения в конструкции с исходным каузативным глаголом должен быть живым существом, способным направить действие на себя, что обусловит рефлексивную интерпретацию. Третья интерпретация — пассивная (‘Она лечится кем-л.’) — теоретически тоже возможна, но в данном контексте (при глаголах «получения услуги») она обычно вытесняется рефлексивно-каузативной трактовкой.

1.3.4. Неоднозначность при пассивном и декаузативном употреблении *се*

(28) *Пациентката не трябва да се безпокои.*

У предложения (28) возможны две трактовки: ‘Пациентку нельзя беспокоить’ или ‘Пациентка не должна испытывать чувство беспокойства’. При первой интерпретации перед нами пассивная трансформация исходной структуры с каузативным глаголом *безпокоя* ‘причинять кому-л. беспокойство, волнение, тревогу’ [БТР 2008]. Глагол двухместный переходный — *безпокоя (някой, някого)*. Роль внешнего аргумента — агенс, а внутреннего — пациенс: *Никой не трябва да безпокои пациентката* ‘Никто не должен беспокоить пациентку’ → *Пациентката не трябва да се безпокои от никого*, букв. ‘Пациентка не должна беспокоиться никем’. В данном случае это возвратный пассив, а клитика является частью пассивной формы глагола *безпокоя*. При второй интерпретации в исходной структуре имеется производный медиальный глагол *безпокоя се* со значением ‘испытывать беспокойство, волнение, тревогу’ [БТР 2008]. Глагол непереходный, одноместный, а роль аргумента в позиции подлежащего — экспериенцер, т. е. *безпокоя се (някой)*. Здесь клитика выступает в словообразовательной функции (декаузатив).

Омонимия между пассивными и медиальными образованиями возникает, когда у медиального глагола есть и соответствующий нерефлексивный каузатив, допускающий пассивную трансформацию, ср. иное в *Пациентката не трябва да се страхува* ‘Пациентка не должна бояться’ при отсутствии исходного каузативного глагола *страхувам.

1.3.5. Неоднозначность при пассивных и желательных конструкциях

(29) *Нищо не ми се разказва.*

Для примера (29) возможны два толкования — ‘Мне ничего не рассказывают’, букв. ‘Мне ничего не рассказывается (никем)’, и ‘У меня нет желания рассказывать’. При первой интерпретации в исходной структуре имеется глагол *разказвам* со значением ‘излагать, описывать словами что-л. увиденное, услышанное, пережитое или выдуманное’ [БТР 2008]. Глагол открывает места для трех поясняющих элементов — адресант, адресат и содержание самого события, т. е. *разказвам (някой, нещо, на някого)*. Поверхностная структура является результатом пассивной трансформации активного залога: *Никой нищо не ми разказва* ‘Никто ничего мне не рассказывает’ → *Нищо не ми се разказва от никого* ‘Ничто мне не рассказывается никем’. Перед нами, таким образом, пассивная форма глагола *разказвам*, а клитика имеет формообразующую функцию. Роль участника, эксплицированного дательным дополнением, — адресат. При второй интерпретации в исходной структуре также содержится глагол *разказвам*. При преобразовании в желательную конструкцию агенс трансформируется в экспериенцера, выраженного дативом, глагол получает форму 3 л. (см. и иной вариант пути преобразований в работе [Петрова 2006: 135—141]), а клитика *се* является обязательным элементом данной формы.

Условием для многозначности здесь является сказуемое, выраженное дитранзитивным глаголом, открывающим позицию для дательного дополнения с ролями адресата или бенефицианта.

Сходные условия выявляются при анализе двузначности **субъектно-имперсональных и желательных конструкций**, как в примере (30):

- (30) *Постоянно му се говори за Мария.*
 букв. ‘Ему постоянно говорится о Марии’;
 i. ‘Ему постоянно говорят о Марии’;
 ii. ‘Ему постоянно хочется говорить о Марии’.

1.3.6. Неоднозначность при модальном и немодальном употреблении пассивных и субъектно-имперсональных конструкций

- (31) а. *Тук не се спи.*
 б. *Тук не се пие алкохол.*

Каждое из представленных предложений допускает немодальную и модальную трактовку. В предложении (31а), букв. ‘Здесь не спится’, представлена конструкция субъектного имперсонала. Это предложение может означать ‘Здесь [в данный момент] не спят’ (например, *Виждам, че тук не се спи* — строгая реплика родителя, входящего в детскую спальню, где еще не заснули и шумят дети) или предполагать хабитуальную трактовку, как в следующем контексте: *В нощта срецу Коледа тук не се спи и се чакат коледарите* ‘В ночь на Рождество здесь не спят и ждут колядующих’.

Помимо того, (31а) может иметь две модальные трактовки — запрет ‘Здесь (например, в здании вокзала) не положено спать’ или отсутствие внешне обусловленной возможности ‘Здесь невозможно спать’, ср. контекст: *Тук, в този хотел до гарата, не се спи, много е шумно* ‘Здесь, в этой привокзальной гостинице, невозможно спать, очень шумно’.

В предложении (31б) представлена пассивная конструкция. Она может быть истолкована как ‘Здесь не пьют алкоголь’ (никто не употребляет вообще или компания не пьет в данный момент) или с модальным значением ‘Здесь не разрешено пить алкоголь’.

Как мы видим, многие употребления болгарской клитики *се* могут создавать высказывания с неоднозначной трактовкой. Во всех представленных выше предложениях намеренно предлагался узкий контекст, демонстрирующий наличие синтаксически одинаковых поверхностных структур, затрудняющих однозначное понимание. В более широком контексте и при выявлении синтаксической сочетаемости предиката, детерминированной его лексическими свойствами, двусмысленность обычно снимается. Неоднозначность разобранных

выше примеров тесно связана и с лично-числовой формой глагола: именно в 3 л. появляется возможность двойного прочтения, поскольку формообразующее *се* функционирует только или преимущественно с глагольными формами в 3 л. (см. о причинах ограниченности пассивной интерпретации в 1 и 2 л. в [Храковский 1991: 158; Пупынин 1991: 233—234]). Некоторые формы с *се* ограничены и по числу: реципрокальные *се*-конструкции требуют глагольной формы мн. ч., а субъектный имперсонал — ед. ч.

1.4. Синтаксис клитики *се*: правила кластеризации

Клитика *се*, независимо от своего морфологического статуса и функции, всегда занимает в общей цепочке клитик ту же позицию, что и энклитики вин. п., например:

(32) а. *Защо ми* (ДАТ) *се* (PCL-deriv.) *е* (3SG) *разсърдил*?
‘Почему он на меня рассердился?’

б. *Те си* (PCL-mod.) *се* (PCL-recipr.) *мразят*.
‘Они [по-прежнему] друг друга ненавидят’.

в. *Отдавна не съм* (1SG) *се* (ACC) *виждала такава*.
‘Я давно себя такой не видела’.

Омонимичные клитики *се* находятся в отношении дополнительной дистрибуции и совместно не встречаются. Доказательством этого являются желательные конструкции, где при употреблении как возвратного, так и невозвратного глагола эксплицируется лишь одно *се*: *Не ми се състезава с него* (при глаголе reflexiva tantum *състезавам се*) ‘Мне не хочется соревноваться с ним’. Ср. *Не ми се говори за това* (при глаголе *говоря*) ‘Мне не хочется говорить об этом’.

Таким образом, высокая степень грамматической омонимии, а также полисемия внутри формообразующих и словообразовательных употреблений поддерживается одинаковым синтаксическим поведением *се* как клитики при любой из ее функций.

2. Клитика *си*: морфологическая омонимия и полифункциональность

Проблема снятия многозначности и омонимии клитики *си* в болгарском предложении требует иных методов решения, чем для клитики *се*. В то время как выявление реципрокального и аргументного *си* возможно осуществить так же, как и для *се*, такой анализ недостаточен для выявления омонимии *си* в других ее употреблениях: как притяжательного местоимения (POSS) и как частицы с различными функциями: словообразовательной (PCL-deriv.), формообразующей (PCL-form.), модальной (PCL-mod.), интенсифицирующей (PCL-intens.). В этих случаях требуется обращение к синтаксическому поведению элемента: для различных омонимов дативной формы наблюдаются разные возможности и ограничения при их вхождении в цепочку других клитик. Более того, в болгарском языке возможно совместное использование в цепочке омонимичных *си*, но не более трех — с учетом и глагольного омонима (2SG)⁸:

(33) *Ти не си* (2SG) *ли*⁹ *си* (PCL-mod.) *си* (ДАТ) *купувала такива неща*?
‘Ты разве не покупала себе такие вещи?’

⁸ Глагольный омоним дативного *си* — глагол *съм* во 2 л. ед. ч. наст. вр., в том числе в составе формы перфекта и других перфектообразных форм. Глагольно-местоименная омонимия никогда не вызывает многозначности и в нашей статье специально не рассматривается.

⁹ В цепочке *си ли си си* хорошо иллюстрируется роль вопросительной частицы *ли* как селективного грамматического барьера для болгарских клитик [Циммерлинг 2012: 14, 26; Kosta, Zimmerling 2013].

Снятие омонимии и неоднозначности при различных употреблении элемента *си*, включая и совместное использование омонимичных клитик, мы будем осуществлять с помощью представления функционального и сочетаемостного потенциала этой клитики, а также ее специфического синтаксического поведения.

2.1. Функции клитики *си*

2.1.1. *Си* как аргументное местоимение

Клитика *си* в роли аргументного местоимения (ДАТ)¹⁰ выражает кореферентность между субъектом и непрямым (дательным) объектом. В предложении она выступает как краткая форма, соотносимая с полным возвратным местоимением дательного падежа *на* (реже *за себе си* [Ницолова 2008: 157]. Ср. пример (34а) с кратким *си* и акцентированным *себе си* и пример (34б) с удвоенной формой при топиализации дополнения:

- (34) а. *Поръчай си* (ДАТ) *едно кафе*. — *Поръчах за себе си* (ДАТ) *кафе, а за детето — сок*.
‘Закажи себе кофе. — Я заказал себе кофе, а ребенку — сок’.
- б. *Ти на себе си* (ДАТ) *си* (2SG) *си* (ДАТ) *отговорила защо искаш да се омъжиш за него*.
букв. ‘Ты самой себе уже дала ответ, почему хочешь выйти за него замуж’.

Семантическая роль аргумента в позиции косвенного объекта — адресат или бенефициант:

- (35) а. *Казвам си това всеки ден*.
‘Я говорю себе это каждый день’.
- б. *Той си пожелал успех*.
‘Он пожелал себе успеха’.
- в. *Той си купи нов костюм*.
‘Он купил себе новый костюм’.
- г. *Ти сам не си вярвай, а искаш аз да ти повярвам*.
‘Ты сам себе не веришь, а хочешь, чтобы я тебе поверил’.

2.1.2. *Си* как показатель реципрока

При реципроке *си* используется как в составе лексического реципрока, где является словообразовательной частицей (38), так и в составе реципрокальной конструкции (косвеннообъектного типа), где является формообразующей частицей, см. примеры (36—37). Реципрокальную форму получают такие глаголы, которые присоединяют аргументы с ролью адресата или бенефицианта, имеющие признак [+одушевленность]. Семантический компонент взаимовозвратности в значение этих глаголов не входит, но присоединение клитики *си* ведет к выражению взаимного значения (симметричных отношений между участниками).

- (36) а. *Приятелите не си завидват*.
‘Друзья друг другу не завидуют’.
- б. *Съпрузите трябва да си вярват*.
‘Супруги должны друг другу верить’.

¹⁰ В отличие от *се*, возможность аргументного употребления клитики *си* в болгарской лингвистике признается единодушно; см. и содержательный обзор функций *си* в [Норман 1971].

При этой трансформации, как и при прямообъектных вариантах реципрока, невозможно использование глагола в ед. ч., или, иными словами, субъект всегда должен быть множественным, чтобы стала возможна перекрестная референция. Ср. (37) с примером (38), включающим реципрокальный глагол *съпернича си*, где допустимо ед. ч.:

(37) *Петър и Стоян си помагат* (ЗРЛ).

‘Петр и Стоян помогают друг другу’ при *Петър си помага (3SG) *със Стоян*.

(38) *Петър и Стоян си* (PCL-deriv.) *съперничат*.

‘Петр и Стоян соперничают друг с другом’. — *Петър си съперничи* (3SG) *със Стоян* и *Стоян си съперничи* (3SG) *с Петър*.

Если глагол способен присоединять объектное рефлексивное дополнение¹¹, то во мн. ч. может наблюдаться синтаксическая двузначность — реципрок или косвенно-объектное употребление, см. и разбор подобных примеров в работах отечественных типологов [Недялков 2004: 367—372; Князев 2007: 261]:

(39) а. *Да си пожелаем успех*.

‘Давайте пожелаем себе успеха’/‘Давайте пожелаем друг другу успеха’.

б. *Родителите на изчезналите деца бяха отчаяни, но си даваха кураж*.

‘Родители пропавших детей были в отчаянии, но подбадривали себя/подбадривали друг друга’ (букв. ‘придавали смелости себе/друг другу’).

Такие двузначные употребления в речи нельзя назвать частотными. Для нейтрализации двусмысленности обычно используются лексические средства, например добавление реципрокального выражения *един на друг* ‘друг другу’ или *взаимно*, а для рефлексивного понимания вводится предложно-местоименная группа *на себе си*, ср. раскрытие обоих значений в следующем контексте:

(39а) *Да си пожелаем успех — всеки на себе си и един на друг*.

‘Давайте пожелаем успеха — каждый себе и друг другу’.

2.1.3. *Си* как притяжательное местоимение

Как было сказано выше, возвратная клитика *си* способна выступать как притяжательное местоимение (POSS). Как и все краткие притяжательные местоимения болгарского языка, она перемещается в рамках именного выражения по правилам клитик второй позиции (2Р клитик):

(40) *Разлях кафе върху [полата си]* ‘Я пролила кофе себе на юбку/на свою юбку’ → *Разлях кафе върху [новата си пола]* → *Разлях кафе върху [новата си бяла пола]* ‘Я пролила кофе на свою новую белую юбку’.

Характерной для болгарского языка является возможность перемещения посессивных клитик из области их порождения (DP) в предикатную группу (параметр, известный как подъем посессора, Possessor Raising [Schürcks, Wunderlich 2003; Cinque, Krapova 2009; Kosta, Zimmerling 2013; Zimmerling 2013]), см. и ниже 2.2.2. Вследствие этой операции клитика становится кластеризуемой:

(41) *Тя не си ли харесва [новата t' [рокля t]]*.

‘Ей разве не нравится ее новое платье?’

¹¹ Ср., например, иное в *Те си завиждат* ‘Они друг другу завидуют’, где трактовка только реципрокальная, так как семантика глагола исключает рефлексивное понимание.

2.1.4. *Si* как частица

В качестве частицы клитика *si* утрачивает свой статус автосемантической единицы, в результате чего не может занимать синтаксическую позицию в структуре предложения и быть его членом. Основная проблема снятия полисемии и омонимии здесь заключается в том, что а) даже некоторые присловные частицы могут включаться в общую цепочку клитик, создавая омонимию с аргументными и посессивными клитиками; б) частица *si* может быть использована в цепочке дважды в разных своих значениях. Однако, прежде чем обратиться к сложным случаям, перечислим основные реализации *si* как частицы.

2.1.4.1. *Si* как словообразовательная частица (PCL-deriv.). В этом употреблении *si* является частью глагольной лексемы, например *лягам си* ‘ложиться спать; укладываться спать’ (ср. *лягам* ‘ложиться’), *отивам си* ‘уходить’ (ср. *отивам* ‘идти’) и т. д. Соотносимые невозвратные глаголы могут и отсутствовать: *въобразявам — *въобразявам си* (‘воображать’), *отяждам — *отяждам си* (‘наедаться’), *отспивам — *отспивам си* (‘высыпаться’). PCL-deriv. обладает слабой отделимостью (в понимании [Плунгян 2000: 33]), в результате чего может попадать в цепочку синтаксических клитик:

- (42) *Легнала си* (PCL-mod.) *си* (PCL-deriv.) *е, утре ще ѝ кажа новината.*
‘Она уже, как обычно, легла спать, я эту новость утром ей скажу’.

2.1.4.2. *Si* как интенсифицирующая частица (PCL-intens.). *Si* может, во-первых, выступать как интенсификатор неопределенности — при неопределенных местоимениях (*някой си*, *някакъв си*) и наречиях (*някъде си*, *някак си*, *еди-кога си* и т. п.) [Андрейчин 1978: 299; Ницолова 1986: 172; Петрова 2008: 130—131]; в ряде грамматик эта функция признается словообразовательной [Грамматика 1983: 480; Куцаров 2007: 99]. К. Мирчев [1978: 191] склоняется к мысли об отглагольном происхождении этого *si*. Однако частая пейоративная окраска местоимений с таким *si*, их способность давать «прагматическую оценку референту» [Ницолова 2008: 203—204] свидетельствуют, на наш взгляд, о сохранении генетической связи этой клитики с ее исходной местоименной функцией. См. примеры (43а—б) ниже, где говорящий высказывает свое пренебрежительное отношение к референту, в том числе и известному.

Такое *si* функционирует как присловный элемент и не способно отрываться от опорного слова. Хотя соположение с омонимичными ему клитиками на уровне предложения возможно, этот контакт является формальным, так как присловное *si* не способно к кластеризации. Так, интенсификатор неопределенности *si* в примере (43а) расположен контактно с дативным местоимением, в (43б) — со словообразовательной частицей в составе лексемы *въобразявам си* (*въобразявам) и в (43в) — со вспомогательным глаголом:

- (43) а. [*Някой си*] *си* (DAT) *е купил кола и ти му завиждаш.*
‘Кто-то там купил себе машину, и ты ему завиждаешь’.
- б. [*Някой си*] *си* (PCL-deriv.) *въобразява, че е велик.*
‘Кое-кто вообразяет, что он великий’.
- в. [*Някак си*] *е* (3SG) *успял да се измъкне незабелязано.*
‘Как-то/Каким-то образом ему удалось незаметно выбраться’.

Во-вторых, при полных притяжательных местоимениях, а также при ряде прилагательных со значением собственности *si* выступает как интенсификатор посессивности: *моя си* (‘мой собственный’), *твоя си*, *неговия си*, *своя си*; *собствения си*, *родния си*, *личния си*. В таких случаях *si* является присловной частицей и остается в постпозиции к определению. Однако есть употребления, в которых можно усмотреть пропуск опорного посессивного определения и включение *si* в общую цепочку клитик. Так, предложение *Дай си* (PCL) *му* (DAT) *играчка* содержит частицу *si*, которая представляет собой, по мысли Й. Пенчева [1984: 82—83; 1998: 187—188], «след» устранения полной формы

притяжательного местоимения из рефлексивизированной притяжательной формы типа *неговата си*. Такое *си*, как видно из примера, способно кластеризоваться с местоименным дативом, располагаясь, как положено частицам по правилу рангов, перед ним:

(44) *Дай му* (ДАТ) [*неговата си* (PCL-intens.)] *играчка* ‘Дай ему [его **собственную**] игрушку’ → *Дай му неговата си играчка* → *Дай си* (PCL-intens.) *му* (ДАТ) *играчката*.

2.1.4.3. Модальная частица *си* (PCL-mod.). Частица *си*, особенно в разговорном языке, имеет и специфическое прилагательное употребление: она практически свободно может быть добавлена к разным типам предикатов, модифицируя значение всей фразы. В самом общем виде такое употребление определим как **модальное** (или **модифицирующее**). Наши наблюдения показывают, что привносимые нюансы не только разнообразны, но и склонны к наслоению и потому трудны для разграничения. Возможны случаи, при которых наличие модального *си* при одном и том же предикате подлежит разной интерпретации в зависимости от широкого контекста, см. ниже (52в), (53б) и др.

Вопрос о семантическом потенциале *си* как частицы с модальной функцией для болгарской лингвистики не является новым, но назвать его решенным нельзя. В болгаристике выделялись разнообразные оттенки значений, привносимых этой частицей: действие осуществляется несмотря на какие бы то ни было обстоятельства [Норман 1971: 185], «без учета интересов окружающих» [Станков 1982: 500], «по прихоти субъекта» [Ницолова 1986: 68]; *си* может подчеркивать обычность, неизменность, продолжительность действия при глаголах действия и состояния [Тагамлицка 1971: 185—186], выразить оттенок интимности, приятности, удовольствия [Чолакова 1986: 10]. В данной работе мы опираемся на исследование Г. Петровой [2008: 118—140; 2012], где наиболее полно представлен семантический потенциал частицы *си* в модальной функции. В качестве основных семантических характеристик были выявлены следующие (далее в переводах эти смысловые добавления, вносимые модифицирующим *си*, подчеркнуты и/или перифразируются в скобках):

— продолжительность/неизменность какого-л. действия или состояния:

(45) а. *Вали си*.

‘**Продолжает** идти [дождь, снег]’, ср. без частицы: *Вали* ‘Идет [дождь, снег]’.

б. *Още ли ти е студено?* — *Студено си ми е*.

‘Тебе все еще холодно? — Холодно’ (‘**продолжает** быть холодно’).

— обычность, регулярность:

(46) а. *Какво прави баба ти?* — *Седи си пред телевизора и гледа сериали*.

‘Что делает бабушка? — **Как всегда/как обычно**, сидит у телевизора и смотрит сериалы’.

б. *По това време тя си е вкъщи*.

‘В это время она **обычно** дома’.

— «присущность»:

(47) а. *Тя си е мълчалива*.

‘Она молчаливая’ (такова она по характеру), ср. без *си*: *Тя е мълчалива* ‘Она молчалива’ (в данный момент или таков ее характер).

б. *Тези ябълки накиселяват*. — *Те са си такива*.

‘Эти яблоки слегка кислят. — Они такие **и есть**’ (такой сорт).

в. *Виж как се е облякла!* — *Тя така си се облича*.

‘Смотри, как она оделась! — Она **всегда** так одевается’ (это присущий ей стиль).

— удовольствие/личная заинтересованность:

- (48) а. *Какво правите в момента? — Седим си на терасата, пием си кафето и гледаме морето.*
 ‘Что вы делаете сейчас? — Сидим себе на террасе, пьем кофе и смотрим на море [делаем это с удовольствием].’
- б. *Лежиш си на дивана, гледаш си мача и нищо друго не те интересува.*
 ‘Лежишь себе на диване, смотришь матч [доставляешь себе удовольствие], и ничто другое тебя не интересует.’

— опровержение утверждения или чьего-либо ожидания:

- (49) а. *Казаха ми, че Иванови отишли да живеят в столицата. — Не, тук са си.*
 ‘Мне сказали, что Ивановы переехали в столицу. — Нет, ничего подобного, они здесь’ (т. е. они вообще никуда не переезжали, речи об этом не было).
- б. *Чух, че тя била болна. — Не, добре си е.*
 ‘Я слышал, что она болела. — Да нет, с ней все в порядке’ (т. е. она вообще не была больна, все с ней в порядке — и раньше, и сейчас).

— субъективная обусловленность:

- (50) а. *Директора ли чакате? → А не, ние си чакаме.*
 ‘Вы директора ждете? — Да нет, так, ждем’ (‘ждем, но не директора’, причина ожидания субъективная, а не обычная для данной ситуации).
- б. *Той си е виновен за случилото се.*
 ‘Это он виноват в случившемся’ (подчеркивается, что случившееся не является случайным инцидентом, а субъективно обусловлено, например проистекает из характера, из поведения X-а).

— элиминация субъективности (в высказываниях с оценочным или обобщающим значением):

- (51) а. *Това си е кражба на държавно имущество.*
 ‘Это (есть) не что иное, как кража государственного имущества’ (оценка подается не как субъективное мнение, а как что-то очевидное, бесспорное).
- б. *Трудно ми е да карам кола. — В началото си е трудно.*
 ‘Мне трудно водить машину. — Вначале всем/всегда трудно.’

Представленное функциональное и семантическое многообразие клитики *си*, а также, как мы покажем ниже, способность модального *си* легко комбинироваться с другими местоименными клитиками создают условия для морфологической непрозрачности кластеризуемых элементов. Далее выявим особенности синтаксического поведения указанных выше клитик (от)местоименного типа, связанные с их расстановкой, возможностями и ограничениями на их совместное употребление в цепочке. Это даст возможность снять омонимию или, по крайней мере, сузить ее область.

2.2. Синтаксис клитики *си*: правила кластеризации

Возможности и условия для соположения и дистрибуции (от)местоименных клитик следующие.

2.2.1. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с дательным местоимением (DAT)

При предикатах, открывающих позицию для местоимения дательного падежа (личного или возвратного), возможно употребление модальной частицы *си*, которая предшествует краткому дательному местоимению, т. е. последовательность такова: **PCL-mod.** > **DAT**. Такие предикаты могут быть непереходными (52а—б) или переходными (52в—г).

- (52) а. *Помагам му* (DAT) *по математика* ‘Я помогаю ему по математике’ → *Помагам си* (PCL-mod.) *му* (DAT) *по математика* ‘Я помогаю ему по математике’ (как всегда, как обычно)/‘Я по-прежнему помогаю ему по математике’ (продолжаю ему помогать)¹².
- б. *Този климат му* (DAT) *влие зле* ‘Этот климат влияет на него плохо’ → *Този климат си* (PCL-mod.) *му* (DAT) *влие зле* ‘Этот климат влияет на него плохо’ (и это очевидно, бесспорно).
- в. *Направих си* (DAT) *кафе* ‘Я сделал себе кофе’ → *Направих си* (PCL-mod.) *си* (DAT) *кафе* ‘Я сделал себе кофе’ (как обычно)/‘Я сделал себе кофе’ (для своего удовольствия, по своей прихоти).
- г. *Търся си* (DAT) *хубава чанта* ‘Я ищу себе красивую сумку’ → *Търся си* (PCL-mod.) *си* (DAT) *хубава чанта*. ‘Я ищу себе красивую сумку’ (давно/продолжаю искать).

2.2.2. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с притяжательным местоимением (POSS)

Эта комбинация становится возможной как следствие перемещения притяжательной клитики в предикатную группу. Данное явление наблюдается как при переходных (двухместных) глаголах (53а—б), так и при дитранзитивных, открывающих позиции для дативных и аккузативных дополнений (53в—г). Это движение возможно, только если место датива свободно, ср. иное в (54б) ниже. Необходимо, однако, и еще одно условие: существительное в прямообъектной позиции должно быть маркировано признаком [+def], т. к. в болгарском языке притяжательная интерпретация местоимения исключается при неопределенной именной группе (как в примерах 52в—г). Модальная частица *си* предшествует притяжательной клитике, т. е. последовательность такова: **PCL-mod.** > **POSS**.

- (53) а. *Пие си* (POSS) [*кафето t*] *с мед* ‘Она пьет кофе с медом’ → *Пие си* (PCL-mod.) *си* (POSS) [*кафето t*] *с мед* ‘Она пьет кофе с медом’ (и это обычная практика, связанная с личными предпочтениями).
- б. *Разглеждам ти* (POSS) [*снимките t*] ‘Я разглядываю твои фотографии’ → *Разглеждам си* (PCL-mod.) *ти* (POSS) [*снимките t*] ‘Я разглядываю твои фотографии’ (продолжаю разглядывать/делаю это с удовольствием, с интересом).
- в. *Нося си* (POSS) [*лекарствата t*] *за сърце* ‘Я ношу с собой/свои сердечные лекарства’ → *Нося си* (PCL-mod.) *си* (POSS) [*лекарствата t*] *за сърце* ‘Я ношу с собой/свои сердечные лекарства’ (так я всегда делаю).
- г. *Тя е болна, на легло е, затова аз ѝ* (POSS) *нося* [*изследванията t*] *в поликлиниката* ‘Она больна, не встает с кровати, поэтому я ношу ее анализы в поликлинику’ → *Тя е болна, на легло е, затова аз си* (PCL-mod.) *ѝ* (POSS) *нося* [*изследванията t*] *в поликлиниката* ‘...продолжаю носить/давно ношу’.

¹² Как мы видим, здесь (и далее) возможны разные интерпретации модальной частицы *си*, которые не снимаются в данных (достаточно узких) контекстах. Каждая интерпретация отражена в предлагаемых вариантах перевода.

В примерах (53а—б) глагол — переходный, и движение клитики вне определенной именной группы происходит беспрепятственно, поскольку место датива в цепочке свободно. Глаголы из примеров (53в—г) дитранзитивные, они открывают место и для дательного дополнения (*нося нешто на някого*), которое, однако, остается невыраженным, и перемещенная посессивная клитика располагается на этом месте.

При дитранзитивных глаголах (в зависимости от выраженности или отсутствия дательного дополнения) часты случаи двоякого толкования — посессивного или аргументного. Так, предложение (54) *Чета му стиховете* может означать (54') 'Я читаю ему стихи' или (54'') 'Я читаю его стихи'. В каждом из этих случаев возможна кластеризация с модальным *си*, которая эту омонимию не снимает:

(54') *Чета му* (ДАТ) *стиховете* → *Чета си* (PCL-mod.) *му* (ДАТ) *стиховете*.
'Я читаю ему стихи' (как всегда, как обычно).

(54'') *Чета му* (POSS) *стиховете* → *Чета си* (PCL-mod.) *му* (POSS) *стиховете*.
'Я читаю его стихи' (как обычно/делаю это с удовольствием).'

Неоднозначность устраняется эксплицированием обеих клитик в позиции их базового порождения, например:

(54) а. *Чета му* (ДАТ) *стиховете си* (POSS).
'Я читаю ему свои стихи'.

Механизм подъема посессора блокируется, если место датива уже занято местоименной клитикой. Это, таким образом, является причиной невозможности соположения аргументной и притяжательной клитик, ср. (54а) с (54б):

(54) б. *Чета му (ДАТ) *си* (POSS) *стиховете*.

2.2.3. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) со словообразовательной частицей *си* (PCL-deriv.)

Словообразовательная частица *си*, являясь кластеризуемой клитикой, занимает место отсутствующей дательной клитики (ячейка 4 в таблице). В случае добавления во фразу модального *си* последнее, будучи модальной частицей, располагается по правилу рангов в ячейке 3, т. е. последовательность такова: PCL-mod. > PCL-deriv.:

(55) *Тя си* (PCL-deriv.) *е въобразила, че я подслушват* 'Она вообразила, что ее подслушивают' → *Тя си* (PCL-mod.) *си* (PCL-deriv.) *е въобразила, че я подслушват* 'Она вообразила, что ее подслушивают' (и это ее состояние продолжается уже какое-то время).

2.2.4. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с кратким местоимением винительного падежа (ACC)

Контактная позиция модального *си* и аргументной клитики винительного падежа (личной или возвратной) возможна при переходных глаголах. В цепочке клитик последовательность такова: PCL-mod. > ACC.

(56) а. *Тя ме* (ACC) *мрази* 'Она меня ненавидит' → *Тя си* (PCL-mod.) *ме* (ACC) *мрази* 'Она меня ненавидит' (давно/продолжает ненавидеть/по своим личным мотивам).

б. *Той се* (ACC) *подценява* 'Он себя недооценивает' → *Той си* (PCL-mod.) *се* (ACC) *подценява* 'Он себя недооценивает' (это присущая ему черта характера).

2.2.5. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) со словообразовательной частицей *се* (PCL-deriv.)

Словообразовательная частица *се* занимает позицию после модального *си*, таким образом, последовательность такова: **PCL-mod.** > **PCL-deriv.**, например:

- (57) а. *Тя се* (PCL-deriv.) *безпокои за децата* ‘Она беспокоится за детей’ → *Тя си* (PCL-mod.) *се* (PCL-deriv.) *безпокои за децата, когато излизат вечер с приятели* ‘Она [как и всегда] беспокоится за детей, когда они уходят гулять вечером с друзьями’.
- б. *Тя се* (PCL-deriv.) *страхува от тъмнината* ‘Она боится темноты’ → *Тя си* (PCL-mod.) *се* (PCL-deriv.) *страхува от тъмнината* ‘Она боится темноты (это ей присуще/все еще продолжает испытывать страх)’.

2.2.6. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с формобразующими частицами (PCL-form.)

Кластеризация этих двух разновидностей частиц встречается в форме субъектного имперсонала (58а), а также допустима при формах реципрока с частицей *се* (326) и *си* (586). Последовательность — **PCL-mod.** > **PCL-form.**, например:

- (58) а. *Тук се* (PCL-form.) *спи приятно* ‘Здесь приятно спать’ → *Тук си* (PCL-mod.) *се* (PCL-form.) *спи приятно* ‘Здесь приятно спать’ (несомненно, бесспорно).
- б. *Те си* (PCL-form.) *помагат един на друг* ‘Они помогают друг другу’ → *Те са приятели и си* (PCL-mod.) *си* (PCL-form.) *помагат* ‘Они друзья и друг другу помогают’ (продолжают помогать/как всегда).

2.2.7. Кластеризация модальной частицы *си* (PCL-mod.) с эмотивно-прагматической частицей *ми* (PCL-dat.eth.)

Возможна, хотя и редко, кластеризация модальной частицы с прагматической частицей *dativus ethicus ми*, с помощью которой говорящий выражает свое одобрение, восхищение, симпатию участнику ситуации. Последовательность — **PCL-mod.** > **PCL-dat.eth.**, например:

- (59) *Майстор ми* (PCL-dat.eth.) *е мой!* ‘Он у меня большой мастер!’ → *Майстор си* (PCL-mod.) *ми* (PCL-dat.eth.) *е мой!* ‘Он у меня большой мастер!’ (и это бесспорно, очевидно).

В других случаях употребления PCL-dat.eth. [Иванова, Петрова 2014] соположение с модальной частицей *си* не наблюдается.

2.2.8. Кластеризация двух модальных частиц *си* (PCL-mod.)

В разговорной речи и особенно в интернет-общении иногда встречается соположение двух модальных частиц, ведущее к наслоению двух модальных оттенков (**PCL-mod.₁** > **PCL-mod.₂**). Это возможно лишь тогда, когда место клитики дательного падежа свободно:

- (60) а. *Ходя на фитнес* ‘Я занимаюсь фитнесом’ → *Ходя си* (PCL-mod.₁) *на фитнес* ‘Я занимаюсь фитнесом’ (продолжаю ходить на фитнес₁) → *Ходя си* (PCL-mod.₁) *си* (PCL-mod.₂) *на фитнес* ‘Я занимаюсь фитнесом’ (продолжаю ходить₁ + делаю это с удовольствием₂).
- б. *Тя е нагла* ‘Она наглая’ → *Тя си* (PCL-mod.₁) *е нагла* ‘Она наглая’ (это присущая ей черта характера₁) → *Тя си* (PCL-mod.₁) *си* (PCL-mod.₂) *е нагла* ‘Она наглая’ (это присущая ей черта характера₁ + несомненно, она такова₂), ср. русск. *Вот уж действительно наглая так наглая*.

Возможно, в таблице двойное модальное *си* допустимо было бы отражать в виде записи PCL-mod.₁ и PCL-mod.₂ в разных ячейках (3 и 4), однако такое дублирование обычно не фиксируется в табличных записях. Заметим также, что не всегда можно однозначно указать, которое из значений *си* следует первым или вторым, а в некоторых случаях дополнительное модальное *си* лишь подчеркивает семантику имеющегося PCL-mod.:

- (61) *Стои на ъгъла* ‘Стоит на углу’ → *Стои си* (PCL-mod.) *на ъгъла* ‘Стоит **все еще** на углу’ / ‘**Продолжает** стоять’ → *Стои си* (PCL-mod.) *си* (PCL-mod.) *на ъгъла* ‘Продолжает стоять на углу (ситуация длится **очень долго**)’.

Как мы видим, клитика *си* способна к кластеризации, выступая в качестве: возвратно-личного местоимения; притяжательного местоимения после перемещения из определенной именной группы; частицы с формообразующей, словообразовательной, модальной, реже — с интенсифицирующей функцией. Модальное *си* в цепочке клитик занимает позицию перед местоимением в форме датива и может комбинироваться со следующими клитиками: дательным местоимением (личным или возвратно-личным), кратким притяжательным местоимением, словообразовательной частицей *си*, реципрокальной частицей *си*, *dativus ethicus ми* и модальной частицей *си* с другим значением. Помимо модальной частицы *си*, ту же позицию (ячейку в таблице) может занимать и *си* — интенсификатор посессивности. Если позиция местоимения дательного падежа свободна, модальное *си* способно комбинироваться с клитиками ячейки 5 — местоимением в винительном падеже (личным или возвратным) или с частицей *се* (словообразовательной или формообразующей).

Анализ омонимичных употреблений *си* показывает, что, выступая в качестве частицы, клитика *си* сохраняет в большей или меньшей степени осязаемую генетическую связь с возвратным местоимением. Даже в функции интенсификатора при неопределенных местоимениях частица *си* особым образом соотносена с одним из участников ситуации, указывая на его прагматическую оценку.

Заключение

В ходе эволюции болгарского языка возвратные клитики *се* и *си* претерпели различные морфологические трансформации и расширили сферы своего употребления. В этом плане они представляют собой интересный, но трудный объект изучения, поскольку при исследовании их функциональной специфики и сочетаемостного потенциала пересекаются морфологические, синтаксические, семантические и прагматические факторы. Это, в свою очередь, обусловило необходимость применения, с одной стороны, формального подхода, ориентированного на структуру фразы, на позицию элементов в ней и установление зависимостей между ними, и, с другой стороны, — функционального подхода, включающего роль контекстной обусловленности и прагматических факторов.

В данной работе мы попытались представить весь функциональный спектр и сочетаемостный потенциал клитик *се* и *си* и выявить их различный морфологический статус при разных употреблениях, а также показать варианты семантической нагруженности возвратных элементов и семантические различия между омонимичными сочетаниями. Опора на предикатно-аргументную структуру предложения позволила дифференцировать омонимичные прилагательные употребления данных клитик и прояснить случаи синтаксической многозначности.

Другой вопрос, представляющий интерес для формального описания языков, касается включения (от)местоименных клитик в цепочку, их расстановки и возможностей совместного употребления. Кластеризуемыми являются: возвратно-личные местоимения *се* и *си*; *се* и *си* как формообразующие и словообразовательные частицы; притяжательное местоимение *си* после операции «подъем посессора» (при соблюдении некоторых условий), — эти клитики помещаются в ячейки дательного и винительного падежей, которые могут содержать лишь по одному элементу в каждой позиции независимо от их морфологического и функционального статуса. Особое место в цепочке отводится модальной частице *си*: при

наличии в кластере дативного элемента она располагается перед ним, таким образом, максимальное число (от)местоименных клитик в цепочке — три.

Представленный анализ морфологического и функционального статуса клитик *се* и *си* при их различных употреблении и при комбинированном использовании с другими клитиками может быть полезен для сопоставительных и типологических исследований, в практике преподавания болгарского как иностранного и для решения переводческих задач.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— 1-е, 2-е, 3-е лицо	PCL-deriv.	— словообразовательная частица
ACC	— винительный падеж; местоименная клитика в аккузативе	PCL-form.	— формообразующая частица
DAT	— дательный падеж; местоименная клитика в дативе	PCL-intens.	— интенсифицирующая частица
DEF	— определенность	PCL-mod.	— модальная частица
PCL	— частица	PCL-recipr.	— частица с реципрокальным значением
PCL-dat.eth.	— частица <i>dativus ethicus</i>	PL	— множественное число
		POSS	— посессивная клитика
		SG	— единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андрейчин 1958 — Андрейчин Л. Энклитични притежателни местоимения в българския език // Бешевлиев В., Георгиев В. (ред.). Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. София: Изд-во на БАН, 1958. С. 199—200. [Andreichin L. Enclitic possessive pronouns in Bulgarian. *Izsledvaniya v chest na akad. Dimitar Dechev po sluchai 80-godishninata mu*. Beshevliev V., Georgiev V. (eds.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1958. Pp. 199—200.]
- Андрейчин 1978 — Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Наука и изкуство, 1978. [Andreichin L. *Osnovna bălgarska gramatika* [Basic Bulgarian grammar]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1978.]
- Апресян 2005 — Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3—28. [Apresjan Yu. D. On the Moscow Semantic School. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 1. Pp. 3—28.]
- Арнаудова 2013 — Арнаудова О. Яркость и контраст в говоримия български език: лява дислокация на топика и контрастни топик-фокус вериги // Коева С., Кръпова И. (съст.). Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 239—262. [Arnaudova O. Intensity and contrast in colloquial Bulgarian: Left topic dislocation and contrast topic-focus chains. *Novi izsledvaniya po generativen sintaksis na bălgarskiya ezik*. Koeva S., Krăpova I. (comp.). Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publ., 2013. Pp. 239—262.]
- БТР 2008 — Андрейчин Л. и др. Български тълковен речник / Попов Д. (доп. и прер.). София: Наука и изкуство, 2008. [Andreichin L. et al. *Bălgarski tălkoven rechnik* [Bulgarian explanatory dictionary] Popov D. (rev. and corr.). Sofia: Nauka i Izkustvo, 2008.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Jazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russskoj grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the Russian grammar)]. Moscow: Yazyki Russkoj Kul'tury, 1997.]
- Влахова-Руйкова 2009 — Влахова-Руйкова Р. Практическа граматика. Български език. София: ПОНС България ЕООД, 2009. [Vlakhova-Ruikova R. *Prakticheska gramatika. Bălgarski ezik* [The practical grammar. Bulgarian]. Sofia: PONS Bălgariya EOOD, 2009.]
- Генюшене, Недялков 1991 — Генюшене Э. Ш., Недялков В. П. Типология рефлексивных конструкций // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 241—276. [Genyushene E. Sh., Nedyalkov V. P. A typology of reflexive constructions. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 241—276.]
- Георгиев 1990 — Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София: Народна просвета, 1990. [Georgiev I. *Bezlichnye predlozheniya v russskom i bolgarskom yazykakh* [Impersonal sentences in Russian and Bulgarian]. Sofia: Narodna Prosveta, 1990.]
- Градинарова 2007 — Градинарова А. А. Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия // Acta Linguistica. 2007. Vol. I. No. 1. С. 41—54. [Gradinarova A. A. The

- Bulgarian impersonal subject and its Russian functional equivalents. *Acta Linguistica*. 2007. Vol. I. No. 1. Pp. 41—54. Available at: <http://www.actalinguistica.com/arhiv/index.php/als/article/viewFile/101/89>.]
- Граматика 1983 — Стоянов С. (гл. ред.). Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2: Морфология. София: Изд-во на БАН, 1983. [Stoyanov S. (ed.). *Gramatika na sãvremenniya bãlgarski knizhoven ezik*. T. 2: *Morfologiya* [The grammar of Modern Literary Bulgarian. Vol. 2. Morphology]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1983.]
- Гълъбов 1986 — Гълъбов И. Към въпроса за българските енклитики // Гълъбов Г. Избрани трудове по езикознание. София: Наука и изкуство, 1986. С. 266—281. [Gãlavov I. Bulgarian enclitics revisited. *Izbrani trudove po ezikoznanie*. Gãlavov G. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1986. Pp. 266—281.]
- Димитрова 2009 — Димитрова М. Залог и диатеза: функциониране на залогови форми в текст // Станков В. (съст.), Викторова К. (ред.). Българско езикознание. Т. 5: Проблеми на граматичната система на българския език — глагол. София: Академично изд-во «Проф. М. Дринов», 2009. С. 278—303. [Dimitrova M. Voice and diathesis: Functioning of voice forms in the text. *Bãlgarsko ezikoznanie*. Vol. 5: *Problemi na gramatichnata sistema na bãlgarskiya ezik — glagol*. Stankov V. (comp.), Viktorova K. (ed.). Sofia: Prof. M. Drinov Academic Publ., 2009. Pp. 278—303.]
- Димитрова 2015 — Димитрова М. Оптагивните конструкции в съвременния български език: свобода и ограничения в образуването им // Български език. 2015. Кн. 3. С. 25—37. [Dimitrova M. Optative constructions in Modern Bulgarian: Freedom and restrictions in their formation. *Bãlgarski ezik*. 2015. Book 3. Pp. 25—37.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enclitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Иванов, Слабакова 2013 — Иванов И., Слабакова Р. Удвояването на допълнението с клитики при изучаващите български като втори език — изследване на Хипотезата за интерфейсите // Коева С., Кръпова И. (съст.). Нови изследвания по генеративен синтаксис на българския език. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 209—238. [Ivanov I., Slabakova R. Duplication of the object with clitics in Bulgarian second language learners — a study of the interface hypothesis. *Novi izsledvaniya po generativen sintaksis na bãlgarskiya ezik*. Koeva S., Krãpova I. (comp.). Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publ., 2013. Pp. 209—238.]
- Иванова, Градинарова 2015 — Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A. *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [The syntactic system of Bulgarian against the background of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Иванова, Петрова 2014 — Иванова Е. Ю., Петрова Г. М. Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями) // Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 58—75. [Ivanova E. Yu., Petrova G. M. Clustering of pronominal clitics in the form of Dative: Limits and restrictions in Bulgarian (with Macedonian and Serbian parallels). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014»*. Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). No. 1. Moscow: Sholokhov Moscow State Univ. for the Humanities, 2014. Pp. 58—75.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: The Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Коева 1995 — Коева С. Семантична и синтактична интерпретация на реципрочните изречения // Български език. 1995. Кн. 1/2. С. 160—163. [Koeva S. Semantic and syntactic interpretation of reciprocal sentences. *Bãlgarski ezik*. 1995. Vol. 1/2. Pp. 160—163.]
- Коева 2004 — Коева С. Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език // Пенчев Ъ. и др. (ред.). Българско езикознание. Т. 4: Когнитивна граматика на българския и френския език — описание и формализация. София: Изд-во на БАН, 2004. С. 182—231. [Koeva S. Semantic and syntactic description of diathesis in Bulgarian. *Bãlgarsko ezikoznanie*. Vol. 4: *Kognitivna gramatika na bãlgarskiya i frenskiya ezik — opisanie i formalizatsiya*. Penchev I. et al. (eds.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2004. Pp. 182—231.]
- Коева 2006 — Коева С. Синтактични редувания в български — диатези и алтернации // Български език. 2006. Кн. 4. С. 19—32. [Koeva S. Syntactic alternations in Bulgarian — diathesis and alternations. *Bãlgarski ezik*. 2006. Vol. 4. Pp. 19—32.]

- Куцаров 1997 — Куцаров И. Лекции по българска морфология. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 1997. [Kutsarov I. *Leksii po bălgarska morfologiya* [Lectures on Bulgarian morphology]. Plovdiv: Paisii Khilendarski Univ. Publ., 1997.]
- Куцаров 2007 — Куцаров И. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив: Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2007. [Kutsarov I. *Teoretichna gramatika na bălgarskiya ezik: Morfologiya* [Theoretical Bulgarian grammar: Morphology]. Plovdiv: Paisii Khilendarski Univ. Publ., 2007.]
- Летучий 2006 — Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2006. [Letuchiy A. B. *Tipologiya labil'nykh glagolov: semanticheskie i morfosintaksicheskie aspekty. Kand. diss.* [A typology of labile verbs: Semantic and morphosyntactic aspects]. Cand. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2006.]
- Летучий 2014а — Летучий А. Б. Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [Letuchiy A. B. *Vozvratnost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Reflexiveness. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Manuscript. Moscow, 2014.]
- Летучий 2014б — Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. X. Ч. 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filiodedicata*. СПб.: Наука, 2014. С. 365—395. [Letuchiy A. B. Between passive and decausative: Russian modal passives. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. X. Part 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filiodedicata*. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 365—395.]
- Минчева 1964 — Минчева А. Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София: Изд-во на БАН, 1964. [Mincheva A. *Razvoi na datelniya pritezhatelen padezh v bălgarskiya ezik* [Evolution of the dative possessive case in Bulgarian]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1964.]
- Мирчев 1978 — Мирчев К. Историческа граматика на българския език. III изд. София: Наука и изкуство, 1978. [Mirchev K. *Istoriesheska gramatika na bălgarskiya ezik* [A historical grammar of the Bulgarian language]. 3rd ed. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1978.]
- Митковска 2011 — Митковска Л. Македонските се-конструкции и нивните еквиваленти во англискиот јазик: Когнитивна студија. Скопје: Македонска реч, 2011. [Mitkovska L. *Makedonskite se-konstruktsii i nivnite ekvivalenti vo angliskiot jazik: Kognitivna studija* [Macedonian se-constructions and their equivalents in English: A cognitive study]. Skopje: Makedonska Rech, 2011.]
- Мишеска Томиќ 2008 — Мишеска Томиќ О. Македонските клитики во балканското окружение. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 2008. [Misheska Tomik O. *Makedonskite klitiki vo balkanskoto okruzenie* [Macedonian clitics in Balkan environment]. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2008.]
- Наймушин 2001 — Наймушин Б. Залог и преходност (върху материал от българския, руския и английския език) // Съпоставително езикознание. 2001. № 2. С. 5—13. [Naimushin B. Voice and transitivity (based on the material of the Bulgarian, Russian, and English languages). *Săpostavitelno ezikoznanie*. 2001. No. 2. Pp. 5—13.]
- Недялков 2004 — Недялков В. П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 315—393. [Nedyalkov V. P. Notes on the typology of the expression of reciprocal and reflexive meanings (in the aspect of polysemy of reciprocal markers). *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: A collection of articles*. Khrakovskij V. S., Mal'chukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 315—393.]
- Ницолова 1986 — Ницолова Р. Българските местоимения. София: Наука и изкуство, 1986. [Nitsolova R. *Bălgarskite mestoimeniya* [Bulgarian pronouns]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1986.]
- Ницолова 2008 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008. [Nitsolova R. *Bălgarska gramatika. Morfologiya* [The Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: St. Clement of Ochrid Univ. Publ., 2008.]
- Ницолова 2011 — Ницолова Р. Една нова концепция за залога на глагола в българския език // Бояджиев Т., Попова В., Алексова К. (съст.). Научни трудове в памет на Георги Герджиков. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2011. С. 207—222. [Nitsolova R. A new approach to verbal voice in Bulgarian. *Nauchni trudove v pamet na Georgi Gerdzhirov*. Boyadzhiev T., Popova V., Aleksova K. (comp.). Sofia: St. Clement of Ochrid Univ. Publ., 2011. Pp. 207—222.]

- Норман 1971 — Норман Б. Ю. Функции элемента *си* в глагольных конструкциях болгарского языка // Супрун А. Я., Камароўскі Я. М., Карабань І. А. (ред.). Лінгвістычныя даследаванні. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя У. І. Леніна, 1971. С. 179—193. [Norman B. Yu. Functions of *si* element in Bulgarian verbal structures. *Lingvistychnyya dasledavanni*. Suprun A. Ya., Kamaroўskiy Ya. M., Karaban' I. A. (eds.). Minsk: V. I. Lenin Belorussian State Univ., 1971. Pp. 179—193.]
- Норман 1972 — Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков). Минск: Изд-во БГУ, 1972. [Norman B. Yu. *Perekhodnost', zalog, vozvratnost' (na materiale bolgarskogo i drugikh slavyanskikh yazykov)* [Transitivity, voice, reflexiveness (based on the material of Bulgarian and other Slavic languages)]. Minsk: Belorussian State Univ. Publ., 1972.]
- Норман 2004 — Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 394—406. [Norman B. Yu. Reflexive verbal neologisms in Russian and syntactic prerequisites of their formation. *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: A collection of articles*. Xrakovskij V. S., Mal'chukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 394—406.]
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52—79. [Paducheva E. V. The causative verb and decausative in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. No. 1. Pp. 52—79.]
- Пашов 1999 — Пашов П. Българска граматика. София: Хермес, 1999. [Pashov P. *Bălgarska gramatika* [The Bulgarian grammar]. Sofia: Khermes, 1999.]
- Пенчев 1984 — Пенчев Й. Строеж на българското изречение. София: Наука и изкуство, 1984. [Penchev I. *Stroezh na bălgarskoto izrechenie* [The Bulgarian sentence structure]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1984.]
- Пенчев 1995 — Пенчев Й. Функции на форманта *ce/cи* в съвременния български език // Български език. 1995. № 5/6. С. 404—418. [Penchev I. Functions of *se/si* formant in the Modern Bulgarian language. *Bălgarski ezik*. 1995. No. 5/6. Pp. 404—418.]
- Пенчев 1996 — Пенчев Й. Реципрочни конструкции в български език // Списание на БАН. 1996. № 4. С. 30—35. [Penchev I. Reciprocal constructions in Bulgarian. *Spisanie na BAN*. 1996. No. 4. Pp. 30—35.]
- Пенчев 1998 — Пенчев Й. Синтаксис на съвременния български език. Пловдив: Неделник, 1998. [Penchev I. *Sintaksis na săvremenniya bălgarski ezik* [The syntax of the Modern Bulgarian language]. Plovdiv: Nedelnik, 1998.]
- Пенчев 2001 — Пенчев Й. Едносъставни изречения // Коева С. (съст.). Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив: Пловдивско университетско изд-во, 2001. С. 86—93. [Penchev I. Mononuclear sentences. *Săvremenni lingvisticzni teorii: Pomagalo po sintaksis*. Koeva S. (comp.). Plovdiv: Plovdivsko Universitetsko Izd-vo, 2001. Pp. 86—93.]
- Петрова 2006 — Петрова Г. Семантични роли на кратките дателни местоимения. Бургас: Димант, 2006. [Petrova G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya* [Semantic roles of short dative pronouns]. Burgas: Dimant, 2006.]
- Петрова 2008 — Петрова Г. Функции на клитиките *се* и *си* в съвременния български език. Бургас: Димант, 2008. [Petrova G. *Funktsii na klitikite se i si v săvremenniya bălgarski ezik* [Functions of clitics *se* and *si* in Modern Bulgarian]. Burgas: Dimant, 2008.]
- Петрова 2012 — Петрова Г. За употребата на *си* като частица с модална функция // Парзулова М., Цанков К. (съст.). Езикът и културата в съвременния свят. Велико Търново: Фабер, 2012. С. 361—367. [Petrova G. On the use of *si* as a particle with modal function. *Ezikăt i kulturata v săvremenniya svyat*. Parzulova M., Tsankov K. (comp.). Veliko Tărnovo: Faber, 2012. Pp. 361—367.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira: Uchebnoe posobie* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Пупынин 1991 — Пупынин Ю. А. Активность/пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 211—239. [Pupynin Yu. A. Activeness / passiveness in interrelations with other functional-semantic fields. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 211—239.]

- Станков 1982 — Станков В. За дателните местоименни клитики в българския език // Български език. 1982. Кн. 6. С. 494—502. [Stankov V. On dative pronominal clitics in Bulgarian. *Bălgarski ezik*. 1982. Vol. 6. Pp. 494—502.]
- Тагамлицица 1971 — Тагамлицица Г. Частицата *си* в съвременния български език // Известия на Института за български език. 1971. Кн. XIX. С. 177—187. [Tagamlitska G. The particle *si* in the modern Bulgarian language. *Izvestiya na Instituta za bălgarski ezik*. 1971. Vol. XIX. Pp. 177—187.]
- Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141—180. [Xrakovskij V. S. Passive constructions. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 141—180.]
- Храковский 2004 — Храковский В. С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 505—519. [Xrakovskij V. S. A theory of diatheses and voices (initial hypotheses — the test of time). *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: A collection of articles*. Xrakovskij V. S., Mal'chukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 505—519.]
- Цанков 1995 — Цанков К. Глаголи и глаголни форми с възвратен елемент в съвременния български книжовен език. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. [Tsankov K. *Glagoli i glagolni форми s vǎzvraten element v sǎvremenniya bălgarski knizhoven ezik* [Verbs and verbal forms with a reflexive element in the Modern Literary Bulgarian language]. Sofia: St Kliment Ohridski University Press, 1995.]
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3—37. [Zimmerling A. V. Word-order systems in Slavic languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 5. Pp. 3—37.]
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zimmerling A. V. *Sistemy porjadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Word-order systems of Slavic languages in the typological aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Чолакова 1986 — Чолакова К. Глаголни лексеми с двучленна формална структура (глагол + *си*) и лексикографски проблеми // Чолакова К. (ред.). Въпроси на съвременната българска лексикология. София: Изд-во на БАН, 1986. С. 7—22. [Cholakova K. Verbal lexemes with binominal formal structure (verb + *si*) and lexicographical problems. *Vǎprosi na sǎvremennata bălgarska leksikologiya*. Cholakova K. (ed.). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1986. Pp. 7—22.]
- Cinque, Krapova 2009 — Cinque G., Krapova I. The two possessor raising constructions of Bulgarian. *A Linguist's Linguist. Studies in South Slavic linguistics in honor of E. Wayles Browne*. Franks S., Chidambaram V., Joseph J. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2009. Pp. 149—166.
- Ivanova 2014 — Ivanova E. Yu. Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian. *ICELAIC 2014: Proceedings of the International conference on education, language, art and intercultural communication*. Howard D., Volodina T., Zhang Y., Green R. (eds.). Paris: Atlantis Press, 2014. Pp. 427—431.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. Amsterdam: Benjamins, 1993.
- Koeva 1998 — Koeva S. Reflexive, passive, optative, reciprocal, and impersonal verbs in Bulgarian. *Научни трудове на Пловдивския университет — Филология*, 1998. Pp. 133—145.
- Koeva 2007 — Koeva S. Bulgarian alternations — lexicon or grammar? *Southern Journal of Linguistics*. 2007. Vol. 29. Pp. 77—106.
- Koeva 2008 — Koeva S. Semantic nature of diatheses. *Studia kognitywne = Etudes cognitives*. 2008. Vol. 8. Pp. 71—95.
- Kosta, Zimmerling 2013 — Kosta P., Zimmerling A. Slavic clitic systems in a typological perspective. *The nominal structure in Slavic and beyond*. Schürcks L., Etxeberria U., Giannakidou A., Kosta P. (eds.). (Studies in Generative Grammar 116). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 441—490.
- Schürcks, Wunderlich 2003 — Schürcks L., Wunderlich D. Determiner-possessor relation in the Bulgarian DP. *From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in Noun Phrases*. Coene M., D'hulst Y. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003. Pp. 121—139.
- Zimmerling 2013 — Zimmerling A. Possessor Raising and Slavic clitics. *Contemporary studies in Slavic linguistics*. Kor Chahine I. (ed.). (Studies in language companion series 146). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 43—60.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЦАКОНСКОГО ДИАЛЕКТА НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ***

© 2017

Максим Львович Кисилиер

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; m.kisilier@spbu.ru

В статье рассматривается лексика цаконского диалекта новогреческого языка, приводятся результаты анализа ее происхождения, на основании которых опровергается гипотеза об изолированности данного идиома от других греческих диалектов. Исследуемый материал обнаруживает сходства с лексикой северных диалектов греческого языка, что позволяет предположить сосуществование указанных диалектов в общем географическом ареале в прошлом. Состав иноязычных заимствований в лексике цаконского диалекта не отличается существенно от прочих диалектов новогреческого языка; лексическое своеобразие цаконского обеспечивают слова древнегреческого происхождения, а также новообразования. Непонятность цаконского диалекта для носителей нормы новогреческого языка определяется не столько лексическими, сколько фонетическими и морфологическими особенностями.

Ключевые слова: диалектные словари, лексикология, лексические заимствования, новогреческая диалектология, северногреческие диалекты, цаконский диалект, языковые контакты

**LEXICAL PECULIARITIES
OF THE TSAKONIAN DIALECT OF MODERN GREEK:
PRELIMINARY OBSERVATIONS
AND PERSPECTIVES OF STUDY**

Maxim L. Kisilier

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; m.kisilier@spbu.ru

The paper analyzes the vocabulary of the Tsakonian dialect of Modern Greek and refutes the hypothesis about its isolation from other Greek idioms. The material reveals some similarities with the Northern Greek dialectal vocabulary, which allows us to conclude that the aforementioned dialects have been circulating in a common geographic area. Tsakonian vocabulary demonstrates almost the same foreign borrowings as other Modern Greek dialects, whereas Ancient Greek roots and neologisms provide its lexical uniqueness. The Tsakonian dialect is incomprehensible for speakers of Standard Modern Greek due to its phonetics and morphology, but not its lexical peculiarities.

Keywords: dialectal lexicography, language contact, lexical borrowings, lexicology, Modern Greek dialectology, Northern Greek dialects, Tsakonian dialect

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405). Проведение исследования было бы

1. Введение

1.1. Изучение диалектной лексики и новогреческая диалектология

Сбор и первичный анализ диалектной лексики, несомненно, следует считать одним из наиболее успешно развивающихся направлений современной новогреческой диалектологии. Регулярно появляются новые диалектные словари, причем как в виде отдельных книг, так и в составе лингвистических описаний¹. Несмотря на очевидную положительную тенденцию, нельзя не признать, что потенциал исследования диалектной лексики используется пока далеко не полностью. Как известно, комплексное изучение новогреческих диалектов осложнено значительными миграциями населения на Балканах и в Малой Азии, в результате которых по соседству могут оказываться носители исходно очень далеких друг от друга диалектов². Подобная ситуация крайне затрудняет создание общего диалектного атласа новогреческого языка, поскольку ареалы действия многих изоглосс оказываются не едиными массивами, а отдельными островками. В попытке решить означенную проблему П. Традгил [Trudgill 2003: 48] предлагает строить классификацию новогреческих диалектов, взяв за основу языковую ситуацию между 1820 г. (образование греческого национального государства) и 1921—1922 гг. (переселение большей части грекоязычного населения из Малой Азии в Грецию, известное как Малоазийская катастрофа). Такой подход нельзя считать оптимальным решением: значительные миграции и разнообразие языковые контакты происходили в самой Греции и после Малоазийской катастрофы, подробнее см. [Кисилиер 2013: 90—92]. Таким образом, классификация Традгила описывает, скорее, некоторую гипотетическую ситуацию, нежели реальное состояние. Представляется, что именно анализ лексики (как с точки зрения происхождения, так и в междиалектном сопоставлении) позволил бы построить более четкие изоглоссы, причем не только лексические, но и фонетические.

невозможным без содействия мэрии г. Леонидиона (особенно — Димитриса Цингуниса, Иоанниса Марнериса и Константиноса Троханиса). Представленные в статье материалы были собраны в ходе 27 экспедиций, организованных Греческим институтом СПбГУ в 2010—2016 гг. по лексической программе «Малого диалектного атласа балканских языков» [Домосилецкая и др. 1997], фитонимическим анкетам, основанным на [Дёфвер 1922; Колосова, Домосилецкая 2010], а также путем сплошной выборки из трехтомного словаря, составленного Фанасисом Костакисом [Κωστάκης 1986a; 1986b; 1987]. Пользуясь случаем, автор благодарит С. В. Выдрину, А. А. Драгункину и А. О. Вяткину за помощь в сборе диалектного материала, К. А. Климову за советы по этнолингвистической части, В. В. Зельченко, Н. Г. Голант, А. Ю. Русакова, А. Н. Соболева и М. В. Домосилецкую за консультации по латинской, румынской, албанской, славянской и арумынской лексике, а также О. Н. Николаенкову за ценные замечания, высказанные по докладам, которые легли в основу настоящей статьи. Отдельной благодарности заслуживает В. В. Федченко, принявшая участие во многих экспедициях: без ее помощи значительная часть материалов, представленных в статье, не была бы собрана и адекватно интерпретирована. Крайне ценными оказались комментарии двух анонимных рецензентов, которые были по возможности учтены в окончательном варианте статьи. Все ошибки и неточности лежат исключительно на совести автора.

¹ Такая работа ведется не только с диалектами на территории Греции, но и за ее пределами. В качестве примера можно привести словарь диалекта приазовских греков [Диамантопуло-Рионис и др. 2006].

² Крупные миграции населения происходили и в Древней Греции (в частности, так называемая Великая греческая колонизация), и известно, что нередко близкородственные диалекты оказывались в разных концах грекоязычного мира, например аркадский диалект Пелопоннеса и кипрский диалект (подробнее см. [Παναγιώτου 2001]).

1.2. Общие сведения о цаконском диалекте

Настоящая статья посвящена одному из самых загадочных новогреческих диалектов — цаконскому. Считается, что это единственный современный диалект, который не восходит к эллинистическому койне [Κωντοσόπουλος 2010a: 191]³, а является продолжением лаконского варианта дорийского диалекта древнегреческого языка. Гипотеза об исключительной древности цаконского базируется на следующих фактах:

- 1) в цаконском фиксируются древнегреческие лексемы, не представленные в стандартном новогреческом и в других диалектах (см. раздел 2.1 в настоящей статье);
- 2) некоторые фонетические особенности цаконского восходят к древнегреческому состоянию: сохранение /u/ (*tj^huraká* ‘воскресение’, ср. н.-греч. Κυριακή /kir^hakí/); /e/ < /e:/, не перешедший в /i/ (*néma* ‘нить’, ср. н.-греч. νήμα /níma/); /v/, восходящий к древнегреческой дигамме (цак. *ván[n]e* ‘баран’ < др.-греч. *Φαρνός* /varnós/, цак. *kívane* ‘голубой’ < др.-греч. *kúFavos /k^hívanos/).

Ряд черт позволяет предположить, что цаконский, скорее всего, восходит к лаконскому варианту дорийского диалекта древнегреческого языка⁴:

- 1) в цаконском сохраняется дорийский /a/: *tj^huraká*, ср. н.-греч. Κυριακή /kir^hakí/; цак. артикль ж. р. ед. ч. в им. п. — *a*, ср. атт. ἡ /^he:/, но др. ἃ /^ha:/;
- 2) в цаконском наблюдаются отдельные примеры ротацизма: цак. артикль жен. р. ед. ч. в род. п. — *tar* vs. греч. τῆς — др.-греч. /te:s/ и н.-греч. /tis/. Впрочем, частотность ротацизма в цаконском явно преувеличена, и иногда ротацизм усматривают там, где его по-настоящему нет, подробнее см. [Кисилиер 2015б];
- 3) в одном цаконском примере фиксируется переход /t^h/ > /s/, характерный для лаконского, ср. [Bourguet 1927: 75—78], а не /t^h/ > /θ/, как в других диалектах: цак. [*én*i**] *serindu* ‘жну’ (букв. ‘(я есть) жнущий’; см. сноску 16), ср. лак. *σερίδδω* и греч. *θεριζω* — атт. /t^herídzɔ:/ и н.-греч. /θerizo/.

³ Нельзя, впрочем, не признать, что во многих новогреческих диалектах на разных языковых уровнях наблюдаются «архаические» черты, несомненно восходящие к древнегреческому состоянию. Вот некоторые примеры (диалектные лексемы здесь и далее приводятся в практической транскрипции, основанной на МФА [РА 1999]):

- 1) на **просодическом** уровне — особая просодика кипрского диалекта, скорее всего, восходящая к древнегреческому мелодическому ударению;
- 2) на уровне **сегментной фонетики** — сохранение др.-греч. /ju/ (> /u/: ст.-аф. *ksúlo* ‘деревяшка’ [Кисилиер 2013: 85], ср. др.-греч. *ξύλον* /ks^húlon/ vs. н.-греч. *ξύλο* /ksílo/) и /e:/ (> /e/: понт. *maθetis* ‘ученик’ [Елоева 2004: 104], ср. греч. μαθητής — др.-греч. /mat^he:te:s/ vs. н.-греч. /maθitís/). Обе эти особенности наблюдаются и в цаконском (см. ниже в этом разделе);
- 3) в **морфологии** — сохранение исчезнувшего в раннем новогреческом инфинитива в понтийском [Mackridge 1996: 196 ff.; Sitaridou 2014a; 2014b] и в греческих диалектах Южной Италии [Rohlfis 1977: 110];
- 4) на уровне **синтаксиса** — следы функционирования закона Ваккернагеля, проявляющиеся в принципах расстановки местоименных клитик относительно управляющих глаголов в понтийском, кипрском, каппадокийском, цаконском и в диалекте приазовских греков [Кисилиер 2015а].

Некоторые из перечисленных черт заставляют усомниться в общепринятой точке зрения, согласно которой все древнегреческие диалекты (за исключением цаконского) исчезли в эпоху эллинистического койне, ср. [Κωντοσόπουλος 2010b: 188].

⁴ Крайне важным фактором, несомненно, влияющим на суждения исследователей, является и самознание носителей цаконского диалекта, считающих себя потомками древних спартанцев, подробнее см. [Кисилиер 2014: 292 и сл.].

Сейчас носители цаконского диалекта проживают в округе Южной Кинурии на Пелопоннесе⁵. В научной среде бытуют разные точки зрения по поводу количества носителей диалекта — от 200 [Salminen 2007: 271—272] до 8000 [Κοντοσόπουλος 2001: 3]. Согласно наблюдениям, сделанным в ходе экспедиций 2008—2016 гг., можно считать, что диалектом в разной степени владеют около 1500—2000 человек, хотя целенаправленные подсчеты не производились. Традиционно выделяют три субдиалекта, ср. [Κοντοσόπουλος 2001: 3—4]: 1) **южнопелопоннесский**, используемый в г. Леонидион (н.-греч. Λεωνίδιο, цак. *áje lídi* ‘(город) св. Леонида’) и в селах Васкина (н.-греч. Βασκίνα, цак. *vastína*), Мелана (н.-греч. Μέλανα, цак. *méane*), Прагматевтис (н.-греч. Πραγματευτής, цак. *pragmateftá*), Сапунакейка (н.-греч. Σαπουνακείκα, цак. *sapunátsi*), Тирос (н.-греч. Τυρός, цак. *diré*), Агиос Андреас (н.-греч. Άγιος Αντρέας, цак. *jalé* ‘берег’) и прежней столице Цаконии — Прастосе (н.-греч. Πραστός, цак. *prasté*); 2) **северопелопоннесский**, на котором говорят в селах Кастаница (н.-греч. Καστάνιτσα) и Ситена (н.-греч. Σίταινα); 3) **пропонтийский**, возникший в XVII в., когда часть цаконцев перебралась на побережье Мраморного моря и основала поселения Вáтика и Хавуцί, которые просуществовали вплоть до Малоазийской катастрофы. Данные из пропонтийского субдиалекта в статье не используются⁶.

На настоящий момент нет ни одного жителя региона, который бы не владел стандартным новогреческим языком. В то же время степень владения диалектом зависит от возраста и от места жительства. Практически все местные жители старше 70 лет очень хорошо говорят на диалекте, особенно если они жили в селах, а не в Леонидионе, где, скорее всего, по-цаконски никогда не говорили [Кисилиер 2014: 290—291]. Чем младше представитель этой группы, тем чаще в потоке речи он «теряет» особые фонетические черты, хотя, если спросить о них, он сразу и легко их воспроизведет. Информанты в возрасте 45—60 лет обычно тоже в значительной мере владеют цаконским диалектом (если они не родом из Леонидиона), но их речь, особенно в области фонетики, довольно сильно отличается от речи старших поколений. В целом можно сказать, что они уже говорят по-цаконски с новогреческим произношением. Молодежь обычно не говорит на диалекте, но понимает диалектную речь. Тем не менее есть семьи, где внуки и бабушки/дедушки общаются между собой на диалекте. В последнее время стала проявляться тенденция учить цаконскому маленьких детей⁷.

Среди носителей диалекта следует выделить отдельную группу, состоящую из местной интеллигенции. Ее представителям обычно около 60—70 лет. Они хорошо говорят на стандартном новогреческом. Цаконский они выучили от бабушек/дедушек и сознательно пытаются хорошо на нем говорить, ориентируясь в речи либо на грамматику Фанасиса Костакиса [Κωστήκης 1951], либо на грамматику Михаила Деффнера [Deffner 1881]: выбор зависит от села, где они проживают, ср. [Fedchenko 2013: 86]. Большинство представителей этой группы умеют писать по-цаконски.

⁵ Прежде ареал распространения диалекта был, по-видимому, значительно шире. Помимо рассказов местных жителей, в «Морейской хронике» (XIV в.) говорится, что границы Цаконии проходили в 39 км к юго-востоку от Спарты, см. [Кисилиер 2014: 287 и сл.].

⁶ Жители этих сел переселились на территорию Греции в округа Козани и Кастория. Еще около 1960-х гг. крупнейший исследователь цаконского диалекта Фанасис Костакис смог отыскать последних носителей пропонтийского варианта цаконского диалекта и описать его, см. [Κωστήκης 1979]. Сам факт переселения цаконцев в Пропонтиду подтверждает гипотезу о том, что еще в Средние века цаконцы были активными мореплавателями. Можно даже предположить, что турецкий путешественник Эвлия Челеби (XVII в.), указавший на воинственный нрав цаконцев, сам не бывал в их селах, а встретил их на рынке в Нафплионе, то есть на противоположном берегу Коринфского залива.

⁷ В школе Тироса функционирует факультатив по изучению цаконского диалекта, а в Леонидионе по инициативе директора школы Панайотиса Цангуриса школьники при помощи бабушек и дедушек собрали материал для онлайн-словаря (<http://apps-dim-leonid.ark.sch.gr/> [дата обращения: 01.07.2016]).

Принято считать, что до 60-х гг. прошлого века цаконцы были фактически оторваны от остальной Греции⁸, до этого времени основным средством контактов со стандартным новогреческим была школа: учителя были приезжие и не понимали диалект, поэтому запрещали использовать его в школе⁹.

Тем не менее известно, что цаконские купцы активно торговали местными продуктами, многие из них держали лавки и имели дома в Константинополе¹⁰ и Италии, а столица области, город Прастос, до начала XIX в. оставалась богатейшим городом региона [Кисилиер 2014: 288].

Многие жители прибрежных сел (особенно Тироса) становились моряками. Очевидно, именно моряки привезли из Азии в Цаконию в XVIII—XIX вв. ставшую теперь знаменитой традицией запускать на Пасху самодельные воздушные шары¹¹. Исследование, проведенное с помощью этнолингвистической анкеты А. А. Плотниковой [2009], неожиданно показало, что, вопреки представлениям об изолированности цаконцев, ритуалы их календарного и жизненного цикла во многом совпадают с общегреческими и общевосточными¹² (например, строительная жертва и клятва умершими родителями или родственниками, при которой на землю выливается несколько капель алкогольного напитка *ципура* или воды). В итоге встает резонный вопрос: действительно ли цаконцы долгое время прожили не контактируя с носителями иных диалектов/языков? Сторонники общепринятой точки зрения усматривают ей подтверждение в том, что южнопелопоннесский вариант цаконского демонстрирует намного больше своеобразных черт (по крайней мере, на уровне фонетики), чем северопелопоннесский, подвергшийся значительному влиянию со стороны стандартного новогреческого и, по сообщению информантов (правда, носителей южнопелопоннесского), находящийся на грани исчезновения. Тем не менее даже в ареале распространения южнопелопоннесского до сих пор сохранились населенные пункты с очевидными славянскими (например, Зари́ци, н.-греч. Ζαρίτσι — так называется местность за руслом высохшего ручья) и вероятными албанскими топонимами (гора Малевó, н.-греч. Μαλεβός, ср. алб. *mal*, *-i* ‘гора’)¹³.

Можно предположить, что гипотеза о длительной изоляции цаконцев от других греков/балканских народов, в первую очередь, зиждется на абсолютной непонятности диалекта для чужих, которую впервые отметил уже упоминавшийся в сноске 6 Эвлия Челеби. Изучение цаконской лексики позволяет, во-первых, увидеть, связана ли непонятность цаконского диалекта с его лексическими особенностями (например, обилием архаичной лексики),

---

⁸ В 1960 г. была построена дорога, соединившая по суше Цаконию с материковой Грецией, а еще через 10 лет в населенные пункты было проведено электричество. До 1960 г. сообщение с остальной Грецией было возможно только по морю или пешком через горы (сухопутное путешествие в Афины занимало около 10 дней).

⁹ По-видимому, борьба с цаконским была не совсем успешной. Многие информанты с удовольствием рассказывают следующую историю: приезжий учитель в школе пишет на доске по-новогречески *γάτα* ‘кошка’, ученик читает слоги: /γα-та/. Когда же учитель просит прочитать слово целиком, ученик произносит *kałsúa* (цак. ‘кошка’).

¹⁰ Среди местного населения бытуют рассказы о том, что самые богатые греческие купцы Константинополя были цаконцами.

¹¹ В местной традиции взлетающие в небо воздушные шары символизируют вознесение Христа.

¹² Показательно, что носителями традиции и диалекта оказываются не только пожилые женщины, но и мужчины средних лет. В последние десятилетия появились новые знаковые церемонии, поддерживающие статус цаконского диалекта: на Пасху по-цаконски читают отрывок Евангелия от Иоанна (20: 19—25) [Кисилиер, Федченко 2010: 52—57], а на день Успения Богородицы до недавнего времени по-цаконски исполняли литургию.

¹³ Согласно Константину Багрянородному («Об управлении империей» 221, 434) на Пелопоннесе в X в. были распространены славяне. Также известно, что деспот Морей Феодор I Палеолог (1383—1407 гг.) активно способствовал расселению албанцев в регионе [Кисилиер 2014: 287].

а во-вторых, оценить степень изолированности цаконского и определить наличие/отсутствие контактов с другими диалектами/языками.

2. Незаимствованная лексика

В цаконском диалекте, естественно, выделяется исконная, или незаимствованная, лексика и заимствованная лексика. Исследователю обычно нетрудно выявить заимствованную лексику, хотя далеко не всегда удастся точно определить источник заимствования (см. раздел 3 настоящей статьи). Вычленив незаимствованную лексику оказывается намного сложнее. Можно с большой долей уверенности отнести к исконной лексике по крайней мере две категории слов:

- а) лексемы древнегреческого происхождения, и, прежде всего, такие, которые мало (или вовсе не) представлены в других новогреческих диалектах и стандартном языке (см. раздел 2.1);
- б) прочие лексемы, составляющие базисную лексику (см. раздел 2.2 и Приложения).

2.1. Древнегреческая лексика

При рассмотрении цаконского лексикона прежде всего обращает на себя внимание пласт древнегреческой лексики, частично не представленной ни в современном разговорном новогреческом, ни в большинстве других диалектов. В основном это ряд существительных, прилагательных и глаголов из базисного словаря (см. Приложения):

- [e]psilé ‘глаз’ < др.-греч. (лак.) ὀπίλος /optílos/¹⁴
- ío ‘вода’ < др.-греч. ὕδωρ /^hú:dɔ:r/
- kúe ‘собака’ < др.-греч. κύων /k^hú:ɔ:n/
- vu ‘бык’ < др.-греч. βούς /bo:s/¹⁵
- kuváne ‘черный’ < др.-греч. κισανός /k^hiaunó:s/ (< κισανέος /k^hianéos/) ‘темно-синий, темный, черный’
- [éni] orú ‘вижу’ (букв. ‘(я есть) видящий’)¹⁶ < др.-греч. ὀράω /^horá:ɔ:/
- píu ‘делать’ < др.-греч. ποιεῶ /rojé:ɔ:/
- ekáne ‘(он) прибыл’ (аорист) < др.-греч. ἰκάνω /^hikánɔ:/ ‘приходить’

Кроме того, в цаконском сохранилось древнегреческое отрицание: o < др.-греч. οὐκ /o:k/¹⁷. Хотя приведенные слова не употребляются сейчас в стандартном новогреческом, они, несомненно, хорошо известны всем носителям языка, владеющим кафаревусой и/или знакомым с литературной традицией.

Отдельно можно выделить небольшую группу древнегреческих лексем, которые есть и в цаконском, и в стандартном новогреческом, однако в последнем их употребление не связано с бытовым общением:

¹⁴ Здесь и далее приводится значение только цаконской лексемы, если оно полностью совпадает со значением родственной греческой или иноязычной лексемы.

¹⁵ Фонетическое представление древнегреческого диграфа ου как /o:/ во многом условно. На определенном этапе развития греческого языка он стал произноситься как /u/.

¹⁶ В цаконском диалекте формы презенса и имперфекта выражаются только аналитически, подробнее см. [Кисилиер (в печати)]. Далее в этой статье глагольные формы приводятся без вспомогательного глагола.

¹⁷ Справедливости ради стоит отметить, что древнегреческое отрицание сохранилось и в ряде других диалектов новогреческого языка, например, в малянисольском варианте диалекта приазовских греков: *tíi* < др.-греч. οὐκ или οὐχι /ú:k^hi/ < /ó:k^hi/ [Kisilier 2008: 157], хотя в новогреческой диалектологии диалект приазовских греков, в отличие от цаконского, не считается архаичным.

- *apóu* ‘отпускать’ < греч. ἀπολύω, др.-греч. /apoliúo:/ и н.-греч. /apolío/
- *áde* ‘хлеб’ < греч. ἄρτος /ártos/
- *sáti* ‘дочь’ < греч. θυγάτηρ, др.-греч. /t^{hi}ugáte:r/ и н.-греч. /thigáter/

Иногда древнегреческая лексема приобретает в цаконском собственные оттенки значения:

- *afĕ* ‘большой’ < ἄδρός, др.-греч. /adrós/ ‘толстый, взрослый, зрелый’, н.-греч. /aðrós/ ‘толстый, крупный, частый’
- *ártuma* ‘сыр’ < греч. ἄρτυμα, др.-греч. /árt^{hi}uma/ и н.-греч. /ártima/ ‘приправа’
- *fīna* ‘гора’ < греч. [τᾶ] ὄρεινά /[ta] oɾe:ná/ (ср. р. мн. ч.), производное от ὄρεινός /oɾe:nós/ ‘горный, гористый’¹⁸
- *júk^ho* ‘нос’ < греч. ῥύγχος, др.-греч. /r^{hi}únk^hos/ и н.-греч. /rínxos/ ‘морда, рыло’

Основной глагол речевой деятельности в цаконском *aiú* ‘говорить’ происходит от др.-греч. λαλῶ /laló:/ (λαλέω /lalé:/) ‘болтать’, а не от λέγω /légo:/ ‘говорить’, как и в некоторых других новогреческих диалектах (например, в кипрском). Принято считать, что употребление λαλῶ в значении ‘говорить’ особенно распространилось в грекоязычном мире начиная с первых веков новой эры [Lampe 1961: 790—791; LSJ 1996: 1026]. Появление этого глагола в цаконском может свидетельствовать об определенном влиянии эллинистического/библейского койне на диалект.

2.2. Базисная лексика

Во время экспедиций 2014—2016 гг. в пяти населенных пунктах (Васкина, Прастос, Тирос, Мелана и Кастаница) были собраны слова, входящие в основной список базисной лексики (110 слов; см. Приложение 1). Собранный материал был сопоставлен с данными стандартного новогреческого и ряда других диалектов новогреческого языка¹⁹.

Проведенное исследование показало, что 64 цаконские лексеммы совпадают, с одной стороны, с древнегреческой и с новогреческой лексеммами и, с другой стороны, с лексеммами из большинства обследованных диалектов²⁰. Важно отметить, что по своей форме и фонетическим особенностям цаконская лексема всегда оказывалась ближе к стандартной новогреческой, нежели к древнегреческой, например:

- *avuyó* ‘ухо’, ср. др.-греч. ὤον /o:ón/ и н.-греч. αυγό /avgó/
- *avutána* (Кастаница: *avotána*) ‘ухо’, ср. др.-греч. οὖς /o:s/ и н.-греч. αἰτί /afti/
- *sínefo* ‘облако’, ср. др.-греч. νέφος /néfos/ и н.-греч. σύννεφο /sínnefo/²¹

По-видимому, к этой группе можно отнести и лексему *ĩfīxa* ‘волосы’ (в Мелане — *tsíxa*), которая соответствует греч. τρίχες (др.-греч. /trík^hes/, н.-греч. /tríxes/), хотя в значении

¹⁸ В некоторых локальных вариантах цаконского (например, в субдиалекте Прастоса) используется и лексема *vuné* [Вяткина 2015: 59], представляющая собой более позднее заимствование, ср. н.-греч. βουνό /vunó/ ‘гора’.

¹⁹ К исследованию были привлечены понтийский, кипрский и диалекты о-ва Закинф, греков Приазовья и греков Албании. Большинство данных были получены путем опроса информантов, а в качестве источника по лексике диалекта приазовских греков был использован словарь [Диамантопуло-Рионис и др. 2006]. Собранные лексеммы частично представлены в [Вяткина 2015: 45—54, 57—65].

²⁰ Чаще всего определенную вариативность демонстрировали лексеммы из диалекта греков Албании, Закинфа и из понтийского диалекта. Это объясняется, по-видимому, сильным иноязычным влиянием.

²¹ Сюда же отнесены слова *dérma* (Прастос)/*zérma* (Кастаница) ‘кожа’, хотя в других субдиалектах цаконского используются другие лексеммы: *mázi* (Васкина, Тирос) и *petsí* (Мелана); *adínate* ‘тонкий’, которая по значению совпадает с новогреческой (н.-греч. αδύνατος /adínatos/), а не древнегреческой лексеммой (др.-греч. ἀδύνατος /adúnatos/ ‘бессильный’). В Кастанице употребляется также вариант *lepté* (ср. греч. λεπτός /leptós/), а в Мелане — *liyné* (ср. н.-греч. λιγνός /liynós/; по-видимому, стала употребляться в средневековом греческом).

‘волосы’ в стандартном новогреческом и в большинстве диалектов используется другое слово — *μαλλιά* /malíá/²².

В 21 случае цаконские слова совпали с лексемами из стандартного новогреческого, но не совпали с аналогичными древнегреческими лексемами, например²³:

- *psári* (Тирос: *pfádzi*) ‘рыба’, ср. др.-греч. *ἰχθύς* /ik^hús/ и н.-греч. *ψάρι* /psári/
- *kséru* ‘знать’, ср. др.-греч. *οἶδα* /ójda/ и н.-греч. *ξέρω* /kséro/

У 10 цаконских лексем совпадение наблюдалось только с древнегреческими словами (см. раздел 2.1), а 11 цаконских лексем продемонстрировало полное отличие как от соответствующих слов на других диалектах, так и от древнегреческих и новогреческих. Вызвано это тем, что в цаконском имел место сдвиг значения: *niu* ‘слышать’ < др.-греч. *νοέω* /noéo:/ ‘замечать, понимать’, ср. н.-греч. *νόημα* /nóima/ ‘смысл’.

Проведенное исследование показало, что все цаконские лексемы, входящие в список Сводеша, за исключением локальных вариантов *mázi* и *peṣí* (см. сноску 21), этимология которых пока не совсем ясна, являются исконно греческими, и однокоренные лексемы существуют в новогреческом языке до сих пор.

3. Заимствованная лексика

Проведенный анализ цаконской лексики демонстрирует значительное количество заимствованных слов. Очевидно, что языков-источников было довольно много (см. в этом разделе ниже), хотя, по-видимому, далеко не из всех заимствование происходило напрямую. Заимствования происходили в разные периоды, хотя порой трудно установить наверняка, из каких языков слова заимствовались раньше, а из каких — позже.

3.1. Заимствования из латинского языка

В «Словаре...» Фанасиса Костакиса [Κωστάκης 1986a; 1986b; 1987] приводится большой пласт лексики латинского происхождения (104 слова), охватывающий разные сферы жизнедеятельности. Вот некоторые из них:

- *bin'áriko* ‘близнец’ < лат. *binārius* ‘двоичный’
- *kástre* ‘замок’ < лат. *castellum* ‘укрепленное место, форт’
- *koléya* ‘друг’ < лат. *collēga* ‘сослуживец, единомышленник’
- *kútra* ‘голова’ < лат. *scutra* ‘плоское блюдо или чаша’
- *mandíli* ‘платок’ < лат. *mantēlium* ‘полотенце, салфетка, скатерть’
- *véna* ‘вена’ < лат. *vēna*

Казалось бы, именно латинские заимствования следует считать наиболее архаичными, однако многие являются общегреческими (в частности, *kástre*, ср. н.-греч. *κάστρο* /kástro/, или *mandíli*, ср. н.-греч. *μαντίλι* /mandíli/). Гипотетически часть из этих заимствований могла прийти непосредственно из латыни, однако более вероятным представляется иное объяснение: в цаконский они попали либо из других диалектов, либо уже под влиянием стандартного новогреческого.

Ряд заимствований, которые Фанасис Костакис помечает как латинские, строго говоря, таковыми не являются:

²² Лексема *malía* фиксируется в субдиалекте Кастаницы, который, как принято считать, подвергся большему влиянию со стороны стандартного новогреческого.

²³ Стоит отметить также две цаконские лексемы, не включенные в указанную группу, которые совпали с новогреческими, но не имеют прямых параллелей ни в древнегреческом, ни среди других обследованных диалектов: *ksapruk'u* (Тирос), *tsapruk'u* (Васкина, Прастос), *ksapruk'u* (Кастаница) ‘лежать’, ср. н.-греч. *ξαπλώνω* /ksaplóno/; *dípa* ‘рядом’, ср. н.-греч. *δίπλα* /dípla/.

- *mandané* ‘петрушка (растение)’: скорее всего, не было напрямую заимствована из лат. *macedonēse*²⁴, а из тур. *maydanoz* [Κωστάκης 1986b: 212] (как, впрочем, и в стандартном новогреческом —μαϊντανός/*majdanós*)²⁵
- *lulídi* ‘цветок’: вероятно, заимствована, как и в стандартном новогреческом (λουλούδι), из алб. *lulle*, *-ia*, а не непосредственно из лат. *lilium* ‘лилия’
- *maṣúka* ‘дубина’: попала в цаконский не прямо из лат. *mazúca*/*maxúca*²⁶, а из венец. *mazzòca*; лексема также представлена в стандартном новогреческом (ματσοúκα/*maṣúka*/ или ματσοúκι/*maṣúki*/) и по диалектам

Очевидно, что подобные заимствования следует считать не латинскими, а в лучшем случае венецианскими, турецкими и албанскими, если не настаивать на том, что они проникли из других диалектов или стандартного новогреческого. Видимо, так же следует относиться и к словам типа *bóra* ‘гроза’, которые, хотя и имеют греческий корень (βορέας/*boréas*/), скорее всего, были заимствованы (возможно, даже из лат. *borēus* ‘северный’)²⁷ и в цаконский попали уже из других диалектов.

3.2. Арабские заимствования

В «Словаре...» Фанасиса Костакиса обнаруживаются 14 лексем, которые автор предлагает считать арабизмами. О прямых контактах цаконцев с арабами ничего не известно. Вероятно, слова арабского происхождения могли попасть в цаконский либо через турецкий (и тогда их следует рассматривать как турецкие заимствования; см. раздел 3.9)²⁸, либо посредством стандартного новогреческого и его диалектов или даже других языков. Это можно проиллюстрировать на примере следующих параллелей:

- *avanaía* ‘доносительство’, ср. араб. *hawān* ‘предатель’, н.-греч. αβανιά/*avaníá*/ ‘предательство; несчастье’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 2], тур. *avanak* ‘лгун, врун’, а также в новогреческих диалектах: крит. *avvan'á* ‘доносительство’ [Πδομενέως 2006: 11], лесб./фесс. *avan'á* [Kretschmer 1905: 409; Χατζζάρας 1995: 41]²⁹
- *γarbi* ‘западный ветер’, ср. араб. *garbī* ‘западный’ (вероятно, через венец. *garbìn* ‘свежий ветер’³⁰ или тур. *garbi* ‘западный’), н.-греч. γαρμπής/*γarbis*/ ‘юго-западный ветер’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 297]
- *γazi* ‘вид шитья (частая стежка)’, ср. араб. *kazzy* ‘шелковый’, н.-греч. γαζί/*γazi*/ ‘(машинная) строчка, шов’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 292], тур. *gaz* ‘тюль’ и фесс. *γazónu* ‘шить на машинке’

²⁴ Значение лексемы неясно. Вероятно, она служит для обозначения какого-то вида петрушки.

²⁵ Впрочем, Николаос Андриотис [Ανδριώτης 1967: 193] считает, что в турецкий язык была напрямую заимствована греч. μακεδονήσι ‘вид петрушки’. Существует и другая точка зрения, согласно которой турецкая лексема восходит к индийскому (санскритскому?) слову *maidani* ‘ароматическое растение’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 813].

²⁶ Ср. онлайн версию [Du Cange et al. 1883—1887]: <http://ducange.enc.sorbonne.fr/maxuca> [дата обращения: 01.07.2016].

²⁷ В противном случае /b-/ должно было перейти в /v-/ , и лексема *bóra* превратилась бы в **vóra*.

²⁸ Скорее всего, именно из турецкого или стандартного новогреческого в цаконский попала и лексема персидского происхождения *sisané* ‘вид старинного ружья’, ср. тур. *şişane* и н.-греч. σισανές/*sisanés*/ [Τριανταφυλλίδης 2009: 1211].

²⁹ Это слово могло попасть в критский, лесбосский и фессалийский диалекты двумя путями: либо через турецкий язык, либо через итальянский. В описаниях фессалийского [Χατζζάρας 1995] и лесбосского диалектов [Kretschmer 1905] приводится этимология из итал. *avana*. Значение итальянской лексемы пока выяснить не удалось.

³⁰ Ср.: <http://www.dialecto-veneto.it/Vocabolario/Voc-g.htm> [дата обращения: 01.07.2016].

- *ḍrāmi* ‘мера веса (= 3,2 г.)’, ср. араб./тур. *dirhem* ‘драхма, малая мера веса’ (< др.-греч. δραχμή /drak^hmé:/), н.-греч. δράμι /ḍrāmi/ ‘мера веса; крайне малое количество’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 394]

3.3. Заимствования из славянских языков

Возвращаясь к вопросу о периодизации заимствований, вероятно, наиболее старыми из балканских следует считать славянские заимствования, традиционно связанные на Балканах со скотоводством. В цаконском они служат для обозначения разных характеристик скота:

- *bélo/béla*³¹ ‘баран/овца белого цвета’, ср.: праслав. *běľь(jь)* ‘белый’ [Трубачев 1975: 79—81]
 — *sívo* ‘светлое животное с черными прядями’, ср. серб./болг. *civ* ‘серый, сивый’ [Домосилецкая 2002: 449]³². Аналогичная лексема встречается и в северногреческих диалектах: фесс. *síva* ‘коза или другое животное пепельного цвета’
 — *rogáti/i?* ‘некастрированный козел/баран’, ср. болг. *rogач*; лексема встречается и в других новогреческих диалектах: эрат. *rugáti/ku*, кастел. *roⁿgátsiko* [МДАБЯ 2009: 46], фесс. *rungátsikus* ‘похотливый (о животных, редко о людях)’³³

К этой группе можно также отнести:

- *karíta/karúta* ‘корыто для поения скота’, ср. болг. *корито* [Трубачев 1984: 121—126], Гела/Равна *korító* ‘емкость, в которой дают соль скоту’, Гела *kurítu*, а также в новогреческих диалектах: кастел. *koríta* [МДАБЯ 2009: 206], фесс. *karúta* ‘деревянная кадка для стирки или грязной одежды’

Некоторые лексемы славянского происхождения имеют отношение к другим областям сельского хозяйства:

- *γradzúna* ‘бутылочная тыква’, ср. болг. *кратуна* ‘тыква’
 — *kósa* ‘коса’, ср. болг. *коса* [Трубачев 1984: 133—135] и в новогреческих диалектах: фесс./лесб. *kótsus*
 — *sané* ‘сено’, ср. Оток *síno*, Завала *sijéno*, Каменица/Пештани/Гела *séno*, Гела *sénu*, Равна *s’áno/s’enó*, а также в новогреческих диалектах: эрат./кастел. *sanó*. Это славянское заимствование зафиксировано и в албанском (*sanë*) и в арумьнском (Кранья/Турия *sanó*) [МДАБЯ 2009: 210—211]
 — *búxo* ‘пыль; очень высокая солома’, ср. болг. *пух* и фесс. *buxós* ‘пыль; пыльная солома’

Сфера употребления лексики славянского происхождения не ограничивается хозяйственной деятельностью, где контакты со славяноязычными жителями Балкан наиболее ожидаемы, но затрагивает и другие, иногда даже очень частные сферы, как, например, семья, традиции, черты характера, пища и явления природы:

- *zakóni* ‘обычай, привычка’, ср. макед. *закон* и фесс./лесб. *zakóni* ‘привычка, обычай’³⁴

³¹ Аналогичная лексема с тем же значением обнаруживается в фессалийском диалекте [Χαντζύρας 1995: 277], правда, в указанной работе дается ошибочная этимология от итал. *bello* ‘красивый’.

³² М. В. Домосилецкая также указывает на албанские, арумьнские и мегленорумынские параллели, поэтому нельзя быть уверенным, что в цаконский данная лексема попала именно из славянских языков.

³³ Лексема зафиксирована и в арумьнском: Кранья/Турия *rungáti/ku* ‘не полностью кастрированный баран’ [МДАБЯ 2009: 46].

³⁴ Лексема зафиксирована и в греческом диалекте Дропула (Албания), см. аудиофайл Dropull_Angeli_Virginia.wma (24:35) в архиве отдела европейстики МАЭ РАН. Справедливости ради стоит отметить, что и в цаконском, и в греческом диалекте Дропула лексема может быть не славянизмом, а албанизмом.

- *dobre* ‘прямой, искренний’, ср. болг. *добър* ‘добрый’
- *ximéli* ‘очень сладкое’, ср. болг. *хмел* ‘хмель’, а также крит. *ximeli* ‘вид растения; сладкий’ [Иδομενέως 2006: 569]
- *lútsa* ‘грязь, месиво’, ср. ст.-болг. *ложжа* ‘лужа’, серб.-хорв. *лужа* [БЕР 1986: 489], алб. *lluc|ë, -a* (заимствовано из славянских языков), фесс. *lug'á* ‘ил, земля, которая остается после разлива реки’
- *zúbere* ‘волк, приведение’, ср. болг. *зубър* ‘зубр, бизон’ и крит. *zúbero* ‘животное; человек, ведущий себя как животное’ [Иδομενέως 2006: 157]

Контакты цаконцев со славянами подтверждаются, как уже упоминалось в сноске 13, историческими источниками. По-видимому, эти контакты в целом мало чем отличались от общегреческих контактов со славянами. По крайней мере, подавляющая часть славянской лексики встречается и в других новогреческих диалектах. Например, лексема *dobre* обнаруживается еще в XII в. в «Стихотворениях» Птохопродрома (I.252) — *ντόμπρε /dóbre/* [Eideneier 1991: 106], а *sané* (σανό[ς] /sanó[s]/) зафиксирована даже в «Новогреческо-русском словаре» И. П. Хорикова и М. Г. Малева [1980: 679].

3.4. Заимствования из албанского языка

Лексика албанского происхождения, прежде всего, служит для обозначения опознавательных признаков скота:

- *bárfje* ‘беловатый козленок с пепельными отметинами’ < алб. (*i, e*) *bardh* ‘белый’
- *drén|je* ‘белоголовый козленок с черной грудью и черным телом’ < алб. *dren|e, -ia* ‘длиннорогая коза’
- *kórbe* ‘коза/козел/мул черного цвета’ < алб. *korb, -i* ‘обозначение животного черного цвета, собств. ворон, ворона’
- *kúk|e* ‘козленок белого цвета с кофейными/красноватыми пятнами’ < алб. (*i*) *kuq, (e) kuqe* ‘красный’
- *l|jare* ‘черно-белый (о любом животном)’ < алб. *lar|ë, -a* ‘пятно другого цвета по сравнению с цветом фона, животное с таким пятном’, ср. фесс. *l'ára* ‘белая коза (кличка животного)’ и *l'árus* ‘бык с черно-белыми пятнами’
- *mú|kure* ‘козленок с белыми пятнами на черной голове’ < алб. (*i, e*) *mushkër* ‘серый; серый козел’ [Домосилецкая 2002: 160, 163]
- *palivó* ‘беловатый (о козленке)’ < алб. (*i, e*) *balë* ‘белый (как правило, употребляется в производных, обозначающих окрас скота)’
- *vákrine* ‘овца/баран с белым телом, но черной головой и рогами’ < алб. *vakër* (возможно, через арумынский, см. арум. *ocren* ‘баран с черными ногами’, *ocrenã* ‘овца с черными ногами’) [Домосилецкая 2002: 138—139]
- *l|jupre* ‘коза/козел с маленькими ушами’ < алб. *çup, -i* ‘корноухий козел, баран’, ср. болг. *чун-, чунка* ‘поворот, изгиб’ и др. [Домосилецкая 2002: 90—91, 425]
- *l|jíte* ‘безрогий козленок’ < алб. *shut/shyt, -i* ‘безрогий баран, козел и т. п.’ (в албанский лексема заимствована из славянских языков)³⁵

Лексемы албанского происхождения также используются для номинации растений и цветов:

- *agóri|se* ‘дикая груша’ < алб. *goric|ë, -a* (лексема заимствована из славянских языков), ср.: фесс. *gurdz'á/gurtš'á* (см. также раздел 4)

³⁵ В отличие от приведенных выше многочисленных параллелей между цаконской и северногреческой лексикой славянского происхождения, термины для описания качеств животных албанского происхождения в цаконском совершенно не совпадают со списком, приводимым Паулем Кречмером для лесбосского диалекта [Kretschmer 1905: 403—404], и демонстрируют малочисленные совпадения с лексикой из фессалийского диалекта.

- *boṣṣiṭfi* ‘морской лук’ < алб. *boçk|ë, -a*
- *kalambúṭfi* ‘кукуруза’ < алб. *kallamboq, -i*

В ряде случаев албанизмы обозначают одежду:

- *ṭṣárka* ‘накидка пастухов, короткая шерстяная верхняя одежда’ < алб. *cerq|ë, -a* ‘подкрывало, обычно из козьей шерсти’ или *shark, -u* ‘шерстяная накидка’ (< лат. *sērica* ‘шелковые ткани’)
- *ṭṣongúni* ‘вязаная/тканая верхняя одежда с рукавами’ < алб. *sigun, -i*
- *fěrmeli* ‘парадный мужской жилет, который носили вместе с фустанеллой’ < алб. *fěrmel|e, -ja* ‘верхняя женская одежда без рукавов, вышитая золотом или серебром’; ср. фесс. *fěrmil* ‘вышитый жилет, который носят с фустанеллой’

Отдельно имеет смысл привести примеры разнородных по значению и поэтому не поддающихся очевидной классификации лексем:

- *fára* ‘род, племя’ < алб. *far|ë, -ja*, ср. фесс. *fára* ‘род, племя’
- *floyéra* ‘дудка, свирель’ < алб. *floyer|e, -ja*³⁶
- *ṽápika* ‘арванитский язык’ < алб. *lab, -i* ‘житель области *Labëri* в южной Албании’³⁷, ср. фесс. *ṽápis* ‘арванит-мусульманин’
- *sklěpa* ‘грязь/нечистота волос/тела’ < алб. *sklep|ë, -ja* ‘глазной гной’
- *vlámi* ‘возлюбленный, любовник’³⁸ < алб. *věllam, -i* ‘побратим’, ср. фесс. *vlámis* ‘побратим’
- *zvéрко* ‘затылок, шея’ < алб. *zverk, -u*

Большинство приведенных албанских заимствований характерно не только для цаконского диалекта, ср. н.-греч. *καλαμπόκι* /*kalambóki*/ ‘кукуруза’, *σβέρκος* /*zvérkos*/ ‘затылок, шея’, *φλογέρα* /*floyéra*/ ‘свирель’.

3.5. Заимствования из арумынского языка

Обнаруженные в цаконском диалекте арумынские лексемы связаны исключительно со скотоводством:

- *búṭṣiko* ‘козленок с пепельными отметинами на белой/золотистой/черной шерсти на теле/голове’ < арум. *buṭṣi* или *buṭṣicu* [Papaḡagi 1974: 290]; см. также арумынский материал в [МДАБЯ 2009: 42, 138, 160, 439]. Согласно данным, которые приводит М. В. Домосилецкая [2002: 420], *buç-/buş-* следует считать албано-арумынской изоглоссой с неясной этимологией
- *lájе* ‘овца/баран черного цвета’, ср. арум. (Кранья/Турия) *laj^u/laj* ‘черный (о баране)’ (< лат. *lābēs* ‘порок, позор’) и по новогреческим диалектам: эрат. *lāju* ‘черный (о баране)’, кастел. *lájо/lája* ‘черный (о баране/овце)’ [МДАБЯ 2009: 148—149], фесс. *lájus* ‘баран черного цвета’
- *mal’óra* ‘годовалая незабеременевшая овца; трехлетняя овца’ < арум. *milior/milioarǎ* ‘двухлетняя овца’ [Papaḡagi 1974: 798]; здесь, по-видимому, стоит говорить об албано-арумынской изоглоссе *milor/mior*, восходящей к лат. *agnellus* ‘ягненок’ [Домосилецкая 2002: 441], см. также [МДАБЯ 2009: 50—51, 54—55]; лексема встречается также в других новогреческих диалектах: эрат. *m’óra* ‘овца-ярка’, кастел. *milóra* ‘овца-первородка’ [МДАБЯ 2009: 54]

³⁶ См.: <http://www.seelrc.org:8080/albdict/> [дата обращения: 01.07.2016].

³⁷ Здесь имела место метатеза *alb- > lab-*. Благодарю А. Ю. Русакова, подсказавшего этимологию цаконской лексемы.

³⁸ Сейчас фамилия *Влáμις* часто встречается в Леонидионе.

— *strúnga* ‘загон с узким выходом, через который прогоняют мелкий рогатый скот для доения’ < арум. *strungă* [Papaahagi 1974: 1126]; албано-арумынская изоглосса *shtrunga/strungă* < праслав. *сѣрѣга* [Домосилецкая 2002: 453]; ср. по новогреческим диалектам: эрат. *strúnga*, кастел. *strúnga* [МДАБЯ 2009: 312—313], фесс. *strúnga* ‘временный загон для дойки овец и коз’

Другая тематика, видимо, связана с одеждой и вещами пастухов:

— *búrda* ‘мешок’ < арум. *burďă* ‘мешок из пеньки’, ср. алб. *burdh|ë, -a* ‘мешковина, ткань из грубостебельных волокон; мешок’ [Papaahagi 1974: 297]³⁹
 — *buznăra* ‘карман’ < арум. *buzunar* [Papaahagi 1974: 300]

3.6. Лексемы, имеющие параллели в (дако)румынском языке

Фанасис Костаки в «Словаре...» возводит семь цаконских лексем к (дако)румынским⁴⁰. Едва ли есть основания считать, что имело место непосредственное заимствование из дако-румынского, тем более что для всех лексем удалось обнаружить параллели в языках, с которыми цаконский контактировал напрямую:

- *kolástra* ‘молозиво (у скота); горячий напиток, получаемый путем легкого кипячения молозива’, ср. рум. *corásilă*; встречаются также варианты *colástră/culástra/colástru/corast(r)ă*; арум. *curastă/culastă*, мегл.-рум. *gulastră* ‘молозиво’ [Coteanu et al. 1998: 195, 225]⁴¹
- *kařúla* ‘пастушеский головной убор (капюшон?) конической формы’, ср. рум. *căci-úla* ‘шапка из овчины или другого меха’; арум./мегл.-рум. *cařúla* [Ciorănescu 2007: 131; Coteanu et al. 1998: 147], алб. *kaçul|e, -ja* ‘капюшон пастушьего (мехового или шерстяного) плаща, накидки; капюшон дождевика; детский шерстяной чепчик’, фесс. *kařúla/kařúla* ‘капюшон; маленький треугольный воздушный змей’
- *třúngo* ‘с обрубленной вершиной или обломанным краем’, ср. рум. *ciung* ‘с отрезанной или оторванной рукой, безрукий (о человеке); с отрубленными или обломанными ветвями (о дереве)’ [Coteanu et al. 1998: 182], алб. *cung, -u* ‘инвалид; безрогий’ [Домосилецкая 2002: 95; Ciorănescu 2007: 208]; варианты лексемы представлены по албанским диалектам: севернотоск. (Томоррица) *cungo* ‘пес с куцым хвостом’, южногерск. (Сулёва) *cungë, cungale* ‘куцехвостый’, с.-западногерск. *çũŋ* ‘безрогая коза’, *çũŋ* ‘однорогая коза’, *çũg* ‘однорогая корова’, а также в арумынском — *ciungu* ‘однорогий, со сломанным рогом’ [Домосилецкая 2002: 88, 96, 98—99]
- *kokóna* ‘черный моллюск размером с яйцо, укрывающийся в камнях (тушится с картофелем и баклажанами); девочка; маленький складной карманный нож с деревянной ручкой в форме женского тела’, ср. рум. *cicoană/cocoană/coană* ‘вежливое обращение к замужней женщине (устар.); девушка из княжеской семьи’ [Coteanu et al. 1998: 245]; болг. *кокона* ‘госпожа’, тур. *kokona* ‘женщина-немусульманка’, ср. [Ciorănescu 2007: 222], н.-греч. *kokóna/kokóna* ‘благородная госпожа’
- *tamalina* ‘мамалыга’, ср. рум. *tămăligă* ‘блюдо из кукурузной или, реже, просяной, гречневой и т. д. муки грубого помола’ [Coteanu et al. 1998: 608], арум. *tămălig*,

³⁹ В арумынский лексема попала из албанского [Orel 1998: 42], поэтому нельзя исключать, что в цаконский лексема заимствована не из арумынского, а также из албанского.

⁴⁰ Костаки [Κωστάκης 1986b: 157] ошибочно связывает *lavúto* ‘лютя’ с (дако)румынским. Нет сомнения, что эта лексема (как и н.-греч. *λαγούτο/lagúto*) заимствована из венец. *lauto* [Κριάρης 1985: 63, 71].

⁴¹ По мнению Александру Чорэнеску, лексема проникла в балканские (в том числе и новогреческий) именно из румынского [Ciorănescu 2007: 225].

алб. *mamaling|ë, -a* [Ciorănescu 2007: 487], *mamalig|ë, -a*⁴² или в Лешне *mëmëlig|e, -ja* [МДАБЯ 2013: 76]

- *klapátsa* ‘болезнь у скота, вызванная инфицированием печеночными трематодами’, ср. рум. *gălbează* ‘червь-паразит, живущий в желчных протоках овец и крупного рогатого скота (лат. *fasciola hepatica*); болезнь овец и крупного рогатого скота, вызванная этим паразитом’; ср. также: алб. *këlbaz|ë, -a* /*këljbazë*/ *gëlbazë* /*gëljba* [Домосилецкая 2002: 367], ср. [Coteanu et al. 1998: 413], арум. *gălbadză* [Ciorănescu 2007: 351]

Вероятно, указанные лексемы могли быть заимствованы в цаконский из арумьнского или албанского, или даже славянских языков. Не исключено, что некоторые из перечисленных слов попали в цаконский из стандартного новогреческого или других диалектов. Например, цак. *klapátsa* соответствует н.-греч. *κλαπάτσα* /*klapátsa*/ или *χλαπάτσα* /*χlapátsa*/ и фесс. *klapátsa* /*glapátsa* /*glabátsa* ‘болезнь печени у мелкого рогатого скота’ [Χαντζιάρας 1995: 208], а цак. *mamalina*, по-видимому, происходит из н.-греч. *μαμαλίγκα* /*mamalínga*/ или, возможно, из алб. *mamaling|ë, -a*, чем и объясняется появление цак. /*n*/ (*mamali-n-a*) вместо рум. /*g*/ (*mămăli-g-ă*).

3.7. Заимствования из венецианского диалекта итальянского языка

Венецианские слова, без сомнения, попали в цаконский до турецких. Почти все они встречаются в стандартном новогреческом и в ряде диалектов, тем не менее эти лексемы, скорее всего, попали в цаконский непосредственно из венецианского (таким же образом, как и в другие диалекты, только в меньшем количестве, поскольку цаконцы никогда не были под властью венецианцев). Наиболее вероятным местом языковых контактов был г. Нафплион, находящийся на берегу Коринфского залива прямо напротив цаконских сел. Слова венецианского происхождения большей частью отражают определенные явления или понятия, с которыми цаконцы могли столкнуться при общении с венецианцами. Прежде всего, эти лексемы связаны с морем — корабельным делом, названием рыб (или блюд из рыбы)⁴³:

- *álbure* ‘мачта’ < венец. *alboro*, ср. н.-греч. *άλμπουρο* /*álbuo*/
- *ýándzo* ‘железный якорь’ < венец. *ganzo* ‘крюк, крючок’ < др.-греч. *γαμπρός* /*gampsós*/ ‘кривой, искривленный’, ср. н.-греч. *γάντζος* /*gáñdzos*/ ‘металлический крючок, крюк’
- *timóni* ‘руль’ < венец. *timón*, ср. н.-греч. *τιμόνι* /*timóni*/
- *fanéla* ‘кофта, тельняшка’ < венец. *fanèla* ‘вязаная одежда’, ср. итал. *flanella* ‘фланель’ < англ. *flannel*; также ср. н.-греч. *φανελά* /*fanéla*/ ‘кофта из хлопка или шерсти’
- *barbúni* ‘полосатая барабуля, иначе: среднеземноморская султанка (лат. *mullus surmuletus*)’ < венец. *barbón* ‘черный сомик (лат. *ameiurus melas*)’, ср. н.-греч. *μπαρμπούνι* /*barbúni*/ ‘полосатая барабуля, иначе: среднеземноморская султанка’
- *rénga* ‘селедка (соленая)’ < венец. *rénga* ‘сельдь’, ср. н.-греч. *ρέγγα* /*rénga*/

Некоторые лексемы венецианского происхождения связаны с торговлей. Они обозначают сосуды для перевозки/хранения жидкостей и предметы импорта:

- *bótsa* ‘деревянный сосуд для вина, вмещающий около двух ок (≈ 3 л); соответствующий объем; объем около 9 л’ < венец. *bòza* ‘бутыль’, ср. ср.-греч. *μπότσα* /*m̀bótsa*/ ‘бочка вина или масла’ [Κριaráς 1990: 129]
- *mastélo* ‘железный сосуд для перевозки жидкостей’ < венец. *mastèlo* /*mastèla* ‘ушат, бадья’ < итал. *mastello* < др.-греч. *μαστός* /*mastós*/ ‘сосок, грудь, вымя’, ср. н.-греч. *μαστέλο* /*mastélo*/ ‘бочка’

⁴² См.: <http://www.seelrc.org:8080/albdict/> [дата обращения: 01.07.2016].

⁴³ Венецианские лексемы проверялись по словарю «Vocabolario Veneto-Italiano» (<http://www.dialettoveneto.it/Vocabolario-veneto.htm>) [дата обращения: 01.07.2016].

- *próka* ‘гвоздь’ < венец. *bròca*, ср. н.-греч. *πρόκα* /*próka*/
 — *vⁱóli* ‘скрипка’ < венец. *violin*, ср. итал. *violino*, н.-греч. *βιολί* /*vⁱolí*/⁴⁴

В пользу непосредственного общения цаконцев с венецианцами говорят заимствования разговорного типа: *várda* ‘осторожно, берегись’ < венец. *várda* ‘смотри, берегись’⁴⁵.

3.8. Заимствования итальянского происхождения

Когда и как появилась в цаконском итальянская лексика, сказать труднее. В частности, известно, что в годы Второй мировой войны цаконские села были оккупированы итальянцами. По рассказам местных жителей, поведение итальянских солдат вызывало негодование и приводило к постоянным конфликтам. Только с приходом немецких войск грабегам и бесчинствам был положен конец⁴⁶. Слов итальянского происхождения в цаконском на порядок больше, чем венецианских, однако надо учесть, что далеко не всегда лексемы венецианского и итальянского происхождения удается разграничить.

Пласт итальянской лексики в цаконском диалекте, как и в новогреческом, крайне обширен. В нем представлены разные части речи, в частности, очень много прилагательных и наречий⁴⁷, например:

- *áltre* ‘иначе’ < итал. *altro* ‘другой’
 — *aléyro* ‘подвижный’ < итал. *allegro* ‘веселый, бодрый’ (см. также раздел 4)
 — *alésta* ‘готовый’ < итал. *alla lesta* ‘быстро’
 — *brávo* ‘отлично, здорово’ < итал. *bravo*
 — *frésko* ‘свежий’ < итал. *fresco*
 — *kapátsο* ‘намеренный, способный’ < итал. *capace* ‘способный’
 — *máni* ‘быстро’ < итал. *in mano* ‘в руке, под рукой’
 — *skúre* ‘темный’ < итал. *oscuro*
 — *véne* ‘хорошо’ < итал. *bene*

Подавляющее большинство итальянских заимствований, наблюдаемых в цаконском, встречаются и в стандартном новогреческом, например:

⁴⁴ Сюда, вероятно, можно добавить цак. *lavúto* (см. сноску 40).

⁴⁵ В «Словаре...» Костакиса [Κωστάκης 1986а: 5, 43, 71, 187] как венецианские трактуются и следующие слова: *alakápa* ‘плохо’ (о значении этой лексемы см. также раздел 4) < венец.? *alla cappa*; *avérta* ‘свободно’ < венец.? *averto*, ср. н.-греч. *αβέρτος* /*avértos*/ ‘открытый’, в качестве этимологии новогреческой лексемы Николаос Андриотис [Ανδριώτης 1967: 2] приводит указанное слово из венецианского диалекта; *anababúla* ‘шум, беспокойство’ < венец.? *alababula* [Ανδριώτης 1967: 25]; *vlángo* ‘светло-красного (рыжеватого?) цвета (обычно о муле)’ < венец.? *blanco*, ср. итал. *bianco* ‘белый’. Значение и форму исходных лексем и выражений уточнить пока не удалось, и нельзя исключить, что заимствование имело место через язык-посредник. Отдельно можно отметить лексему *baráka* ‘дом, у которого открыты настежь все окна и двери’. Этимология этой лексемы пока неясна. Возможно, она восходит к венец. *baràca* ‘лачуга; праздник’. Лексема *πλαράκα* /*baráka*/ ‘деревянная хижина’ фиксируется и в средневековом греческом [Κριαράς 1990: 100].

⁴⁶ По-видимому, немцы поверили в то, что цаконцы — прямые потомки легендарных спартанцев, и поэтому создали им привилегированные условия. Тем не менее единственный фиксируемый в цаконском германизм — *sfá[n]dzika* ‘двадцатка (о деньгах)’ (< нем. *Zwanzige*) — попал в диалект задолго до немецкой оккупации и, вероятно, не из немецкого, а из других новогреческих диалектов, ср., например, у Александра Пападиамандиса в рассказе «Чудо Кесарийской Богоматери» («Τὸ Θαῦμα τῆς Καισαριανῆς», впервые опубликован в 1901 г.), где встречается лексема *σβάντζικα* /*svándzika*/ в том же значении [Παλαδιάντης 1988: 285].

⁴⁷ Из итальянского также заимствуются и служебные морфемы, например уменьшительно-ласкательный суффикс *-úfi* < итал. *-uccio*, однако в рамках настоящей статьи заимствования такого рода рассматриваться не будут.

- *alárɣa* ‘далеко’ < итал. *alla larga*, ср. н.-греч. *αλάρɣα* /alárɣa/
- *bizéli* ‘горошек’ < итал. *pisello*, ср. н.-греч. *μπιζέλι* /bizéli/
- *ɣarðéli* ‘шегол’ < итал. *cardello*, ср. н.-греч. *ɣαρðέλα* /ɣarðéla/ или *καρδέλι* /karðéli/
- *dávane* ‘овод, слепень’ < итал. *tafano*, ср. н.-греч. *τάβανος* /távanos/ или *ντάβανος* /dávanos/
- *evíva* ‘за ваше здоровье (пожелание при употреблении напитка)’ < итал. *evviva*, ср. н.-греч. *εβίβα* /evíva/
- *kalarízu* ‘забрасывать сеть’ < итал. *calare* ‘опускать’, ср. н.-греч. *καλάρω* /kaláro/
- *karóta* ‘шерстяной плащ’ < итал. *capotta* ‘длинное пальто’, ср. н.-греч. *καπότα* /karóta/
- *lemóni* ‘лимон’ < итал. *limone*, ср. н.-греч. *λεμόνι* /lemóni/
- *lúpine* ‘люпин (цветок/растение)’ < итал. *lupino*, ср. н.-греч. *λούπινο* /lúpino/
- *melidzána* ‘баклажан’ < итал. *melanzana*, ср. н.-греч. *μελιτζάνα* /melidzána/
- *miliúni* ‘огромное множество, толпа’ < итал. *milione* /milióne/ ‘миллион’, ср. н.-греч. *μλιούνι* ‘миллион’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 861], ‘огромное количество’ [Κριαράς 1988: 173]
- *móstra* ‘небольшой кусок ткани, образец’ < итал. *mostra* ‘показ’, ср. н.-греч. *μόστρα* /móstra/ ‘образец’
- *mútro* ‘морда’ < итал. *mùtria* ‘спесь, дерзкость’, ср. н.-греч. *μούτρο* /mútro/
- *niteréife* ‘интерес, выгода’ < итал. *interesse*, ср. н.-греч. *νιτερέεσο* /niteréso/ [Τριανταφυλλίδης 2009: 913]
- *punéndis* ‘западный ветер (зефир)’ < итал. *ponente*, ср. н.-греч. *πονέντες* /ponéndes/ или *πουνέντες* /punéndes/
- *ts’íe* ‘дядя’ < итал. *zio*, ср. н.-греч. *θείος* /thíos/
- *varóri/papóri* ‘пароход’ < итал. *vapore*, ср. н.-греч. *βαπόρι* /varóri/
- *varéla* ‘бочка’ < итал. *barile*, ср. н.-греч. *βαρέλα* /varéla/
- *váze* ‘ваза’ < итал. *vaso*, ср. н.-греч. *βάζο* /vázo/

Вполне вероятно, что итальянские заимствования, имеющие параллели в стандартном новогреческом, попали в цаконский не из итальянского, а из стандартного новогреческого или его диалектов. Показательными в этом плане оказываются слово *varéla*, женский род которого совпадает с новогреческой лексемой (итал. *barile* — мужского рода), и примеры, когда цаконская лексема по значению оказывается ближе к новогреческой, чем к итальянской: *paróla* ‘легкомысленная болтовня’ < итал. *parola* ‘слово’, ср. н.-греч. *παρόλα* /paróla/ ‘выскопарные, но пустые слова’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 1036].

Иногда цаконская лексема демонстрирует развитие значения по сравнению и с итальянской, и новогреческой: *pasarúk^{hu}* ‘брат, воровать’ < итал. *passare* ‘передавать’, ср. н.-греч. *πασάρω* /pasáro/ ‘давать, перевозить, помогать’ [Τριανταφυλλίδης 2009: 1039].

Для некоторых заимствований из итальянского, представленных в цаконском, не обнаруживаются очевидные параллели в стандартном новогреческом. К таким заимствованиям очевидным образом относятся предметы импорта:

- *beváda* ‘горячая вода; вино, разбавленное водой’ < итал. *bevanda* ‘напиток’
- *ólie* ‘очищенное оливковое масло’ < итал. *olio* ‘(растительное) масло’
- *panáda* ‘суп, хлебная похлебка’ < итал. *pane* ‘хлеб’
- *kapiróna* ‘плащ (чаще всего пастушеский)’ < итал. *capperone* ‘плащ от дождя’
- *bin’álo* ‘вилка’ < итал. *pugnale* ‘кинжал’
- *redidzéla* ‘сеточка’ → ‘тип шва, широкие рукава’ < итал. *reticella* ‘сетка, сеточка’

Кроме того, не имеют новогреческих параллелей отдельные заимствования, связанные с любовной тематикой и внешним видом:

- *mandinúda* ‘подруга; возлюбленная; любовница’ < итал. *mantenuta* ‘содержанка’

— *kolóro* ‘приятная внешность; процветание, успехи, рост (процесс)’ < итал. *colore* ‘цвет, вид’

Неожиданным образом среди слов итальянского происхождения обнаружили два термина, связанные с сельским хозяйством:

- *búrifa* ‘инфекционная (?) болезнь мелкого рогатого скота, особенно коз, по видимому, проявляющаяся в виде сыпи вокруг рта’ < итал. *morsa* ‘удила’
- *karóni* ‘откормленная птица (утка)’ < итал. *cappone* ‘каплун (кастрированный петух, откармливаемый на мясо)’

3.9. Турцизмы

В цаконском, как и во многих других новогреческих диалектах (а также и в стандартном новогреческом), наибольшее количество заимствованных слов — это слова турецкого происхождения. Об истории контактов цаконцев и турок известны, по крайней мере, четыре факта:

- 1) цаконцы, как и жители некоторых других горных областей (например, маниоты) не платили туркам подати и не имели постоянных наместников;
- 2) в XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби описал свои впечатления от встречи с цаконцами, см. [Βαγενῆς 1971: 135—137]; едва ли он осмелился отправиться в горные цаконские села, и его описание свидетельствует о том, что цаконцы плавали торговать и на заработки в турецкий Нафплион, где, несомненно, вступали в контакт с турками;
- 3) в 1826 г. турецкий полководец Ибрагим Паша (1789—1848), проходя по Пелопоннесу, напал на Прастос⁴⁸ и Кастанницу;
- 4) многие жители Прастоса ездили в Константинополь на заработки [Balta 2009: 181], богатые цаконские купцы активно торговали с Константинополем, а у некоторых из них там были свои лавки и дома.

Как было отмечено выше, скорее всего, большинство турцизмов попало в цаконский не напрямую из турецкого, а через другие новогреческие диалекты или из стандартного новогреческого:

- *akubéti* ‘в конце концов’ < тур. *akibet*, ср. н.-греч. *ακουμπέτι* /*akubéti*/ (см. также раздел 4)
- *alisiverisi* ‘обмен, торговля’ < тур. *alışveriş*, ср. н.-греч. *αλισ[ι]βερίσι* /*alis[i]verisi*/ ‘деловые отношения’
- *jeléki* ‘жилет’ < тур. *yelek*, ср. н.-греч. *γιλέκι* /*jiléki*/
- *závale* ‘несчастный’ < тур. *zavallı*, ср. н.-греч. *ζάβαλης* /*závalis*/ ‘несчастный человек, горемыка’

Тем не менее для некоторых цаконских турцизмов параллели в других диалектах (за исключением новогреческих диалектов Малой Азии) не так очевидны:

- *alám*[b?]i ‘смешной, постыдный’ < тур. *alem* ‘развлечение’ (см. также раздел 4)
- *avđzí* ‘охотник’ < тур. *avcı*

⁴⁸ Вероятно, по экономическим причинам жители покинули г. Прастос до этого события и переехали в Леонидион, Константинополь, Румынию и, возможно, Италию, см. также [Кисилиер 2014: 289—291]. Позже (скорее всего, уже после нападения Ибрагима) дома в Прастосе заселили окрестные цаконоязычные пастухи, прожившие там до 1960-х гг. В 1960 г. была построена дорога, соединившая по суше Цаконию с остальной материковой Грецией. Дорога прошла через Агиос Андреас, поэтому «новые» жители Прастоса вскоре покинули родной город и переселились в Агиос Андреас. Сейчас они выезжают в Прастос только на летний период и часто проводят там знаковые ритуальные обряды, например крестины.

Возможно, появление подобных лексем вызвано прямыми контактами с турками, в частности, в Константинополе.

В рамках настоящей статьи невозможно подробно описать турцизмы в цаконском диалекте. Пожалуй, в таком описании и нет необходимости: цаконская ситуация здесь не демонстрирует никаких отличий от общегреческой или даже общевосточной ситуации.

3.10. Заимствования из западноевропейских языков

Кроме упомянутых заимствований, в цаконском обнаруживаются отдельные лексемы из ряда европейских языков. Наличие этих заимствований, возможно, не свидетельствует о непосредственных контактах цаконского с французским, английским или испанским языками: большинство приведенных ниже лексем фиксируется и в стандартном новогреческом. **Лексика французского происхождения** связана с импортируемыми предметами или продуктами. Это одежда/ткани, обувь, мебель, еда/напитки и оружие:

- *botíni* ‘вид обуви’ < франц. *bottine* ‘ботинок’, ср. н.-греч. *μποτίνι* /botíni/ ‘(женские) полусапожки’
- *kamuzéla* ‘жилет’ < франц. *camisole* ‘кофта’
- *zúri* ‘подол иного цвета (нежели остальная ткань)’ < франц. *azur* ‘лазурь, синева’
- *pentófla* ‘тапок’ < франц. *pantoufle*, ср. н.-греч. *παντόφλα* /pandófla/ или *παντούφλα* /pandúfla/
- *kanapé* ‘диван’ < франц. *canapé*, ср. н.-греч. *καναπές* /kanapés/
- *sirópi* ‘сироп’ < франц. *sirap*, ср. н.-греч. *σίροπι* /sirópi/
- *tropíli* ‘торпеда, динамит’ < франц. *torpille*

У отдельных заимствований нет параллелей в стандартном новогреческом, например: *delíni* ‘крупный, рослый’ < франц. *vaisseau de ligne* ‘линейный корабль’.

Английские заимствования были, вероятно, привезены вместе с соответствующими предметами/продуктами:

- *rúmi* ‘ром’ < англ. *rum*, возможно, через итал. *rum*, см., например, [Τριανταφυλλίδης 2009: 1186], ср. н.-греч. *ρούμι* /rúmi/
- *mandaríni* ‘манدارин’ < англ. *mandarin*, ср. н.-греч. *μανταρίνι* /mandaríni/⁴⁹

Как и английские заимствования, **лексемы испанского происхождения**, очевидно, использовались для импортируемых товаров:

- *bakaláo* ‘соленая треска’ < исп. *bacalao* ‘треска’, ср. н.-греч. *μπακαλιάρος* /bakalíaros/ ‘соленая треска’
- *batáka* / *batáta* ‘картофель’ < исп. *patata*, возможно, через итал. *patata*, см., например, [Τριανταφυλλίδης 2009: 1041], ср. н.-греч. *πατάτα* /patáta/
- *kazáka* ‘рубашка с широкими рукавами’ < исп. *casaca* ‘тип мужского кафтана’
- *tabáko* ‘нюхательный табак’ < исп. *tabaco* ‘табак’, возможно, через итал. *tabacco*, см., например, [Τριανταφυλλίδης 2009: 1321], ср. н.-греч. *ταμπάκο[ς]* /tabáko[s]/

4. Информанты о лексике из «Словаря...» Фанасиса Костакиса

В ходе работы с информантами был поставлен следующий эксперимент: информантам из г. Леонидион и сел Мелана и Тирос выборочно предлагалась лексика (в том числе и заимствования) из первого тома «Словаря...» Фанасиса Костакиса [Κωστάκης 1986a]. Таким

⁴⁹ Возможно, Костакис был не прав, определяя данную лексему как английское заимствование [Κωστάκης 1986b: 212]. Нельзя исключать, что данная лексема попала в цаконский, например, из итальянского (*mandarino*), испанского (*mandarina*) или французского (*mandarine*).

способом, с одной стороны, проверялась употребительность слов, представленных в словаре, а с другой, — уточнялось их значение. Выяснилось, что многие лексемы, например *ávi* ‘охота’, *al'óri* ‘время после рассвета, но до того, как солнце оказалось в зените’, не опознаются носителями диалекта. Можно предположить, что «неопознанные» информантами лексемы либо уже исчезли из диалекта под влиянием стандартного новогреческого, либо не были обнаружены в ходе полевой работы, поскольку являются частными локальными вариантами.

Важно отметить, что все лексемы, которые Костакис отнес к пропонтийскому говору (см. раздел 1.2), были информантам неизвестны и поэтому в настоящей статье не рассматривались. Некоторые «узнанные» лексемы немедленно подверглись фонетической правке, в том числе и заимствованная лексика:

- *agóriŕse* ‘дикая груша’ (см. раздел 3.4) — исправлена на *angóriŕse* (Мелана), *ȳoritsáx-lade* (Тирос, информант-мужчина), *ȳoríŕse* (информант-женщина, родилась в Тиросе, вышла замуж в Мелану; говорит, что лексема означает ‘дикий’), *áȳria oxrá* (Васкина)
- *akubéti* ‘в конце концов’ (см. раздел 3.9) — исправлена на *akubéki* (Мелана; о значении см. ниже в этом разделе)⁵⁰
- *angazía* ‘принудительный труд, трудовая повинность’ — исправлена на *angaria* (Мелана, Тирос)⁵¹
- *angúzi* ‘огурец’ — исправлена на *angúri* (Мелана, Тирос)
- *akzivo* ‘дорогой’ — исправлена на *akrivó* (Мелана, информант-мужчина; женщины из Меланы и Тироса не исправили)
- *ák^hfiste* ‘грязный, немыйтый’ — исправлена на *ák^hziste* (информант-женщина, родилась в Тиросе, вышла замуж в Мелану), *ák^hriste* (Тирос, информант-мужчина)
- *aléȳro* ‘подвижный’ (см. раздел 3.8) — исправлена на *aléȳros* (Мелана, информант-мужчина)
- *érafŕe* ‘плуг’ — исправлена на *árafŕe* (Мелана, Тирос)

Некоторые лексемы знал только один из информантов (Мелана): *alám[b?]i* ‘смешной, постыдный’ (см. раздел 3.9), *ajedinitríta* ‘октябрь’. При этом он порой давал им иное значение, нежели Фанасис Костакис:

- *ayá* ‘богач’ (информант из Меланы), ср. у Костакиса ‘господин’ [Κωστάκης 1986а: 7]
- *alakápa* (см. сноску 45) ‘не в своем уме’ (информант из Меланы), ср. у Костакиса ‘плохо’ [Κωστάκης 1986а: 43]⁵²

Иногда информанты из разных сел давали разные значения лексемам из «Словаря...» Фанасиса Костакиса:

- *ajázi* ‘ночной зимний холод; иней, изморозь’ [Κωστάκης 1986а: 10—11], ср. ‘холод’ (Мелана), ‘сквозняк’ (Тирос)
- *akubéti* (см. раздел 3.9) ‘в конце концов’ [Κωστάκης 1986а: 40], информант из Меланы исправил на *akubéki*, ср. ‘так или иначе’ (Тирос)
- *eresári* ‘грубый, с плохими манерами, сварливый’ [Κωστάκης 1986а: 34], ср. ‘очень худой’ (Мелана, информант-мужчина), ‘вызывающий жалость’ (информант-женщина, родилась в Тиросе, вышла замуж в Мелану)

⁵⁰ Переход /ti/ > /ki/ — одно из характерных для цаконского фонетических явлений.

⁵¹ Интересно, что исправление предложили информанты старше 80 лет обоих полов, несмотря на то, что переход /t^hi/ > /k^hi/ представляет собой одну из ярчайших особенностей цаконской фонетики, характерную, прежде всего, для речи женщин, подробнее см. [Кисилиер, Федченко 2011: 263—264; Fedchenko 2013: 78—81]. Как видно из следующих примеров, подобное исправление не единично.

⁵² Оба исправления тем более поразительны, что и сам Фанасис Костакис — уроженец Меланы. Нельзя исключать того, что информант (в обоих случаях — один и тот же) мог нафантазировать.

5. Заключение

Анализ цаконской лексики позволяет сделать вывод о том, что в цаконском диалекте крайне мало своеобразных (собственно цаконских) слов. В нем, как и в большинстве новогреческих диалектов, наблюдаются обширные пласты турецкой и итальянской лексики, а также фиксируется балканская скотоводческая и хозяйственная терминология.

Можно утверждать, что цаконский непонятен носителям других диалектов новогреческого языка, прежде всего, не из-за лексических особенностей, а в связи с произошедшими в нем фонетическими изменениями, которые, в целом, описаны в работах М. Деффнера [Deffner 1881], Ф. Костакиса [Κωστάκης 1951] и А. Хараламбопулоса [Χαραλαμπίουλος 1980]⁵³, и лишь отчасти благодаря аналитическим формам настоящего времени и имперфекта, не встречающимся в других диалектах новогреческого языка [Кисилиер (в печати)].

Подавляющее большинство лексем (как заимствованных, так и нет) употребляется в стандартном новогреческом языке и/или фиксируется по диалектам. Едва ли этот факт исключает возможность прямых контактов между цаконским и языками, из которых произошли заимствования. Однако есть основания утверждать, что цаконский не существовал в изоляции, а контактировал и со стандартным новогреческим (прежде всего, в Прастосе, а позднее и в Леонидионе; см. сноску 55), и с другими новогреческими диалектами. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что цаконский мог обмениваться лексикой с рядом северногреческих диалектов (в частности, фессалийским и лесбосским)⁵⁴. Наличие только двух лексем славянского происхождения, имеющих параллели на Крите (*xuméli* и *zúbere*; см. раздел 3.3), напротив, свидетельствует о том, что критский диалект не входил в данный контактный ареал и в основном взаимодействовал с иными диалектами.

При сравнении цаконского с фессалийским и лесбосским выясняется, что совпадает почти вся лексика славянского происхождения, однако албанские заимствования, обнаруженные в цаконском, редко встречаются в указанных северногреческих диалектах и практически вовсе не употребляются там в скотоводческой терминологии. С одной стороны, можно предположить существование довольно ранних контактов цаконцев с албаноязычным населением Пелопоннеса (см. сноску 13). После того, как начался обмен лексикой между цаконцами и северногреческими диалектами (а иногда и напрямую со славянскими языками), заимствованные албанские слова не были заменены новыми славянскими (также и албанские лексемы из цаконского не попали в другие диалекты, так как соответствующие ниши были в них, по-видимому, уже заняты славянской лексикой). С другой стороны, нельзя исключать того, что цаконский входил в единое диалектное пространство не только с указанными северногреческими диалектами, но и с какими-то другими, в которых как раз и использовались скотоводческие термины албанского происхождения. Остается надеяться, что дальнейшее сопоставление цаконской лексики с лексикой других греческих диалектов позволит сделать более определенные выводы.

Похожая ситуация наблюдается и с заимствованиями из венецианского диалекта (см. раздел 3.7) и собственно итальянского языка (см. раздел 3.8), особенно теми, которые не фиксируются в стандартном новогреческом. Они не встречаются ни в северногреческих диалектах, ни, что более удивительно, на Крите, находившемся под венецианским владычеством. Вероятно, появление подобных слов в цаконском — это результат непосредственного длительного общения с либо венецианцами, либо с носителями других (правда, пока не ясно, каких именно) новогреческих диалектов.

⁵³ Эти фонетические изменения настолько значительны, что Б. Ньютон даже решил не включать цаконский в свою классификацию новогреческих диалектов, базирующуюся на фонетических признаках, см. [Newton 1972].

⁵⁴ Не исключено, что связь цаконского с указанными северногреческими диалектами обеспечивалась и поддерживалась благодаря активным контактам с Константинополем (см. раздел 3.9), греческий диалект которого также является северногреческим, подробнее см. [Федченко (в печати)].

Итак, в цаконском есть лексемы, пока не зафиксированные в других диалектах. Их мало, и они включают в себя, в первую очередь, немногочисленные древнегреческие слова (см. раздел 2.1), отдельные заимствования (отсутствие которых в других диалектах необходимо еще дополнительно проверить) и некоторые лексические новообразования, созданные на базе общегреческих корней, например:

- *lipsaté* ‘требующий поливки (о дереве)’, ср. н.-греч. δίψα /dípsa/ ‘жажда’
 — *xol'até* ‘грустный’, ср. н.-греч. μελαγχολία /melanxolía/ ‘грусть, тоска’

Число таких новообразований незначительно и, скорее всего, соответствует количеству подобных слов в других диалектах новогреческого языка. Поскольку значительная часть общедиалектного лексического фонда вошла в стандартный новогреческий, совпадение большинства цаконских и новогреческих слов не должно вызывать удивления. Другая (не менее важная) причина столь многочисленных лексических совпадений между цаконским и стандартным новогреческим обусловлена тем, что носители цаконского в течение весьма длительного времени находились в ситуации диглосии, то есть владели и диалектом, и стандартным языком⁵⁵.

Очевидно, что распространенную гипотезу о «закрытости» цаконского диалекта следует признать неверной. Как можно было убедиться выше, цаконский контактировал с разными языками (балканскими, итальянским и его диалектами, турецким) и, несомненно, обменивался лексикой с диалектами Северной Греции. Подобный вывод заставляет, с одной стороны, искать новые объяснения уникальных фонетических особенностей цаконского диалекта, а с другой — более активно сопоставлять цаконский с другими новогреческими диалектами, нежели это делалось до сих пор.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1⁵⁶

Базисная лексика цаконского диалекта: 110-словный список

1) ‘белый’	1) <i>lekó</i> (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина) < др.-греч. λευκός; ср. н.-греч. λευκός 2) <i>ástre</i> (Кастаница); ср. н.-греч. άστρος
2) ‘близко’	1) <i>kondá</i> (passim); ср. н.-греч. κοντά 2) <i>dípa</i> (Прастос, Мелана, Васкина); ср. н.-греч. δίπλα
3) ‘большой’	<i>aífē</i> (Прастос, Тирос, Васкина, Кастаница), <i>aísé</i> (Мелана) < др.-греч. άδρός ‘взрослый, большой, сильный’; ср. н.-греч. αδρός ‘толстый, крупный’
4) ‘весь, всё’	<i>óle, óa</i> (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), <i>úle</i> (Кастаница) < др.-греч. όλος; ср. н.-греч. όλος
5) ‘ветер’	<i>aéra</i> (passim); ср. н.-греч. αέρας
6) ‘видеть’	<i>orú</i> (passim), <i>orúku</i> (Мелана) < др.-греч. όρώ

⁵⁵ На это, в частности, указывает следующее: у цаконцев издавна были распространены браки с носителями других диалектов (независимо от пола), при этом «приезжие» члены семейств практически никогда не овладевали диалектом; многие цаконские пастухи до 1960 г. (то есть до строительства дороги; см. сноску 8) зимовали со скотом вне Цаконии, например жители Васкины проводили зиму в Лаконии недалеко от Спарты; по-видимому, богатые и образованные купцы из Прастоса, позже переехавшие в Леонидион (см. сноску 48), по-цаконски не разговаривали [Кисилиер 2014: 290—291]. Диалектом владели, в первую очередь, пастухи и моряки. Можно даже предположить, что на каком-то этапе цаконский мог выполнять роль социолекта или даже lingua franca и лишь потом стал «полноценным диалектом». На это, в частности, косвенным образом указывает отсутствие песенного фольклора на цаконском диалекте [Кисилиер 2016]. Впрочем, данный вопрос требует отдельного рассмотрения и не может быть проанализирован в рамках настоящей статьи.

⁵⁶ Лексика, представленная в Приложениях, была собрана в ходе полевых исследований 2012—2016 гг.

- 7) 'вода' *ío* (passim) < др.-греч. ὕδωρ
- 8) 'волосы (мн. ч.)' 1) *ífxe* (Прастос, Васкина, Кастанница), *ífxe*, *ífxa* (Мелана) < др.-греч. τρίχες; ср. н.-греч. τρίχες
2) *malía* (Кастанница); ср. н.-греч. μαλλιά
- 9) 'вошь' *psíra* (Прастос, Тирос, Васкина), *psíre* (Мелана)⁵⁷, *pfíra* (Кастанница); ср. н.-греч. ψείρα
- 10) 'глаз' *psilé* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *epfilé* (Кастанница) < др.-греч. (дор.) ὀπίλος
- 11) 'говорить' *aú* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *lalú* (Кастанница) < др.-греч. λαλῶ (λαλέω) 'болтать', греч. койне 'говорить'; ср. н.-греч. λαλῶ 'говорить, болтать'
- 12) 'год' *xróne* (passim); ср. н.-греч. χρόνος
- 13) 'голова' *ísufá* (Прастос, Мелана, Васкина, Кастанница), *ísufá*, *ípufá* (Тирос), *ísufála* (Кастанница) < др.-греч. κεφαλῆ; ср. н.-греч. κεφάλι
- 14) 'гора' 1) *vné* (Прастос) < др.-греч. βουνός 'холм'; ср. н.-греч. βουνό 'гора'
2) *sína* (Мелана), *fína* (Васкина, Кастанница) < др.-греч. θίς, θινός 'куча песка' [Κωστάκης 1987: 144] или др.-греч. ὄρεινός 'горный'
- 15) 'грудь' 1) *stíthos* (Прастос, Тирос), *stíthi* (Васкина, Кастанница — мн. ч.); ср. н.-греч. στήθος
2) *mastári* (Мелана)⁵⁸; ср. н.-греч. μαστάρι 'вымя, грудь'
- 16) 'давать' *díu* (passim); ср. н.-греч. δίνω
- 17) 'далеко' 1) *makría* (passim); ср. н.-греч. μακριά
2) *alárɣa* (Мелана) < итал. *alla larga*; ср. н.-греч. αλάρɣα
- 18) 'два' *díu* (passim); ср. н.-греч. δύο
- 19) 'дерево' *ðendrikó* (Прастос, Мелана), *ðendzíkó* (Тирос, Васкина), *ðéndri* (Мелана), *ðédzi* (Кастанница); ср. н.-греч. δέντρο
- 20) 'длинный' *makrie* (Прастос, Кастанница), *makrú* (Мелана) < др.-греч. μακρός; ср. н.-греч. μακρός
- 21) 'дождь' *vréxo* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *vréxunda* (Кастанница — глагол, мн. ч.) < др.-греч. βρέχω 'орошать, увлажнять'; ср. н.-греч. βροχή 'дождь'
- 22) 'дорога' *poría* (passim), *pozía* (Мелана) < др.-греч. πορεία 'путь'; ср. н.-греч. πορεία
- 23) 'дым' *kapné* (Прастос, Мелана, Кастанница), *kapiné* (Тирос, Васкина) < др.-греч. καπνός; ср. н.-греч. καπνός
- 24) 'есть, кушать' *ífu* (Прастос, Мелана), *ípfi* (Тирос, Васкина, Кастанница); ср. н.-греч. τρώω
- 25) 'жёлтый' *ísitrine* (passim); ср. н.-греч. κίτρινος
- 26) 'женщина' *ɣunéka* (passim) < др.-греч. γυναῖκα (винит. п.); ср. н.-греч. γυναίκα
- 27) 'жечь' *ðésu* (passim) < др.-греч. δαίω
- 28) 'живот' *fúk^ha* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *fúka* (Кастанница) < др.-греч. φύσκη 'толстая кишка'; ср. н.-греч. φούσκα 'пузырь'
- 29) 'жир' *ksíngi* (Прастос, Тирос, Кастанница), *ksígi* (Васкина, Мелана); ср. н.-греч. ξίγκι
- 30) 'звезда' *áfi* (Прастос, Васкина), *áfífi* (Тирос, Мелана), *áfí*, *áfi* (Тирос), *áftri*, *ástri* (Тирос, Мелана), *ási* (Мелана), *astéri* (Кастанница); ср. н.-греч. αστέρι
- 31) 'зелёный' *prásine* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *práfine* (Кастанница) < др.-греч. πράσινος; ср. н.-греч. πράσινος
- 32) 'земля, почва' *xóma* (Прастос, Тирос, Васкина, Кастанница), *xomáisi* (Мелана — диминутив), *xúma* (Васкина) < др.-греч. χώμα 'насыпь, вал'; ср. н.-греч. χώμα 'земля, почва'

⁵⁷ Возможно, имеется в виду мн. ч.

⁵⁸ Скорее всего, здесь речь идет о вымени.

- 33) 'змея' *úthi* (Прастос, Мелана, Кастаница), *újthi* (Тирос) < др.-греч. ὄφις
- 34) 'знать' *kséru* (passim); ср. н.-греч. ξέρω
- 35) 'зола' *spoia* (Прастос, Мелана, Васкина), *spoia* (Тирос), *spoila* (Кастаница) < др.-греч. σποδός; ср. н.-греч. σποδός
- 36) 'зуб' *ónda* (passim) < др.-греч. ὀδόντιον; ср. н.-греч. δόντι
- 37) 'идти' *éngu* (passim) < др.-греч. ἄγω 'вести' [Κωστάκης 1986а: 283]; ср. н.-греч. ἀγω или др.-греч. ἔρχομαι 'идти'; ср. н.-греч. ἐρχομαι
- 38) 'имя' *ónoma* (Прастос, Тирос, Мелана, Кастаница), *ónuma* (Васкина) < др.-греч. ὄνομα; ср. н.-греч. ὄνομα
- 39) 'камень' *péŋe* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина, Кастаница), *péŋi* (Тирос), *péŋse*, *péŋune* (Мелана), *péŋune* (Прастос, Тирос) < др.-греч. πέτρα 'скала'; ср. н.-греч. πέτρα 'камень'
- 40) 'кожа' 1) *dérma* (Прастос), *zérma* (Кастаница); ср. н.-греч. δέρμα
2) *mázi* (Тирос, Васкина); ср. н.-греч. μουλλάρι 'мул'
3) *petsi* (Мелана); ср. н.-греч. πετσί
- 41) 'колени' *yónato* (Прастос), *yónaté* (Мелана, Кастаница); ср. н.-греч. γόνατο
- 42) 'кора' *flúda* (Прастос, Васкина, Кастаница), *frúda* (Васкина); ср. н.-греч. φλούδα
- 43) 'корень' *fínda* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *ríze* (Мелана), *riza* (Кастаница) < др.-греч. ῥίζα; ср. н.-греч. ρίζα
- 44) 'короткий' *kondé* (Прастос, Тирос, Мелана), *kodé* (Кастаница); ср. н.-греч. κοντός
- 45) 'кость' *kókale* (Прастос, Тирос, Васкина), *kokáli* (Кастаница); ср. н.-греч. κόκαλο
- 46) 'красный' *koŋsiné* (Прастос, Мелана), *koŋíné* (Тирос, Кастаница) < др.-греч. κόκκινος 'багряный, красный'; ср. н.-греч. κόκκινος 'красный'
- 47) 'кровь' *éna* (passim) < др.-греч. αἷμα; ср. н.-греч. αἷμα
- 48) 'круглый' 1) *strođzilé* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *stronđzilé* (Тирос, Мелана), *strongilé* (Васкина) < др.-греч. στρουγγύλλος 'крученный, закругленный, круглый'; ср. н.-греч. στρουγγύλος 'круглый'
2) *xodré* (Кастаница) < др.-греч. χονδρός 'зернистый'; ср. н.-греч. χοντρός 'толстый'
- 49) 'крыло' *fieré* (passim), *fieró* (Васкина); ср. н.-греч. φτερό
- 50) 'кто' *pie* (passim) < др.-греч. ποῖος 'какой'; ср. н.-греч. ποῖός 'кто'
- 51) 'кусать' *kaŋsinu* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *taŋsinu* (Кастаница); ср. н.-греч. τσакόνω 'хватать'?
- 52) 'лежать' *ŋsaprúk^hu* (Прастос, Васкина), *ŋsapríku* (Мелана), *ksaprík^hu* (Тирос), *ksaplúk^hu* (Кастаница); ср. н.-греч. ξαπλώνω
- 53) 'летать' 1) *ŋferuyizu* (Мелана), *ŋferizu* (Васкина); ср. н.-греч. φτερό
2) *petú* (Кастаница); ср. н.-греч. πετώ (πετάω)
- 54) 'лист' *filo* (Прастос), *fio* (Мелана), *fili* (Прастос, Тирос, Кастаница); ср. н.-греч. φύλλο
- 55) 'луна' *fengári* (Прастос, Кастаница), *fengázi* (Тирос, Мелана, Васкина); ср. н.-греч. φεγγάρι
- 56) 'маленький' *mísi* (passim), *miŋí*, *miŋsi* (Мелана) < др.-греч. μικρός; ср. н.-греч. μικρός
- 57) 'много' 1) *páfi* (Прастос, Кастаница) < др.-греч. πᾶς 'весь'
2) *preŋé* (Тирос), *preŋú* (Мелана, Васкина) < др.-греч. περισσός 'чрезмерный'; ср. н.-греч. περισσός 'очень большой'
- 58) 'мужчина' *áfopó* (passim) < др.-греч. ἄνθρωπος 'человек'; ср. н.-греч. ἄνθρωπος
- 59) 'мы' *eni* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *emi* (Кастаница) < др.-греч. ἡμεῖς; ср. н.-греч. εμεῖς

- 60) 'мясо' *krie* (passim) < др.-греч. κρέας; ср. н.-греч. κρέας
- 61) 'не' *o* (passim) < др.-греч. οὐκ
- 62) 'новый, молодой' *néo* (Прастос, Тирос, Васкина), *n'éo* (Мелана), *néu* (Кастаница) < др.-греч. νεός; ср. н.-греч. νέος
- 63) 'нога' *ría* (passim) < др.-греч. ποῦς; ср. н.-греч. πόδι
- 64) 'ноготь' *níxi* (passim); ср. н.-греч. νύχι
- 65) 'нос' *fúk^ho* (passim), *súk^ho* (Мелана) < др.-греч. ῥύγχος 'морда, рыло'; ср. н.-греч. ῥύγχος 'рыло, морда'
- 66) 'ночь' *n'út^ha* (passim) < др.-греч. νύκτα (вин. п.); ср. н.-греч. νύχτα
- 67) 'облако' *sínefo* (Прастос, Тирос, Васкина, Кастаница), *sinefátsi* (Мелана — диминутив); ср. н.-греч. σύννεφο
- 68) 'огонь' *k^hára* (passim) < др.-греч. ἔσχαρα 'очаг'; ср. н.-греч. σχάρα 'гриль'
- 69) 'один' *éna* (passim); ср. н.-греч. ένας
- 70) 'песок' *ámo* (passim) < др.-греч. ἄμμος; ср. н.-греч. άμμος
- 71) 'печень' *fíkóki* (Прастос, Кастаница), *sikóki* (Мелана), *skóki* (Тирос, Васкина); ср. н.-греч. σικώτι
- 72) 'пить' *kínu* (passim), *kíu* (Кастаница) < др.-греч. πίνω; ср. н.-греч. πίνω
- 73) 'плавать' *pléu*, *préu* (passim) < др.-греч. πλέω; ср. н.-греч. πλέω
- 74) 'полный' 1) *jemáte* (Прастос), *jomáte* (Тирос, Васкина), *jomák^hu* (Васкина); ср. н.-греч. γεμάτος
2) *fularisté* (Мелана); ср. н.-греч. φουλάρω 'наполнять целиком'
3) *xodré* (Прастос), *xondré* (Кастаница) < др.-греч. χονδρός 'зернистый'; ср. н.-греч. χοντρός 'толстый'
- 75) 'приходить, идти' *baríu* (Прастос, Мелана, Васкина), *paríu* (Тирос, Васкина, Кастаница), *par^sinde* (Тирос — мн. ч.) < др.-греч. πάρεσι
- 76) 'птица' *pulí* (passim); ср. н.-греч. πουλί
- 77) 'рог' 1) *tsérate* (Прастос, Васкина, Кастаница), *tsérato* (Мелана); ср. н.-греч. κέρατο
2) *ifóxane* (Тирос, Васкина) < др.-греч. τρώξανον 'ветка, прут' [Κωστήκης 1987: 285]
3) *tjépi* (Васкина) — этимология неясна
- 78) 'рот' *t^húma* (passim) < др.-греч. στόμα; ср. н.-греч. στόμα
- 79) 'рука' *xéra* (passim) < др.-греч. χέρα (вин. п.); ср. н.-греч. χέρι
- 80) 'рыба' *psári* (Прастос, Васкина), *psáriyi* (Мелана), *pfádzi* (Тирос), *psára* (Кастаница); ср. н.-греч. ψάρι 'рыба'
- 81) 'семя, росток' 1) *p^hláma* (Прастос), *p^hráma* (Васкина — только о пшенице), *p^hirátsi* (Мелана) < др.-греч. σπέρμα; ср. н.-греч. σπέρμα
2) *spóre* (Васкина, Кастаница) < др.-греч. σπόρος 'посев'; ср. н.-греч. σπόρος 'семя'
- 82) 'сердце' *karóia* (passim) < др.-греч. καρδία; ср. н.-греч. καρδιά
- 83) 'сидеть' *kafimene* (Прастос, Тирос, Кастаница), *katsimene* (Прастос), *kasimene* (Мелана, Васкина), *katjimene* (Кастаница) < др.-греч. κάθημαι; ср. н.-греч. κάθομαι
- 84) 'слышать' *níu* (passim) < др.-греч. νοέω 'замечать, понимать'
- 85) 'собака' *kúe* (passim) < др.-греч. κύων
- 86) 'солнце' *il'e* (passim); ср. н.-греч. ἥλιος
- 87) 'соль' *átfi* (Прастос), *átsi* (Тирос, Мелана, Кастаница), *átsi* (Мелана, Васкина); ср. н.-греч. αλάτι

- 88) 'спать' 1) *k'ífú* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина) < др.-греч. κούπτω 'наклоняться'
2) *prajázu* (Кастаница); ср. н.-греч. πλαγιάζω 'укладывать (в постель)'
- 89) 'стоять' 1) *kafímene* (Прастос, Тирос, Кастаница), *kaśimene* (Прастос), *kasimene* (Мелана), *kaifimene* (Кастаница) < др.-греч. κάθημαι 'сидеть'; ср. н.-греч. κάθομαι
2) *stéku* (Васкина); ср. н.-греч. στέκο
- 90) 'сухой' 1) *stejné* (passim) < др.-греч. στεγ[α]νός 'покрывающий, защищающий'; ср. н.-греч. στεγνός 'сухой, высохший'
2) *psaxné* (Прастос) < ср.-греч. ψαχνός [Κωστάκης 1986b: 373]
- 91) 'тёплый' *ʃonisté* (passim); ср. др.-греч. θερμίζω 'испытывать жар'
- 92) 'тонкий' 1) *adínate* (Прастос, Тирос); ср. н.-греч. αδύνατος
2) *liyné* (Мелана); ср. н.-греч. λιγνός
3) *lepté* (Кастаница) < др.-греч. λεπτός 'тонкий'; ср. н.-греч. λεπτός 'тонкий'
- 93) 'тот' *étine* (passim), *ét'ono* (Прастос), *éndeni* (Тирос, Мелана), *étrere* (Кастаница) < др.-греч. ἐκεῖνος; ср. н.-греч. εκείνος
- 94) 'ты' *ek'ú* (passim); ср. н.-греч. εσύ
- 95) 'тяжёлый' *varie* (Прастос), *vari* (Мелана), *varis* (Кастаница); ср. н.-греч. βαρύς
- 96) 'убивать' *eskotúka* (Прастос — аорист), *skotúmu* (Тирос, Мелана), *skotúk'u* (Васкина), *kotúk'u* (Кастаница); ср. н.-греч. σκοτώνω
- 97) 'умирать' *beθénu* (Прастос), *penáka* (Прастос, Кастаница — аорист), *penák'u* (Тирос, Мелана, Васкина); ср. н.-греч. πεθαίνω
- 98) 'ухо' *avutána* (passim); ср. н.-греч. αφτί
- 99) 'хвост' *urá* (passim), *nurá* (passim), *núrle* (Прастос) < др.-греч. οὐρα; ср. н.-греч. ουρά
- 100) 'холодный' *psuxré* (Прастос, Мелана, Васкина), *ps'ukré* (Тирос) < др.-греч. ψυχρός; ср. н.-греч. ψυχρός
- 101) 'хороший' *kalé* (passim) < др.-греч. καλός 'прекрасный'; ср. н.-греч. καλός 'хороший'
- 102) 'человек' *átʃoro* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *ánθoro* (Тирос, Кастаница) < др.-греч. ἄνθρωπος; ср. н.-греч. άνθρωπος
- 103) 'червь' *kóaka* (Прастос), *k'óaka* (Тирос, Мелана), *kólaka* (Кастаница) < др.-греч. σκόληκα (винит. п.)
- 104) 'черный' *kuváne* (passim) < др.-греч. κυανός 'темно-синий, темный, черный'
- 105) 'что' *tsi* (passim) < др.-греч. τι; ср. н.-греч. τι
- 106) 'шея' *lemó* (Прастос, Тирос, Васкина, Кастаница), *lemé* (Мелана) < др.-греч. λαϊμός 'гортань, горло'; ср. н.-греч. λαϊμός 'шея, горло'
- 107) 'этот' *édeni* (passim), *éndeni* (Тирос), *édari* (Прастос), *éderi* (Кастаница) < др.-греч. ἐκεῖνος 'тот'; ср. н.-греч. εκείνος
- 108) 'я' *ezú* (passim) < др.-греч. ἐγώ; ср. н.-греч. εγώ
- 109) 'язык' *yrúsa* (passim) < др.-греч. γλῶσσα; ср. н.-греч. γλώσσα
- 110) 'яйцо' *avγó* (Прастос, Кастаница), *avγó* (Тирос, Мелана, Васкина), *avulátsi* (Мелана — диминутив); ср. н.-греч. αβγό

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Базисная лексика цаконского диалекта: Продолжение

- 111) 'бежать' 1) *ʃfáxu* (passim), *tsaxíðu* (Мелана) < др.-греч. τρέχω; ср. н.-греч. τρέχω
2) *ðraníndu* (Тирос, Мелана) < др.-греч. непрезентная основа δραίνω
- 112) 'бить' *ðíu* (Прастос, Тирос, Мелана, Кастаница), *díu* (Васкина) < др.-греч. ἐκδίδωμι 'выдавать'; ср. н.-греч. εκδίδω [Κωστάκης 1987: 308]

- 113) 'бояться' *fozúmene* (Прастос, Мелана) *fovúmene* (Тирос); ср. н.-греч. φοβάμαι
- 114) 'бранить, ругать' *maínu* (passim); ср. н.-греч. μαλώνω
- 115) 'вдыхать' 1) *anasénu* (Прастос, Мелана); ср. н.-греч. ανασαίνω
2) *anapnéu* (Тирос, Кастанница) < др.-греч. ἀναπνέω; ср. н.-греч. αναπνέω
- 116) 'веревка' *déna* (passim) < ср.-греч. δέμα [Ανδριώτης 1967: 74]
- 117) 'внутренности (мн. ч.)' 1) *spláxna* (Прастос, Тирос, Кастанница < др.-греч. σπλάγχνα; ср. н.-греч. σπλάγχνα
2) *fothiká* (Мелана); ср. н.-греч. σωθικά
- 118) 'внутри, внутри' *tásu* (passim) < др.-греч. τὰ ἔσω 'то, что внутри'; ср. н.-греч. τα ἔσω
- 119) 'вращать, крутить' *jurízu* (passim) < др.-греч. γύρος 'круг'; ср. н.-греч. γυρίζω 'вращать, крутить'
- 120) 'вы' *emú* (passim) < др.-греч. ὑμεῖς
- 121) 'где (вопросит.)' *k'a* (passim) < др.-греч. (дор.) πᾶ
- 122) 'глотать' 1) *kínu* (Прастос, Мелана, Кастанница) < др.-греч. πίνω 'пить'; ср. н.-греч. πίνω
2) *rujíu* (Тирос); ср. н.-греч. ρουφώ
- 123) 'гнилой, порченный' 1) *sáprie* (Прастос, Мелана), *sáprie* (Кастанница); ср. н.-греч. σαπρός и σάπιος
2) *xai^hé* (Тирос); ср. н.-греч. χάνω 'терять'
- 124) 'грязный' 1) *vromú* (Прастос, Тирос, Кастанница); ср. н.-греч. βρώμικος
2) *neruté* (Мелана) — этимология неясна
- 125) 'делить, разводить' *xurízu* (passim), *xuzízu* (Васкина), *xuríu* (Мелана) < др.-греч. χωρίζω; ср. н.-греч. χωρίζω
- 126) 'день' *méra* (passim), *améra* (Тирос, Мелана, Васкина) < др.-греч. (дор.) ἡμέρα; ср. н.-греч. ημέρα
- 127) 'держатъ' 1) *ik^hu* (Прастос, Мелана, Васкина) < др.-греч. ἴσχω
2) *k^hondúk^hu* (Тирос, Васкина), *kodúku* (Кастанница) < н.-греч. κοντά 'близко' [Κωστάκης 1986b: 102]
- 128) 'другие' *áli* (passim); ср. н.-греч. ἄλλοι
- 129) 'думать' 1) *eyúmene* (Прастос) < др.-греч. ἠγέομαι 'полагать, считать'
2) *skengúmene* (Тирос), *skefkúmene* (Мелана), *st̄septúmene* (Кастанница); ср. н.-греч. σκέφτομαι
- 130) 'дуть' *fusú* (passim), *fusíndu* (Васкина) < др.-греч. φυσάω (φυσῶ)
- 131) 'если' 1) *ána* (Прастос), *an* (Кастанница) < др.-греч. ἄμα 'в то же время'; ср. н.-греч. ἄμα 'если'
2) *an* (Тирос) < др.-греч. ἄν 'бы'; ср. н.-греч. αν 'если'
- 132) 'жать, давить' 1) *zulíxu* (Кастанница, *zulía* (Прастос — аорист); ср. н.-греч. ζουλώ
2) *zurú* (Мелана); ср. н.-греч. ζουπάω (ζουλώ)
- 133) 'животное' *zóo* (passim), *zúo* (Мелана); ср. н.-греч. ζῷο
- 134) 'жить' [*a*] *ramú* (passim) < ἄραμεν у Гезихия (IV в. н. э.) [Κωστάκης 1986a: 126]
- 135) 'закальвать' *maxerúk^hu* (Тирос), *maxerúku* (Кастанница), *maxerúnu* (Мелана); ср. н.-греч. μαχαρώνω
- 136) 'здесь' 1) *óreyi* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина) < цак. *ori* 'смотри' (< др.-греч. ὀρώ 'видеть') + *oyí*
2) *oyí* (Прастос, Кастанница) < др.-греч. ὄδε
- 137) 'и' *t̄se* (Прастос, Мелана, Васкина, Кастанница), *t̄ŕe* (Тирос); ср. н.-греч. και
- 138) 'играть' *pézu* (Прастос, Тирос, Кастанница), *pezáxu* (Мелана); ср. н.-греч. παίζω

- 139) 'измерять' *meŷŷu* (Тирос, Кастанница), *meŷŷika* (Прастос — аорист), *meŷŷu* (Мелана) < др.-греч. μετρέω; ср. н.-греч. μετρέω (μετρό)
- 140) 'изрыгать, отрыгивать, страдать рвотой' *ksernonu* (Тирос), *iŷeru* (Мелана), *iŷimu* (Кастанница); ср. н.-греч. ξερνώ
- 141) 'как' *phu* (passim); ср. н.-греч. ποῦ
- 142) 'кидать' *kserixu* (Тирос, Мелана, Кастанница), *kseria* (Прастос — аорист); ср. н.-греч. ἐξέριξα (аорист)
- 143) 'когда (вопросит.)' *rote* (passim) < др.-греч. τότε; ср. н.-греч. τότε
- 144) 'лед' *rayo* (Прастос), *rayu* (Тирос, Мелана, Кастанница) < др.-греч. πάγος; ср. н.-греч. πάγος
- 145) 'лес' *đase* (Кастанница), *đasi* (Прастос, Тирос, Мелана — мн. ч.); ср. н.-греч. δάσος
- 146) 'мать' *mati* (passim) < др.-греч. (дор.) μάτηρ
- 147) 'мести, подметать' 1) *saruku* (Прастос), *sarukhu* (Мелана), *sarinu* (Кастанница); ср. н.-греч. σαρόνω
2) *skupizu* (Тирос); ср. н.-греч. σκουλίζω
- 148) 'мокрый' *vrethé* (Прастос, Тирос), *vrekhié*, *vrexhé* (Кастанница); ср. н.-греч. βρεχτός
- 149) 'море' *thasa* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *thasa* (Кастанница); ср. н.-греч. θάλασσα
- 150) 'надувать' *fuskunu* (Тирос, Мелана), *fuskukha* (Прастос, Кастанница — аорист); ср. н.-греч. φουσκώνω
- 151) 'налево' 1) *aristeré* (Прастос, Кастанница), *aristeria* (Мелана), *aristeré* (Кастанница) < др.-греч. ἀριστερός 'левый'; ср. н.-греч. ἀριστερά 'налево'
2) *ŷoná* (Тирос) — этимология неясна
- 152) 'направо' *đeksiá* (Прастос, Тирос), *đeksiá* (Мелана), *đekŷié* (Кастанница — букв. 'правый') < др.-греч. δεξιός 'правый'; ср. н.-греч. δεξιά 'направо'
- 153) 'небо' *urané* (passim) < др.-греч. οὐρανός; ср. н.-греч. οὐρανός
- 154) 'некоторые' *meriŷi* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *meriki* (Кастанница); ср. н.-греч. μερικοί
- 155) 'немногие' *lyi* (passim); ср. н.-греч. λίγοι
- 156) 'нюхать, чуют, обонять' *nurizu* (Прастос, Мелана), *nirizu* (Тирос), *miriskumene* (Кастанница); ср. н.-греч. μυρίζω
- 157) 'озеро' *limna* (Прастос, Тирос, Мелана), *limni* (Кастанница); ср. др.-греч. λίμνη и н.-греч. λίμνη
- 158) 'острый' *kofteré* (Прастос, Тирос, Мелана); ср. н.-греч. κοφτερός
- 159) 'отец' 1) *aféngi* (Прастос, Тирос, Васкина, Мелана) < ср.-греч. ἀφέντης [Ανδριώτης 1967: 42]
2) *ŷuru* (Кастанница) < ср.-греч. κύρις [Ανδριώτης 1967: 175]; ср. н.-греч. κύρης
- 160) 'охотиться' *iŷinuyú* (Прастос), *iŷiniyú* (Тирос, Мелана, Васкина, Кастанница), *đziniyú* (Мелана); ср. н.-греч. κυνηγώ
- 161) 'падать' 1) *iŷitédu* (Прастос), *iŷiténu* (Мелана, Кастанница) < др.-греч. ἐξυπτάζω 'опрокидывать' [Дэфнер 1923: 369]
2) *greniskumene* (Тирос); ср. н.-греч. γκρεμίζομαι 'рушиться'
- 162) 'палка' *káli* (Прастос, Мелана, Васкина) < др.-греч. κάλον 'сухое дерево, дрова'
- 163) 'петь' *trayudú* (passim); ср. н.-греч. τραγουδάω (τραγουδῶ)
- 164) 'плевать' *fkizu* (Прастос, Тирос), *fkinu* (Мелана, Кастанница) φτύνω; ср. н.-греч. φτύνω

- 165) 'плохой' *kakó* (passim) < др.-греч. *κακός*; ср. н.-греч. *κακός*
- 166) 'почему, потому что' *jaṯsi* (Прастос, Мелана, Васкина, Кастанница), *jaṯī* (Тирос); ср. н.-греч. *γιατί*
- 167) 'правильный' *susté* (Прастос), *fusté* (Тирос), *sosté* (Мелана, Кастанница); ср. н.-греч. *σωστός*
- 168) 'пыль' *skóni* (passim); ср. н.-греч. *σκόνη*
- 169) 'пять' *pénde* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина); ср. н.-греч. *πέντε*⁵⁹
- 170) 'ребенок' *kabzi* (Прастос, Тирос, Мелана, Васкина), *kabzi* (Кастанница) < др.-греч. *καρπίων* 'маленький плод' [Δέφνερ 1923: 162]
- 171) 'резать, рубить' *kófu* (passim) < др.-греч. *κόπτω*; ср. н.-греч. *κόβω*
- 172) 'река' *potamó* (Прастос, Тирос, Кастанница), *potamé* (Мелана) < др.-греч. *ποταμός*; ср. н.-греч. *ποταμός*
- 173) 'ровный, прямой' *ife* (Прастос), *ís'e* (Тирос), *íse* (Мелана), *ifk'e* (Кастанница); ср. н.-греч. *ίσιος*
- 174) 'рыть, копать' *skáfu* (passim) < др.-греч. *σκάπτω*; ср. н.-греч. *σκάβω*
- 175) 'с' *me* (passim); ср. н.-греч. *με*
- 176) 'связывать' *deínu* (Тирос, Кастанница), *deíxu* (Мелана), *deika* (Прастос — аорист); ср. н.-греч. *δένω*
- 177) 'смеяться' *yeú* (Прастос, Тирос, Мелана), *yelú* (Кастанница) < др.-греч. *γελάω*; ср. н.-греч. *γελάω*
- 178) 'снег' *xóna* (passim); ср. др.-греч. *χιόνα* (вин. п.) и н.-греч. *χιόνι*
- 179) 'стирать, мыть' *krízu* (Прастос, Мелана, Кастанница), *ksízu* (Тирос) < др.-греч. *κλύζω* 'полоскать, очищать'
- 180) 'там' 1) *órpa* (passim) < *ori* 'смотри' (< др.-греч. *ὄρω* 'видеть') + *orá*
2) *orá* (Прастос, Мелана) < др.-греч. (дор.) *ὄρα* 'где, куда'
- 181) 'тереть' *īṯfu* (Прастос, Тирос, Кастанница), *īṯifu*, *īṯivu* (Мелана); ср. н.-греч. *τριβω*
- 182) 'толкать' 1) *spróxnu*, *spríxnu* (Кастанница); ср. н.-греч. *σπρώχνω*
2) *tífu* (Мелана) < др.-греч. *τύπτω* 'бить'
- 183) 'толстый' 1) *raxie* (Прастос), *raxi* (Мелана); ср. н.-греч. *παχύς*
2) *xodré* (Тирос), *kodré* (Кастанница) < др.-греч. *χωνδρός* 'зернистый'; ср. н.-греч. *χωντρός* 'толстый'
- 184) 'травя' *xóndi* (Прастос, Тирос), *xándi* (Мелана), *xódi* (Кастанница) < др.-греч. *χόρτος*; ср. н.-греч. *χόρτο*
- 185) 'три' *īfi* (Прастос, Тирос, Васкина), *īsi* (Мелана, Кастанница), *īś'ia* (Мелана); ср. н.-греч. *τρεῖς*, *τρία*
- 186) 'туман' 1) *púfi* (Прастос) < тур. *pus* 'дымка, легкий туман'
2) *kaṯsafára* (Тирос), *kaṯsavára* (Мелана) — этимология неясна
3) *omíxli* (Кастанница); ср. н.-греч. *ομίχλη*
- 187) 'тянуть, тащить' *travíndu* (Прастос, Тирос), *travídu* (Кастанница), *travú* (Мелана); ср. н.-греч. *τραβάω* (τραβώ)
- 188) 'узкий' *stenó* (Прастос), *stené* (Тирос, Мелана, Кастанница) < др.-греч. *στενός*; ср. н.-греч. *στενός*
- 189) 'фрукт, плод' *frúki* (Прастос), *frúti* (Тирос), *frúta* (Мелана — мн. ч.), *frúto* (Кастанница); ср. н.-греч. *φρούτο*
- 190) 'цветок' *lul'íjdi* (Тирос), *lulújdi* (Мелана, Васкина, Кастанница), *lalúdi* (Прастос Тирос), *lalújdi* (Васкина, Кастанница); ср. н.-греч. *λουλούδι*

⁵⁹ Вероятно, вариант *péfta*, записанный в Кастаннице, обозначает не 'пять', а 'пятый'.

- 191) ‘чесать, царапать’ 1) *k^harafi^{tu}* (Прастос) < др.-греч. χαράκιζω ‘обносить частоколом из скрещенных жердей’
2) *tí^{nu}* (Тирос, Кастанница) < др.-греч. ζύω ‘скоблить’;
ср. н.-греч. ζύνω ‘чесать, царапать’
3) *tsí^{fu}*, *tsí^{vu}* (Мелана); ср. н.-греч. τρίβω ‘тереть’
- 192) ‘четыре’ *té^{seri}* (passim); ср. н.-греч. τέσσερεῖς
- 193) ‘широкий’ 1) *prak^ú* (Прастос), *platí* (Кастанница) < др.-греч. πλατός; ср. н.-греч. πλατός
2) *far^{di}* (Мелана); ср. н.-греч. φαρδύς
- 194) ‘шить’ *ʃá^{fu}* (Тирос, Кастанница), *ʃá^{va}* (Прастос — аорист), *sá^{fu}* (Мелана); ср. н.-греч. ράβω

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- БЕР 1986 — Георгиев В. И. Български етимологичен речник. Том III. Крѐс—Мѝнго. София: Изд-во на БАН, 1986. [Georgiev V. I. *Bǎlgarski etimologichen rechnik. Tom III. Krės—Mingo* [Bulgarian etymological dictionary. Vol. 3. Krės—Mingo]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1986.]
- Вяткина 2015 — Вяткина А. О. Релевантные и нерелевантные признаки (к проблеме изоглосс в новогреческой диалектологии). Дипломная работа. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. [Vyatkina A. O. *Relevantnye i nerelevantnye priznaki (k probleme izogloss v novogrecheskoi dialektologii)* [Relevant and irrelevant characteristics (on the problem of isoglosses in Modern Greek dialectology)]. Graduate thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2015.]
- Диамантопуло-Рионис и др. 2006 — Диамантопуло-Рионис А. А., Демерджи Д. Л., Давыдова-Диамантопуло А. М., Шапурма А. А., Харабатот Р. С., Патрича Д. К. Румейско-русский и русско-румейский словарь пяти диалектов греков Приазовья. Мариуполь: Типография «Новый мир», 2006. [Diamantopulo-Rionis A. A., Demerdzhi D. L., Davydova-Diamantopulo A. M., Shapurma A. A., Kharabadot R. S., Patrisha D. K. *Rumeisko-russkii i russko-rumeiskii slovar' pyati dialektov grekov Priazov'ya* [Rumeic-Russian and Russian-Rumeic dictionary of the five Greek dialects of the region bordering the Azov Sea]. Mariupol': Novyi Mir Publ., 2006.]
- Домосилецкая 2002 — Домосилецкая М. В. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. Санкт-Петербург: Наука, 2002. [Domosiletskaya M. V. *Albansko-vostochnoromanskii sopostavitel'nyi ponyatiinyi slovar'.* *Skotovodcheskaya leksika* [The Albanian-Eastern Romance comparative conceptual dictionary: Stock raising vocabulary]. St. Petersburg: Nauka, 2002.]
- Домосилецкая и др. 1997 — Домосилецкая М. В., Жугра А. В., Клепикова Г. П. Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. [Domosiletskaya M. V., Zhugra A. V., Klepikova G. P. *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov. Leksicheskaya programma* [Small dialectological atlas of the Balkan languages. A lexical program]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 1997.]
- Елоева 2004 — Елоева Ф. А. Понтийский диалект в синхронии и диахронии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. [Eloeva F. A. *Pontiiskii dialekt v sinkhronii i diakhronii* [The Pontic dialect in synchrony and diachrony]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2004.]
- Кисилиер 2013 — Кисилиер М. Л. Новогреческая диалектология: достижения и проблемы // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 83—98. [Kisilier M. L. Modern Greek dialectology: Achievements and problems. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 83—98.]
- Кисилиер 2014 — Кисилиер М. Л. О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014. № X.1. С. 283—306. [Kisilier M. L. Tsakonia and Tsakonians: Historical and philological approach. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkikh issledovanii RAN*. 2014. No. X.1. Pp. 283—306.]
- Кисилиер 2015а — Кисилиер М. Л. О местоименных клитиках в диалектах новогреческого языка. Доклад, прочитанный на XLIV Международной научной филологической конференции. Секция «Балканистика, византистика, неозлллинистика», Греческий институт филологического факультета СПбГУ, 12—13 марта 2015 г. [Kisilier M. L. *O mestoimennykh klitikakh v dialektakh novogrecheskogo*

- yazyka*. [On pronominal clitics in Modern Greek dialects]. Paper presented at the 44th International Philological Research Conference. Section «Balkan Studies, Modern Greek and Byzantine Philology». Hellenic Institute of the Faculty of Philology of St. Petersburg State Univ., March 12—13, 2015.]
- Кисилиер 2015б — Кисилиер М. Л. «Добро пожаловать» или что имеют в виду цаконцы? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. № XIX. С. 363—367. [Kisilier M. L. «You are welcome», or what do Tsakonians mean as they say it? *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2015. No. XIX. Pp. 363—367.]
- Кисилиер 2016 — Кисилиер М. Л. О цаконском фольклоре // Бибиков М. В., Климова К. А., Афиногенов Д. Е., Норкин К. В., Марулис Д., Тресорукова И. В., Яламас Д. А. (ред.). Греческая традиционная культура на европейском фоне. Тезисы конференции. Москва, 5—8 апреля 2016. Москва: Филологический факультет МГУ, 2016. С. 28—33. [Kisilier M. L. On the Tsakonian folklore. *Grecheskaya traditsionnaya kul'tura na evropeiskom fone. Tezisy konferentsii*. Moskva, 5—8 aprelya 2016. Bibikov M. V., Klimova K. A., Afinogenov D. E., Norkin K. V., Marulis D., Tresorukova I. V., Yalamas D. A. (eds.). Moscow: Philological Department of the Moscow State Univ., 2016. Pp. 28—33.]
- Кисилиер (в печати) — Кисилиер М. Л. Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. № XII.3 (в печати). [Kisilier M. L. Tsakonian analytic forms of present and imperfect. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikicheskikh issledovanii RAN*. No. XII.3 (in print).]
- Кисилиер, Федченко 2010 — Кисилиер М. Л., Федченко В. В. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19—25): цаконский вариант // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № XIV.2. С. 47—57. [Kisilier M. L., Fedchenko V. V. «Love Gospel» (John 20: 19—25): Tsakonian version. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2010. No. XIV.2. Pp. 47—57.]
- Кисилиер, Федченко 2011 — Кисилиер М. Л., Федченко В. В. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2011. № XV. С. 259—266. [Kisilier M. L., Fedchenko V. V. Palatal sonants in Tsakonian. Discussing the problem. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2011. No. XV. Pp. 259—266.]
- Колосова, Домосилецкая 2010 — Колосова В. Б., Домосилецкая М. В. Фитонимический вопросник. ИЛИ РАН. СПб., 2010. Рукопись. [Kolossova V. B., Domosiletskaya M. V. *Fitonimicheskii voprosnik* [Phytonymic questionnaire]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2010. Manuscript.]
- МДАБЯ 2009 — Каль Т., Русаков А. Ю., Соболев А. Н., Шаллер Х. В., Юллы Дж. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 3: Животноводство. Соболев А. Н. (ред.). Санкт-Петербург; München: Hayka; Verlag Otto Sagner, 2009. [Kahl T., Rusakov A. Yu., Sobolev A. N., Schaller H. W., Ylli Xh. *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov* [Minor dialectological atlas of the Balkan languages]. *Seriya leksicheskaya. T. 3: Zhivotnovodstvo* [Lexical series. Vol. 3: Animal breeding]. Sobolev A. N. (ed.). St. Petersburg; München: Nauka; Verlag Otto Sagner, 2009.]
- МДАБЯ 2013 — Лелуда-Фос К., Русаков А. Ю., Соболев А. Н., Шаллер Х. В., Юллы Дж. Малый диалектологический атлас балканских языков Серия лексическая. Т. 6: Полеводство. Огородничество. Соболев А. Н. (ред.). Санкт-Петербург; München: Hayka; Verlag Otto Sagner, 2013. [Leluda-voss Ch., Rusakov A. Yu., Sobolev A. N., Schaller H. W., Ylli Xh. *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh yazykov* [Minor dialectological atlas of the Balkan languages]. *Seriya leksicheskaya. T. 6: Polevodstvo. Ogorodnichestvo* [Lexical series. Vol. 6: Crop agriculture. Vegetable gardening]. Sobolev A. N. (ed.). St. Petersburg; München: Nauka; Verlag Otto Sagner, 2013.]
- Плотникова 2009 — Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. 2-е изд. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009. [Plotnikova A. A. *Materialy dlya etnolingvistikicheskogo izucheniya balkanoslavianskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan-Slavic area]. 2nd ed. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2009.]
- Трубачев 1975 — Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 2 (*bez—*bratъ). Москва: Наука, 1975. [Trubachev O. N. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond. T. 2 (*bez—*bratъ)* [Etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexicon. Vol. 2 (*bez—*bratъ)]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Трубачев 1984 — Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 11 (*kopsъ—*kotъna(ja)). Москва: Наука, 1984. [Trubachev O. N. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond. T. 11. (*kopsъ—*kotъna(ja))*.

- [Etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexicon. Vol. 11 (*копьсь—*котьна(ja)). Moscow: Nauka, 1984.]
- Федченко (в печати) — Федченко В. В. Между диалектом и нормой: свидетельства о языке Константинополя // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. № XII.3 (в печати). [Fedchenko V. V. About the Greek language of Constantinople. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticcheskikh issledovanii RAN*. No. XII.3 (in print).]
- Хориков, Малев 1980 — Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь. Москва: Издательство «Русский язык», 1980. [Khorikov I. P., Malev M. G. *Novogrechesko-russkii slovar'* [Modern Greek-Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1980.]
- Balta 2009 — Balta E. Venetians and Ottomans in the Southeast Peloponnese (15th—18th century). *Halil İnalçık armağanı: Tarih araştırmaları*. Vol. 1: *Adlı çalışmada yer alan konular ve makaleler şöyledir*. Takış T., Aksoy S. (eds.). Ankara: Doğu Batı Yayınları, 2009. Pp. 168—204.
- Bourguet 1927 — Bourguet É. *Le dialecte laconien*. Paris: Librairie ancienne honoré champion [Librairie de la Société de linguistique de Paris], 1927. (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris. Vol. XXIII).
- Ciorănescu 2007 — Ciorănescu A. *Dicționarul etimologic al limbii române*. Ediție îngrijită și traducere din limba spaniolă de Tudora Șandru Mehedinți și Magdalena Popescu Marin. București: Saeculum I. O., 2007.
- Coteanu et al. 1998 — Coteanu I., Seche L., Seche M. *Dicționarul explicativ al limbii române*. Ediția a II-a ed. București: Univers enciclopedic, 1998.
- Deffner 1881 — Deffner M. *Zakonische Grammatik*. Vol. 1: *Lautlehre*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881.
- Du Cange et al. 1883—1887 — Du Cange Ch., Henschel L., Carpenter P., Favre L., Adelung J. Ch. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort: L. Favre, 1883—1887.
- Eideneier 1991 — Eideneier H. *Ptochoprodromos*. Köln: Romiosini, 1991. (Neograeca Mediae Aevi. Vol. 5).
- Fedchenko 2013 — Fedchenko V. Subdialectal diversity in the Tsakonian speaking area of Arkadia. *Proceedings of the 5th international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT 5)*. Ghent, Belgium. 20—22 September 2012. Janse M., Joseph B. D., Ralli A., Bagriacik M. (eds.). Patras: University of Patras, 2013. Pp. 76—88.
- IPA 1999 — International Phonetic Association. *Handbook of the International Phonetic Association. A guide to the use of the International Phonetic Alphabet*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Kisilier 2008 — Kisilier M. Ένα ελληνικό ιδίωμα στην Ανατολική Ουκρανία (περιοχή Μαρσιούπολης) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН [Working papers of the Institute for Linguistic Studies RAS]. 2008. № IV.1. Pp. 156—166.
- Kretschmer 1905 — Kretschmer P. *Der heutige lesbische Dialect verglichen mit den übrigen nordgriechischen Mundarten*. Wien: Alfred Holder, 1905.
- Lampe 1961 — Lampe G. W. H. (ed.). *A Patristic Greek lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1961.
- LSJ 1996 — Liddle H. J., Scott R. (comp.). *A Greek-English lexicon*. Revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Mackridge 1996 — Mackridge P. H. The Medieval Greek infinitive in the light of modern dialectal evidence. *Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning*. Costantinides C. N., Panagiotakis N., Jeffreys E. M., Angelou A. D. (eds.). Venice: Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia. Bibliotheca. Vol. 17).
- Newton 1972 — Newton B. *The generative interpretation of the dialect. A study of Modern Greek phonology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
- Orel 1998 — Orel V. *Albanian etymological dictionary*. Köln: Brill, 1998.
- Papahagi 1974 — Papahagi T. *Dicționarul dialectului aromân general și etimologic/Dictionnaire Aroumain (Macédo-Roumain) général et étymologique*. 2 ed. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1974.
- Rohlf's 1977 — Rohlf's G. *Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento)*. Trad. S. Sicuro. Nuova edizione interamente rielaborata ed aggiornata. München: C. H. Bech'sche Verlagsbuchhandlung, 1977.
- Salminen 2007 — Salminen T. Europe and North Asia. *Encyclopedia of the world's endangered languages*. Moseley C. (ed.). London: Routledge, 2007. Pp. 211—280.
- Sitaridou 2014a — Sitaridou I. Modality, antiveridicality, and complementation: The Romeyka infinitive as a negative polarity item. *Lingua*. 2014. Vol. 148. Pp. 118—146.
- Sitaridou 2014b — Sitaridou I. The Romeyka infinitive: Continuity, contact and change in the Hellenic varieties of Pontus. *Diachronica*. 2014. Vol. 31. No. 1. Pp. 23—73.

- Trudgill 2003 — Trudgill P. Modern Greek dialects. A preliminary classification. *Journal of Greek Linguistics*. 2003. Vol. 4. Pp. 45—64.
- Ανδριώτης 1967 — Ανδριώτης Ν. Π. *Ετυμολογικό λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής*. 2 έκδ. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας; Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], 1967.
- Βαγενῶς 1971 — Βαγενῶς Θ. Κ. *Ιστορικά Τσακωνιάς καὶ Λεωνιδίου*. Αθήνα: Δήμος Λεωνιδίου, 1971.
- Δέφνερ 1922 — Δέφνερ Μ. *Χλωρίς τῆς Τσακωνίας*. Ἀθήνα: Τυπογραφικὴ ἐταιρεία Στύρου Χρίστου & Σία, 1922. (Γεωπονικὴ βιβλιοθήκη. Τ. 2).
- Δέφνερ 1923 — Δέφνερ Μ. *Λεξικὸν τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Ἐν Ἀθήναις: Τυπογραφεῖον “Ἐστία”; Κ. Μάϊσνερ καὶ Ν. Καργαδούρη, 1923.
- Ίδομενῶς 2006 — Ίδομενῶς Μ. Ι. *Κρητικὸ γλωσσάριο. Λήμματα. Μαντινάδες. Παροιμίες*. Ηράκλειο: Βικελαΐα Δημοτικὴ Βιβλιοθήκη, 2006.
- Κοντοσόπουλος 2001 — Κοντοσόπουλος Ν. Γ. *Διάλεκτοι καὶ ιδιώματα τῆς νέας ἐλληνικῆς*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Κοντοσόπουλος 2010a — Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Κατωιταλικὴ καὶ Τσακωνικὴ. *Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας*. Κοπιδάκης Μ. Ζ. (εκδ.). Αθήνα: Μορφωτικὸ Ίδρυμα Ἐθνικῆς Τράπεζας, 2010. Σ. 190—192.
- Κοντοσόπουλος 2010b — Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Οἱ Νεοελληνικὲς διαλέκτοι. *Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας*. Κοπιδάκης Μ. Ζ. (εκδ.). Αθήνα: Μορφωτικὸ Ίδρυμα Ἐθνικῆς Τράπεζας, 2010. Σ. 188—190.
- Κριαρᾶς 1985 — Κριαρᾶς Ε. *Λεξικὸ τῆς μεσαιωνικῆς ἐλληνικῆς δημῶδους γραμματείας (1100—1669)*. Τ. Θ'. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικῆς Γλώσσας, 1985.
- Κριαρᾶς 1988 — Κριαρᾶς Ε. *Λεξικὸ τῆς μεσαιωνικῆς ἐλληνικῆς δημῶδους γραμματείας (1100—1669)*. Τ. Γ'. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικῆς Γλώσσας, 1988.
- Κριαρᾶς 1990 — Κριαρᾶς Ε. *Λεξικὸ τῆς μεσαιωνικῆς ἐλληνικῆς δημῶδους γραμματείας (1100—1669)*. Τ. ΙΑ'. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικῆς Γλώσσας, 1990.
- Κωστάκης 1951 — Κωστάκης Θ. Π. *Σύντομη Γραμματικὴ τῆς Τσακωνικῆς Διαλέκτου*. Αθήνα: Institut Français d'Athènes, 1951. (Collection de l'Institut Français d'Athènes. Τ. 35).
- Κωστάκης 1979 — Κωστάκης Θ. Π. *Βάτικα καὶ Χαβουτσὶ: Τα τσακωνοχώρια τῆς Προποντίδας*. Αθήνα: Κέντρο Μικρασιατικῶν Σπουδῶν, 1979. (Βιθυνία. Τ. 1).
- Κωστάκης 1986a — Κωστάκης Θ. Π. *Λεξικὸ τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Τ. Ι (Α—Ι). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνῶν, 1986.
- Κωστάκης 1986b — Κωστάκης Θ. Π. *Λεξικὸ τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Τ. ΙΙ (Κ—Ο). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνῶν, 1986.
- Κωστάκης 1987 — Κωστάκης Θ. Π. *Λεξικὸ τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Τ. ΙΙΙ (Π—Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνῶν, 1987.
- Παναγιώτου 2001 — Παναγιώτου Ἀ. Ἀρκαδοκυπριακὴ. *Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας. Ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ἕως τὴν ὕστερη ἀρχαιότητα*. Χριστιδῆς Α. Φ. (εκδ.). Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικῆς Γλώσσας; Ινστιτούτο Νεοελληνικῶν Σπουδῶν [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], 2001. Σ. 308—314.
- Παπαδιαμάντης 1988 — Παπαδιαμάντης Ἀ. *Διηγῆμαα (ἐπιλογή)*. Αθήνα: Νεοελληνικὴ βιβλιοθήκη [Ίδρυμα Κώστα καὶ Ελένης Ουράνη], 1988.
- Τριανταφυλλίδης 2009 — Τριανταφυλλίδης Μ. *Λεξικὸ τῆς Κοινῆς Νεοελληνικῆς*. 8 έκδ. Θεσσαλονίκη: Ἀριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; Ινστιτούτο Νεοελληνικῶν Σπουδῶν [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], 2009.
- Χαντζιάρας 1995 — Χαντζιάρας Δ. Π. *Το θεσσαλικὸ γλωσσικὸ ἰδίωμα. Γλωσσάρι — λεξικὸ*. Αθήνα: Δημοσυργία, 1995.
- Χαραλαμπόπουλος 1980 — Χαραλαμπόπουλος Ἀ. Λ. *Φωνολογικὴ ἀνάλυση τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου. Διδακτορικὴ διατριβή*. Θεσσαλονίκη: Ἀριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Φιλοσοφικὴ Σχολή, 1980.

Статья поступила в редакцию 25.04.2016.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

B. MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik (eds.). Competing motivations in grammar and usage. Oxford: Oxford University Press, 2014. xxii + 446 p. ISBN 978-0-19-870984-8.

Дмитрий Валентинович Герасимов

Dmitry V. Gerasimov

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация;
dm.gerasimov@gmail.com

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Feder-
ation; dm.gerasimov@gmail.com

В современной лингвистике, по крайней мере функционально-ориентированной, редкое объяснение того или иного языкового явления обходится без апелляции к мотивации одним или несколькими факторами. Такие факторы могут действовать независимо, а могут работать на один и тот же результат. Что происходит, однако, если два или более мотивирующих фактора вступают в конфликт? Ответу на данный вопрос и посвящен рецензируемый сборник. Под его обложкой собраны статьи, написанные по материалам конференции «Конкурирующие мотивации», которая прошла 23—25 ноября 2010 г. в Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге.

Открывает сборник Введение за авторством Э. Моравчик, состоящее из трех разделов. В первом кратко объясняется и иллюстрируется на простых примерах понятие конкуренции мотиваций, а также формулируются девять ключевых вопросов, так или иначе затрагиваемых в различных статьях сборника (от «Какие мотивации конкурируют?» до «Почему в языке имеет место конкуренция мотиваций?»). В связи с вопросом о возможных способах разрешения конфликтов между мотивирующими факторами автор приводит собственное исчисление из [Moravcsik 2010]: SEPARATION (разные факторы находят проявление в различных реализациях конструкции); COMPROMISE (разные факторы воздействуют на одну и ту же конструкцию, но один или более из них претерпевают модификацию для устранения конфликта); OVERRIDE (оказывает влияние только один фактор) и DEADLOCK (конструкция, на которую воздействуют противоположные факторы, блокируется, так что ни один из них не находит выражения). В последующих статьях есть примеры на все четыре сценария. Во втором разделе Введения кратко излагается история проблематики конкурирующих мотиваций от Г. фон Габеленца с его противопоставлением *Bequemlichkeit* и *Deutlichkeit* [Gabelenz 1901: 181—185] до наших дней; несколько удивляет отсутствие в данном экскурсе упоминания работ А. Мартине, например [Martinet 1955]. Среди более поздних направлений, теорий и подходов в качестве самых важных для проблематики сборника Э. Моравчик называет функционально-типологические исследования Дж. Хаймана, Дж. Дюбуа, У. Крофта и др., «естественную морфологию» В. У. Дресслера [Dressler 1986], «конкуренционную модель» Э. Бейтс и Б. Макуинни [Bates, MacWhinney 1987; 1989], функциональную грамматику С. Дика [Dik 1989]; перформативную теорию порядка слов Дж. Хокинса [Hawkins 1994; 2004] и, разумеется, теорию оптимальности (ОТ) [Prince, Smolensky 1993]. Многие имена, упомянутые в данном разделе, мы закономерно встречаем и в оглавлении сборника. Завершает Введение традиционный обзор входящих в сборник статей.

Первую часть сборника «Конкуренция в синтаксисе: грамматические отношения и порядок слов» составляют девять статей. Стратегиям кодирования грамматических отношений (alignment) посвящена работа А. Л. Мальчукова «Разрешение конфликтов кодирования: Подход в терминах конкуренции мотиваций», самая объемная в сборнике.

В настоящее время хорошо известно, что морфологическая эргативность или аккумулятивность не влечет синтаксической; более того, различные морфосинтаксические конструкции одного языка могут по-разному группировать аргументные роли (так, типологически согласование демонстрирует большую склонность к аккумулятивности, нежели падежное маркирование, а для императива аккумулятивное устройство является почти универсальным). А. Л. Мальчуков предлагает для объяснения как относительных универсалий в области стратегий кодирования, так и наблюдаемых исключений из них модель, основанную на взаимодействии двух ограничений, которые он обозначает как Harmony 'гармония, уподобление' и Bias 'предрасположенность'. Первое имеет аналогическую природу и требует, чтобы синтаксические свойства конструкций соответствовали морфологическому оформлению. Согласно второму, синтаксические свойства конкретной конструкции определяются ее функциональными свойствами. В случаях, когда оба фактора благоприятствуют одной стратегии кодирования, мы наблюдаем единообразие, ситуация же конфликта может разрешаться по-разному, откуда проистекает значительное межъязыковое варьирование. В следующем разделе данное обобщение иллюстрируется на примере монотранзитивных конструкций: рассматривается поведение императивов и конструкций контроля (склонных к аккумулятивности) и номинализаций (склонных к эргативности) в различных морфологически аккумулятивных и эргативных языках. Примечательно, что, обсуждая распределение различных стратегий оформления актантов номинализации, А. Л. Мальчуков никак не упоминает возможное структурное объяснение [Alexiadou 2001], хотя сам признает, что не вполне ясно, чем мотивирована наблюдаемая предрасположенность номинализаций к эргативности. Кажется, в данном вопросе открывается некоторый простор для новых исследований. Далее обсуждается вариативность кодирования в дитранзитивных конструкциях (секундативная vs. индирективная стратегии), рассматривается поведение антипассивов, инкорпорации, реципроков. В целом данный раздел сжато пересказывает (с привлечением нескольких новых примеров) соответствующие фрагменты работы [Malchukov et al. 2010]; см. обсуждение в [Аркадьев 2012]. В четвертом разделе кратко излагается формализация предложенной модели в терминах ОТ. У читателя, знакомого с аппаратом данной теории, представленная картина уже должна была сложиться по ходу чтения предыдущих разделов, однако заслуживают внимания приводимые рассуждения по поводу возможного ранжирования ограничений. В заключительном разделе повторяются основные положения, кратко обсуждается ряд общих проблем (функциональный или диахронический характер конкуренции), а также поднимается вопрос о том, можно ли построить единую иерархию морфосинтаксических контекстов по их предрасположенности к эргативной или аккумулятивной стратегии отождествления аргументов; см. подобную попытку в [Croft 2001: 155]. На этот вопрос автор предварительно дает отрицательный ответ: такая иерархия имела бы смысл, если бы предрасположенность (Bias) разных конструкций имела общую мотивацию, что представляется по крайней мере неочевидным.

М. Ламерс и **Х. де Хооп** в статье «Выдвижение одушевленного объекта в нидерландском: экспериментальное исследование» излагают результаты эксперимента, в ходе которого испытуемым предлагалось составить высказывания из трех стимульных слов: глагола и двух существительных. Последние всегда отличались по одушевленности, а глаголы принадлежали к одному из трех классов (данная классификация опирается на предшествующие работы М. Ламерса): агентивные (с одушевленным субъектом в роли агенса или экспириенцера), ментальные каузативные (с субъектом в роли стимула) и ментальные неаккумулятивные (с субъектом в роли темы). В нидерландском формальным критерием для разграничения двух классов ментальных предикатов служит способность каузативных глаголов к пассивизации. В полном соответствии с изначальной гипотезой, вынос объекта перед субъектом ни разу не использовался испытуемыми при построении высказываний с агентивными глаголами, но оказался существенно более частотен с неаккумулятивными (24%), нежели каузативными (2%) ментальными глаголами. Данное распределение легко объяснить через взаимодействие двух ограничений: SubjectFirst, требующего, чтобы

предложение начиналось с грамматического субъекта, и AnimateFirst, требующего начинать предложение с одушевленной именной группы; в случае ментальных глаголов с неодушевленным субъектом эти требования вступают в конфликт. Авторы делают вывод о том, что вынос объекта служит для удовлетворения AnimateFirst при невозможности пассивизации. Хотя к постановке эксперимента нет претензий, а предлагаемый анализ весьма убедителен, неясно, в какой степени он может быть обобщен на случаи выноса объекта при глаголах других семантических классов. В частности, во введении авторы много места уделяют конструкциям с объектом, выраженным указательным местоимением, в которых вынос оказывается предпочтительным (60%), несмотря на то, что такие высказывания (например, *Dat hoort u mij niet zeggen* 'Этого ты от меня не услышишь') нарушают сразу оба обсуждаемых ограничения. Таким образом, возникает впечатление, будто в итоге исследование отвечает не совсем на тот вопрос, который был заявлен вначале, что тем более странно для столь небольшой по объему статьи.

Дж. Хокинс в статье «Паттерны конкуренции мотиваций и взаимодействие принципов» рассматривает явление, вынесенное в заголовок сборника, на примере принципов, мотивирующих тот или иной порядок слов в предложении. При этом его интересуют не сами принципы (хорошо знакомые по [Hawkins 1994; 2004] и более поздним работам Хокинса и соавторов; несколько устаревший обзор см. в [Тестелец 2001: 700—715]), а именно способы их взаимодействия. Рассматриваются данные употребления (относительная частотность того или иного порядка слов в корпусе английских текстов) и грамматики (относительная частотность различных базовых порядков в языках мира по данным типологической выборки); в отдельном разделе выводы статьи обобщаются на механизмы усвоения второго языка. Вполне ожидаемо, что некоторая реализация порядка оказывается особенно частотной в тех случаях, когда она мотивирована сразу несколькими благоприятствующими факторами («кооперация принципов»). Более интересны случаи «конкуренции»: одновременного действия двух или более принципов, предсказывающих различные порядки. В качестве иллюстрации приводятся английские предложения с двумя зависимыми от глагола предложными группами, относительный порядок которых по-разному определяется синтаксическими, лексико-семантическими и прагматическими факторами [Wiechmann, Lohmann 2012], а также данные по взаимному расположению относительной клаузы и вершинного имени в VO- и OV-языках. По мнению Хокинса, в такой ситуации относительная частотность каждой из соперничающих реализаций оказывается прямо пропорциональной ее легкости и эффективности для восприятия слушающим: как и сами принципы, их относительная сила продиктована требованиями эффективной коммуникации. Это довольно смелая гипотеза (сам автор признает, что пока не готов представить полноценное доказательство): в каком-то смысле получается, что «реальны» только требования оптимальности распознавания речи, а различные «мотивирующие принципы» суть лишь их эпифеномены в глазах лингвистов. Кроме того, как кажется, это новый поворот для Дж. Хокинса: ранее он признавал, что грамматические правила конкретного языка могут «пересиливать» требования системы употребления.

Следующие две статьи посвящены факторам, вызывающим правую экстрапозицию относительной клаузы (т. е. ситуацию, когда предикативное определение выносится в конец предложения, отрываясь от вершинного существительного). **Э. Фрэнсис** и **Л. Михаэлис** («Зачем передвигаться? Как “тяжесть” и дискурсивные факторы комбинируются для предсказания экстрапозиции относительной клаузы в английском») сравнивают два возможных объяснения данного явления: через требование «минимизации доменов» из теории эффективной коммуникации Дж. Хокинса и через дискурсивные факторы. Проведенное ими корпусное исследование показывает, что относительная «тяжесть» релятивного оборота (понимаемая как отношение его длины в словах к длине ГГ) играет более важную роль, чем тип предиката, определенность вершинной ИГ (авторы ограничиваются рассмотрением относительных клауз при именах в позиции субъекта), доступность предиката (принадлежность его денотата к данному/новому); последние факторы вступают в дело тогда, когда параметр

«тяжести» имеет промежуточное значение и не дает однозначного предсказания. Доступность вершинной ИГ оказывается вообще нерелевантной. Отдельно обсуждаются несколько исключительных примеров, в которых экстрапозиции нет, хотя все названные факторы ей благоприятствуют. Авторы делают вывод, что это связано с влиянием каких-то сторонних факторов функционального характера, выявлению которых должны послужить будущие исследования. Приводимые данные показывают, что правая экстрапозиция представляет собой функционально более сложное и неоднородное явление, чем принято думать. Хотя исследование Э. Фрэнсис и Л. Михаэлис выполнено на сравнительно небольшом массиве данных (всего 345 фрагментов, из которых только 53 содержат экстрапозицию), конечные выводы не вызывают сомнений, а статью можно порекомендовать в качестве образца как проведения корпусного исследования, так и изложения его методики и результатов.

Еще более подробная модель предлагается в статье **Я. Штрукка** «Конкурирующие мотивации, влияющие на экстрапозицию относительной клаузы в немецком». Автор перечисляет 33 (!) параметра, способных влиять на линейную позицию относительного оборота; некоторые из них очевидно взаимосвязаны, некоторые специфичны для немецкого морфосинтаксиса. Шесть параметров, наиболее часто фигурирующих в предшествующей литературе, обсуждаются более подробно, при этом убедительно показывается, что синтаксические ограничения на экстрапозицию, сформулированные Н. Хомским, Р. Кейном и М. Болтиным, не носят абсолютного характера. Анализируя корпусные данные при помощи метода бинарной логистической регрессии, Штрукк обнаруживает, что для экстрапозиции оказываются значимы 18 из рассматриваемых параметров, при этом предсказательная модель должна учитывать 15 из них. Как и у Фрэнсис и Михаэлис, наиболее значимы «хокинсовские» факторы: длина относительной клаузы и расстояние экстрапозиции, обычно совпадающее с длиной ГГ (Штрукк рассматривает каждый из этих показателей по отдельности, а не их отношение). Однако значима и синтаксическая структура: необходимость пересечения узлов затрудняет экстрапозицию, а относительная клауза, содержащая зависимые, выносится охотнее, чем более простая той же длины. В статье приводится ряд других интересных результатов. В рамках обсуждения видимых исключений излагаются данные небольшого эксперимента, показывающие, что использование катафорических относительных местоимений (*derjenig*) может существенно улучшать приемлемость примеров с «длинной» экстрапозицией. Таким образом, даже самые сильные ограничения могут нейтрализовываться в специфических контекстах, что ставит интересный вопрос об отношениях между теоретическими и статистическими моделями: фактор, мотивирующий исключительные случаи, должен быть ранжирован выше всех остальных ограничений в ОТ и схожих моделях, однако может не иметь большого веса в статистической модели ввиду редкости таких случаев. Исследования Я. Штрукка и Э. Фрэнсис и Л. Михаэлис очень близки по постановке задачи и полученным результатам, кроме того, оба непосредственно затрагивают вопросы, поднятые в предшествующей им работе Дж. Хокинса; неслучайно все три статьи активно ссылаются друг на друга.

Несколько особняком стоит статья **И. Борнкессель-Шлезевски и М. Шлезевски** «Конкуренция при интерпретации аргументов: свидетельства нейробиологии языка», в которой предлагается новая версия расширенной модели зависимости аргументов (eADM; [Bornkessel 2002; Bornkessel, Schlesewsky 2006]), описывающей восприятие высказывания в реальном времени с точки зрения вычислительной нейробиологии. Для правильной интерпретации высказывания с несколькими аргументами слушающему необходимо приписать три базовые роли («кардинальные категории»): актер, субъект и топик, свойственные участникам, наиболее важным для описываемой ситуации, последующего дискурса и предшествующего дискурса соответственно. Их опознание происходит в реальном времени на основе механизма аттракторной сети, предпочтительно (но не обязательно) в перечисленном порядке. Наблюдаемые языковые структуры мотивированы стремлением дать слушающему возможность идентифицировать кардинальные категории как можно раньше, так как распознавание высказывания происходит пошагово: мозг обрабатывает все

возможные интерпретации услышанной цепочки, не дожидаясь продолжения, которое может содержать решающие подсказки. В заключение авторы сравнивают свою концепцию с «конкурентной моделью» Бейтс и МакУинни; несмотря на ряд сближений, эти модели имеют принципиально разный характер. В частности, хотя в основе eADM лежит конкуренция нескольких аргументов за заполнение ролей актора, субъекта и топика, собственно «конкурирующим мотивациям» в традиционном лингвистическом смысле в ней не находится места. Статья супругов Шлезевски очень интересна и опирается на солидный корпус исследований, однако экспериментальное подтверждение пока получили лишь отдельные ее фрагменты, в то время как общая архитектура кажется несколько умозрительной. Кроме того, несмотря на приводимые отсылки к неройлингвистическим исследованиям десяти языков различной генетической принадлежности, остается непонятным, каким образом, как утверждают авторы, описанный ими механизм объясняет наблюдаемое языковое варьирование.

Последние три статьи первой части посвящены конкуренции мотиваций при усвоении языка детьми. Начиная с 1980-х гг. (см. [Bates, MacWhinney 1987] и цитируемую там литературу) большинство исследований в рамках данной проблематики посвящены конкуренции «ключей» или «маркеров» (cues) — элементов или свойств конструкций, на которые дети ориентируются для опознания и интерпретации последних. **К. Роулэнд, К. Ноубль и Э. Чань** в статье «Конкуренция на всю глубину: как дети научаются определять значение предложения по порядку слов» переносят фокус с конкуренции «ключей» в рамках одной конструкции на конкуренцию между несколькими синонимичными конструкциями, доступными ребенку. Главный вопрос состоит в том, как происходит генерализация усваиваемых конструкций. Согласно консервативной теории речевого онтогенеза, изначально дети отдельно усваивают лексико-специфичные паттерны, а затем постепенно обобщают их. Альтернативная точка зрения предполагает, что обобщение и установление связей между формально и семантически сходными конструкциями осуществляются с самого начала. Первая теория предсказывает, что из двух синонимичных конструкций дети гораздо раньше овладеют более частотной; вторая — что такие конструкции выучиваются более-менее одновременно, однако само наличие синтаксической синонимии замедляет усвоение. Авторы провели ряд экспериментов, в которых проверялось понимание дитранзитивных конструкций детьми 3—5 лет, осваивающими английский, валлийский и кантонский языки. Результаты показали, что в случаях вариативности («дативная альтернатива» в английском, разные порядки слов в кантонском) и более, и менее частотный варианты усваиваются относительно поздно. Таким образом, подтвердились предсказания модели ранней генерализации, в которой существенную роль играет конкуренция между конструкциями.

Эмпирической проверке двух конкурирующих теорий посвящена также статья **М. Хьюз и Ш. Аллен** «Конкуренция мотиваций при опущении детьми субъекта? Взаимодействие финитности глагола и доступности референта». Хорошо известно, что дети на ранних этапах усвоения языка часто опускают подлежащее, причем это касается даже языков без pro-drop'a (опущения личного местоимения в актантной позиции), типа английского. В рамках нативистского подхода, исходящего из врожденности синтаксических структур, это обычно объясняется через допущение о том, что бессубъектные высказывания содержат нефинитную форму глагола. Исследователи же, настаивающие на главенствующей роли речевого стимула в усвоении языка, скорее, обращают внимание на референциальные свойства опускаемых субъектов, в частности, их выводимость из речевого или неречевого контекста. Авторы проверяют предсказания этих двух подходов на материале лонгитюдных видеозаписей общения четверых английских детей 2—3 лет с их воспитателями. Выясняется, что и финитность глагола, и доступность референта (рассчитываемая на основе семи параметров, таких как одушевленность, наличие упоминаний в предшествующем дискурсе, физическое присутствие и т. д.) оказывают статистически значимое влияние на невыражение субъекта. Более того, эти факторы не вполне независимы: нефинитным клаузам свойственно иметь подлежащие, восстанавливаемые из контекста, хотя

корреляция здесь недостаточно сильна для того, чтобы счесть одну мотивацию эпифеноменом другой. Представленные данные действительно убедительны и очень интересны, однако кажется неудачной форма, в которую Хьюз и Аллен решили облечь свои выводы. Обсуждая конкуренцию, они фокусируются не на языковых факторах, но на объяснительных моделях, заключая, что нативистская и эмерджентистская интерпретации опущения субъекта в ранней детской речи не конфликтуют, но и не дополняют друг друга, а находятся во взаимодействии (*interaction*). Однако проведенное ими исследование свидетельствует лишь о взаимодействии мотивирующих факторов (финитности глагола и доступности референта), но не предлагает каких-либо ясных аргументов для более общего спора о врожденном характере грамматики.

Г. Краевский и Э. Ливен в статье «Конкуренция маркеров в раннем усвоении синтаксиса» предлагают обзор ряда экспериментальных исследований 2008—2012 гг., направленных на выяснение того, как дети, овладевающие различными языками, понимают простое переходное предложение, насколько они способны правильно идентифицировать субъект и объект. В этих экспериментах проверялась относительная роль порядка слов, падежного маркирования, одушевленности и прочих маркеров (*cues*). Комментируя результаты, авторы заключают, что на ранних стадиях дети хорошо справляются с прототипическими паттернами своего языка, которые содержат избыточные маркеры. Однако выделение и усвоение отдельных маркеров происходит медленно и постепенно. Способность продуктивно использовать маркеры с новыми единицами развивается поздно, а интерпретация предложений с конфликтующими маркерами долгое время вызывает затруднение. Так, польские дети вплоть до 7—8 лет испытывают сложности с определением субъекта и объекта в предложениях с неканоническим порядком слов, несмотря на развитую систему падежного маркирования в этом языке. Все это свидетельствует о том, что дети сначала осваивают целые конструкции как гештальты, на базе которых уже значительно позднее распознаются более мелкие единицы и формулируются правила. Авторы рассматривают данный корпус свидетельств, прежде всего, как аргумент против нативизма, но следует отметить, что с ними плохо согласуются и некоторые подходы внутри эмерджентистской парадигмы, например иерархические модели в духе [Mattys et al. 2005]. Кроме того, представленные данные говорят в пользу психолингвистической адекватности грамматики конструкций [Goldberg 1995], в частности, ее «радикальной» версии [Croft 2001].

Вторую часть сборника, посвященную конкуренции мотиваций в морфологии и словаре, открывает статья **В. Дресслера, Г. Либбена и К. Корецки-Крёлль** «Конкурирующие, конвергентные и взаимозависимые мотивации в морфологии». Авторы пытаются дать общий обзор конкурирующих факторов, действующих в морфологии (а также ее интерфейсах с фонологией, лексиконом и дискурсом), рассматривая такие явления, как порядок аффиксов, структура композитов, образование форм плюралиса, ограничения на консонантные кластеры и т. п. Особо интересным представляется обсуждение проблемы маркированности: защищая центральную роль понятий иконичности и маркированности в «естественной морфологии», авторы выдвигают ряд серьезных возражений против известной идеи М. Хаспельмата о том, что эффекты «маркированности» могут быть адекватнее объяснены соображениями экономии и частотности [Haspelmath 2006]. Много места уделяется данным онто- и психолингвистики: в частности, подробно обсуждается раннее усвоение диминутивов, а также приводятся результаты эксперимента, в котором детям предлагалось оценить приемлемость форм мн. ч. немецких существительных, образованных по различным моделям. В статье приводятся результаты большого количества исследований (в том числе еще неопубликованных), выполненных в последние годы в русле «естественной морфологии», однако обилие данных иногда делает текст сложным для восприятия: от читателя требуется определенное усилие, чтобы за деревьями не перестать видеть лес. В заключительном разделе авторы повторяют тезис о центральной роли конкуренции мотиваций в лингвистической аргументации, но призывают не упускать из виду, во-первых, того, что конкурирующие факторы в общем случае не обязательно являются независимыми, а во-вторых, того,

что предлагаемые лингвистами наборы мотиваций редко позволяют полностью объяснить соответствующий аспект использования языка.

М. Хаспельмат в статье «О конкуренции системного давления и факторов экономии» уточняет собственное наблюдение [Haspelmath 2006] об экономном устройстве выражения граммем: более частотный член оппозиции получает менее эксплицитное, часто нулевое маркирование. Однако разные лексемы демонстрируют весьма различные частотные распределения форм, и если бы маркирование целиком определялось требованиями экономии, в этой области следовало бы ожидать больше внутриязыкового варьирования (например, в языке использовалось бы несколько маркеров прямого объекта, тем более фонологически протяженных, чем менее характерна данная позиция для соответствующего существительного). Автор делает вывод, что в конкуренцию с принципом экономии вступает аналогическое системное давление, требующее использовать одинаковое маркирование для обширных классов лексем. Попутно еще раз кратко проговаривается авторская точка зрения на соотношение маркированности и частотности, однако содержательной полемики с В. Дресслером и соавторами (см. выше) не происходит: если те ссылаются на статью М. Хаспельмата, то последний, видимо, не успел учесть их возражения (однако см. [Haspelmath, Karjuz (in print)]). Единственный аргумент, обсуждаемый в обеих статьях, — хрестоматийный пример валлийского сингулятива (*plu-en* ‘перо’, *plu* ‘перья’), который Хаспельмат объясняет через частотность, а Дресслер, Либбен и Корецки-Крёлль — через явление обратной маркированности. Однако по сути каждая из сторон лишь показывает, что объяснение в их терминах возможно, не раскрывая, как оно соотносится с альтернативным анализом и почему должно быть ему предпочтено.

Б. Мондорф в статье «Видимая конкуренция мотиваций в морфосинтаксическом варьировании» задается вопросом о факторах, заставляющих говорящего выбирать между синтетическим и аналитическим способом выражения одного и того же значения. В фокусе рассмотрения находятся английские компаративы: синтетические с суффиксом *-er* и аналитические с кванторным наречием *more*; кратко затрагиваются также несколько пар других конструкций английского, немецкого и испанского языков. Сравнивая различные ранее предлагавшиеся объяснения и анализируя корпусные данные, автор приходит к выводу, что аналитическая конструкция, менее экономная, но более эксплицитная, используется в тех ситуациях, когда обработка сравнительного оборота в силу тех или иных его семантических, прагматических или синтаксических особенностей требует больших когнитивных усилий. Таким образом, в английском языке конфликт между требованиями экономии и эксплицитности разрешается путем «разделения труда» между двумя способами выражения (SEPARATION в терминах Моравчик).

Статья **М. Пфайффера** «Формальные и функциональные мотивации структуры самоисправления в немецком» посвящена тому, как носители немецкого языка исправляют оговорки, связанные с употреблением неправильного существительного в составе предложной группы. В таких случаях говорящий может несколькими способами выбрать «точку возврата» — начало отрезка речи, который он повторяет в исправленном виде. Основываясь на небольшом корпусе аудиозаписей спонтанной речи, автор показывает (вопреки утверждениям в существующей литературе), что выбор точки возврата определяется взаимодействием нескольких факторов, как формальных, связанных с грамматикой языка (ограничение на разрыв составляющей), так и функциональных, диктуемых текущими нуждами говорящего (прежде всего, стремлением закончить самоисправление как можно быстрее), причем удельный вес этих факторов различен при различных типах оговорок. Интересно, что «точка прерывания» — момент, когда говорящий обнаруживает свою ошибку и запинается, — не оказывает существенного влияния на выбор точки возврата.

Если большинство авторов сборника рассматривают конкуренцию мотиваций с точки зрения говорящего (какие факторы благоприятствуют выбору одного из возможных средств выражения нужного значения?), то **Дж. Хайман** пытается поставить вопрос со стороны слушающего (какие факторы заставляют выбирать то или иное прочтение полисемичного выражения?). В статье «Шесть соперничающих мотиваций повтора» он выделяет функции,

мотивирующие использование повтора (в том числе редупликации) в языках мира. Три из них: иконический повтор для выражения значений итеративности, множественности, дистрибутивности, интенсивности и т. д., «декоративный» повтор (типа англ. *helter-skelter*) и «сценический» повтор, свойственный идеофонам, — касаются повтора внутри одного высказывания; остальные три: цитирование, «поддакивание» и пародирование, — относятся к интертекстуальному повтору. Далее Хайман приводит в качестве иллюстрации данные кхмерского языка, в котором все шесть видов повтора имеют свои формальные особенности. В заключение выдвигается гипотетическая универсалия, согласно которой пародирование/саркастическая имитация всегда предполагает некоторое дополнение, приукрашивание оригинального высказывания. Хотя статья содержит много любопытных сведений и очень живо написана, заявленная в начале проблема конкуренции мотиваций при интерпретации конструкции с повтором в итоге остается без рассмотрения, так что связь данной публикации с общей темой сборника кажется довольно сомнительной.

Третью часть книги составляют семь статей, посвященных более общим и фундаментальным аспектам проблематики сборника. В статье **Дж. Дюбуа**, которая так и называется: «Мотивируя конкуренцию», поднимается вопрос о том, что представляют собой конкурирующие мотивации и как именно осуществляется их воздействие. В качестве стартовой точки выдвигается два постулата: во-первых, всякий мотивирующий фактор в языке действует только в конкуренции с другими факторами; во-вторых, конкуренция мотиваций происходит в реальном времени при порождении любого высказывания. Таким образом, для понимания этого явления и его воздействия на грамматику необходимо изучать данные спонтанной речи. Дюбуа строит собственную модель конкуренции мотиваций, включающую в себя четыре основных компонента: (1) целостное высказывание, соперничающее с альтернативными способами выражения того же значения или осуществления того же коммуникативного намерения (так называемая «внешняя конкуренция»); (2) функциональные единицы (морфемы, слова и конструкции), составляющие это высказывание; (3) коммуникативные стратегии, соотносимые с конкретными единицами из (2) и соперничающие за включение тех или иных единиц в итоговое высказывание («внутренняя конкуренция»), и (4) «критерии пригодности» (экономия, иконичность, однозначность и т. п.), относительно которых оцениваются кандидаты. По мнению Дюбуа, закрепившаяся практика называть «конкурирующими мотивациями» критерии типа (4) ошибочны; в действительности участниками конкуренции являются стратегии типа (3), причем только в связке с единицами (2), так как только посредством последних они могут вступать в конкуренцию. Он признает, что его концепция далека от общепринятой, а некоторые положения еще нуждаются в доказательстве. В статье чувствуется некоторый полемический задор (который не лучшим образом сказывается на композиции текста), причем в число имплицитных адресатов полемики попадает, как кажется, большинство остальных авторов сборника.

С. Кристофаро («Модели, основанные на конкуренции мотиваций, и диахрония: каковы свидетельства в пользу каких мотиваций?») обращает внимание на то, что конкурирующие принципы, постулируемые в различных теориях для объяснения тех или иных грамматических явлений, зачастую основываются на синхронной дистрибуции последних и не учитывают диахронических изменений, которые привели к их возникновению. Автор рассматривает такие классические случаи, как аккузативное/эргативное кодирование аргументов (традиционно объясняемое требованиями различения участников и функциональными сходствами между различными ролями) и нулевое/эксплицитное маркирование единственного/множественного числа (традиционно объясняемое соображениями частотности и экономии), и на ряде примеров показывает, что история их возникновения в том или ином языке зачастую не дает оснований постулировать воздействие соответствующих принципов. Далее рассматривается оформление сентенциальных актантов при директивных и перцептивных матричных предикатах. Как осторожно предполагает автор, на выбор стратегии оформления может влиять конкуренция между несколькими когнитивными интерпретациями одной ситуации. Кристофаро не призывает искать мотивацию тех или иных

явлений исключительно в истории языка и признает, что наличие диахронического объяснения в общем случае не противоречит объяснению в терминах конкуренции мотиваций. Однако, заключает она, неправомерно выдвигать подобное объяснение, не рассмотрев детально генезис изучаемого явления, так как последний мог направляться факторами, внешними по отношению к данному фрагменту грамматики.

В статье «Где же именно конкурируют мотивации?» **Ф. Ньюмейер** противопоставляет два подхода к конкуренции мотиваций в теории грамматики, которые он обозначает как «прямая конкуренция» и «непрямая конкуренция». Согласно первому, существует прямая связь между свойствами грамматик конкретных языков и объясняющими эти свойства функциональными мотивациями, вступающими в конкуренцию. В качестве радикального варианта этого подхода автор называет теорию «возникающей грамматики» П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper 1988], которую активно критикует едва ли не с момента возникновения [Newmeyer 1992]. Второй подход предполагает, что такой прямой связи нет, а влияние функциональных факторов на грамматику происходит в употреблении и усвоении языка (и, как следствие, в его изменении) и проявляется в межъязыковой дистрибуции грамматических единиц. В основной части статьи Ньюмейер выдвигает четыре аргумента в пользу непрямой конкуренции по сравнению с прямой: последняя игнорирует роль конвенционализации, переоценивает роль функционально-коммуникативных факторов в языковых изменениях, преуменьшает (нефункциональное) структурное давление на грамматику и не может объяснить некоторые «побочные эффекты» функционально-мотивированных изменений. Примечательно, что все эти аргументы так или иначе затрагивают вопросы истории языка, так что общие выводы оказываются неожиданно созвучны предшествующей статье С. Кристофаро. В заключении автор отмечает, что никакое языковое правило не имеет мотивации само по себе, но только в контексте общей системы, которая подвержена изменениям во времени; таким образом, приписывать определенной единице или правилу конкретный мотивирующий фактор в общем случае чересчур наивно. Интересно, что в закрывающей сборник статье Б. МакУинни (см. ниже), несмотря на эмерджентистский в целом характер его модели, горячо соглашается с данными тезисами Ф. Ньюмейера. Остается лишь пожалеть, что последний никак не обсуждает концепцию Дж. Дюбуа (см. выше), которая, как кажется, не вполне укладывается в описанную им дихотомию подходов.

Статья **Й. Хельмбрехта** «Различия местоимений по вежливости: исследование конкурирующих мотиваций» предлагает функционально-ориентированный анализ развития противопоставления по вежливости в личных местоимениях (русс. *ты* vs. *Вы*) в романских, германских и славянских языках. Изначально противопоставление по вежливости возникает под влиянием социально-прагматических причин, в связи с чем автор решительно отвергает встречающуюся в литературе точку зрения, согласно которой зарождение инноваций имеет функциональную мотивацию, а их дальнейшее распространение — социальную. Также Хельмбрехт показывает, что социальные и прагматические функции, связанные с вежливостью и общественным престижем, вступают в конфликт с соображениями экономии, имеющими когнитивный характер. В разных языках этот конфликт разрешается по-разному, в результате чего вежливые варианты местоимений демонстрируют различную степень интеграции в прономинальную парадигму. Однако во всех случаях речь идет не о «победе» одного фактора над другим, но о некотором компромиссе (SOM-PROMISE) между ними.

Отправной точкой для рассуждений **М. Ариэль** в статье «Конструкции с *or*: моносемия и полисемия» служит наблюдение о том, что интересы удобства слушающего требуют одно-однозначного соответствия между формой и значением, в то время как соображения удобства говорящего благоприятствуют употреблению конструкций с широкой полисемией. Какие факторы влияют на выбор более общего или более специализированного способа выражения некоторого значения? В рамках данного вопроса автор рассматривает дизъюнктивные конструкции в английском языке, временами привлекая для сопоставления данные русского, иврита и финского. Правильная интерпретация многозначной конструкции

опирается на некоторые контекстуальные маркеры, моносемичные конструкции (ср. англ. *X or something, to V or not to V*) зачастую возникают в результате конвенционализации или грамматикализации таких маркеров. Согласно гипотезе автора, еще требующей эмпирической проверки, полисемия удовлетворяет условиям успешной коммуникации только при наличии контекстуальных маркеров, позволяющих слушающему выбрать правильную интерпретацию; недостаток таких маркеров благоприятствует употреблению моносемичных конструкций. Таким образом, конкуренция разрешается по сценарию «разделения труда» (SEPARATION): предпочтительной может оказаться как опора на кодификацию, так и ставка на инференцию [Падучева 2004: 101—110], в зависимости от условий.

В статье **Г. Кальтенбёка** и **Б. Хайне** «Грамматика предложения и тетическая грамматика: два конкурирующих домена?» подход, основанный на конкуренции мотиваций, применяется к организации дискурса. Авторы рассматривают тетические элементы (theticals) — всевозможные вводные слова, дискурсивные наречия, поправки, комментарии и прочие «вставки», существующие вне связи с синтаксическими структурами окружающего текста и часто получающие особое просодическое оформление. Утверждается, что таким элементам присуща своя особая «тетическая грамматика», противопоставляемая общей «грамматике предложения». Зачастую одна и та же информация может быть передана как при помощи тетического комментария (*Родину — сам знаешь — не выбирают*), так и в составе синтаксических структур основной линии дискурса (*Ты сам знаешь, что Родину не выбирают*), что ставит вопрос о конкуренции между этими двумя доменами. «Грамматика предложения», основанная на иерархических структурах, приспособлена для выражения пропозициональной семантики в линейном формате. «Тетическая грамматика» же позволяет говорящему мгновенно реагировать на дискурсивную ситуацию. Хотя использование тетических элементов, разрывающих основную линию повествования, добавляет нагрузки на кратковременную память, оно в то же время обеспечивает гибкость дискурса, а также позволяет избежать употребления сложных синтаксических структур. В целом следует признать, что данная статья ничего существенного не добавляет к прежним публикациям авторов на ту же тему (см. в первую очередь [Kaltenböck et al. 2011; Heine et al. 2013]), а только акцентирует идею конкуренции сентенциального и тетического доменов, уже присутствующую в выводах последней работы.

Своеобразной кодой к сборнику выступает статья **Б. МакУинни** «Выводы. Конкуренция во времени». Автор начинается с выделения двух традиций изучения конкуренции мотиваций: функционально-типологической, объясняющей наблюдаемые внутри- и межязыковые распределения через взаимодействие ряда факторов, и психолингвистической, рассматривающей соперничество различных форм в реальном времени в процессе порождения высказывания. Утверждается, что они могут быть сведены воедино в рамках всеохватывающей эмерджентистской модели, основанной на метафоре сцепления (meshing) различных временных интервалов (timeframes), в рамках которых происходят различные речевые и языковые процессы (более развернутое изложение см., например, в [MacWhinney 2005]). По мнению автора, учет таких интервалов есть необходимое условие для понимания конкуренции между мотивациями различных уровней. Так, в статьях В. Дресслера и соавторов, М. Хаспельмата и Б. Мондорф так или иначе затрагивается проблема конкуренции в процессе порождения высказывания между кобинированием элементов и готовой формой. Выбор говорящего здесь зависит от того, какая операция — вычисление формы по правилам или извлечение ее из ментального лексикона — оказывается быстрее, что, в свою очередь, связано со скоростью работы тех или иных нейронных контуров. В схожем ключе автор комментирует и другие статьи сборника, увязывая их выводы с теми или иными фрагментами своей модели. Следует, однако, признать, что многие положения Б. МакУинни еще требуют более подробной разработки и о построении всеобъемлющей теории, которая вобрала бы в себя результаты разных исследований, собранных под обложкой рецензируемого тома, говорить пока рано (отчасти этой цели служит компендиум [MacWhinney, O'Grady 2015], на статьи которого, ошибочно датированные в библиографии 2014 годом, автор тоже активно ссылается).

В частности, заявленная в начале статьи задача: интеграция лингвистической диахронии и типологии, с одной стороны, и психолингвистики, с другой, на основе единого подхода к конкуренции мотиваций, не выглядит убедительно решенной. Дальше повторения общих положений о том, что типологические распределения зависят от диахронических изменений, а те берут свое начало в конкретных актах порождения высказывания, дело не заходит.

Как видно по приведенному обзору, рецензируемый сборник неоднороден по составу. Под его обложкой собраны статьи по лингвистической типологии, грамматической теории, квантитативной корпусной лингвистике, психо- и онтолингвистике, вычислительной нейробиологии; глубокие исследования частных языковых явлений соседствуют с широкими обзорами и теоретико-методологическими эссе. Возникает закономерный вопрос, действительно ли у всего этого разнообразия есть единый тематический стержень. На этот вопрос следует дать одновременно и положительный, и отрицательный ответ.

С одной стороны, сборник является коллекцией статей, в основном написанных более или менее независимо: авторы иногда ссылаются друг на друга, но явно не следуют какой-либо общей программе, порой демонстрируя различия в понятийном аппарате, которые мешают сопоставить полученные ими результаты. (В этом смысле не вполне понятно решение составителей выпустить сборник в виде коллективной монографии с нумерацией глав и общей библиографией.) Особенно бросается в глаза различие в трактовке самого понятия конкуренции мотиваций разными авторами. Во-первых, существует конкуренция между двумя или более формами, представленными в языке, одну из которых выбирает говорящий. Во-вторых, можно говорить о конкуренции различных факторов, определяющей облик конкретной языковой формы. Это явления взаимосвязанные, но не тождественные. Наконец, под конкуренцией можно понимать и соперничество различных объяснений, предлагаемых для того или иного явления (это, так сказать, конкуренция не в языке, но в лингвистике). В сборнике присутствуют все три понимания конкуренции, причем различие далеко не всегда проводится эксплицитно. Вопрос об их соотношении поднимается в некоторых статьях (в первую очередь, у Дж. Дюбуа), но заслуживает большего внимания.

С другой стороны, нельзя отрицать того, что статьи разных авторов удачно дополняют друг друга и обнаруживают немало точек пересечения, иногда довольно неожиданных, которые делают сборник чем-то большим, чем просто сумма входящих в него статей. Эта перекличка между работами, выполненными в рамках разных направлений лингвистики, позволяет получить действительно многомерный взгляд на вынесенную в заглавие проблему. Тут кажется уместным отметить и весьма представительный авторский состав: сборник объединил сильных ученых, большинство из которых хорошо известны в своей области (две статьи принадлежат начинающим исследователям, но, безусловно, соответствуют общему высокому уровню).

Обращает на себя внимание и то, что почти все статьи опираются на материал более ранних публикаций, интерпретируя его в свете конкуренции мотиваций. Те же исследования, которые основаны на специально собранных данных (преимущественно экспериментальных или корпусных), естественным образом продолжают предшествующие штудии авторов. Создается впечатление, что тема сборника не побудила большинство участников к поиску каких-либо новых языковых данных, что, впрочем, вовсе не является недостатком: в сборнике представлен синтез огромного объема исследований, проведенных за последние годы, и это его несомненная сильная сторона. Не вызывает сомнений и то, что сборник указывает сразу несколько направлений для дальнейших плодотворных изысканий.

Качество издания соответствует высоким стандартам Oxford University Press, печати немногочисленны и не препятствуют пониманию текста, однако несколько моментов можно поставить в вину редакторам. Так, в статье А. Л. Мальчукова начало раздела 2.4 (с. 26) фактически повторяет заключительное предложение предыдущего; на следующей странице в примере (13) из языка нуэ, взятом из [Seiter 1980: 120], опущены два последних слова (*ke fakamatala* 'subj speak'); в ряде примеров отдельные сокращения в строке глоссирования набраны прописными вместо капителя; в нескольких случаях разные варианты названия

одного языка используются попеременно, иногда в пределах одной страницы; библиография оформлена непоследовательно и содержит ошибки; есть и вопросы по поводу (не)включения тех или иных терминов, названий и имен в предметный указатель.

В целом, однако, рецензируемый сборник выполнен на очень высоком уровне, затрагивает ряд фундаментальных вопросов устройства и функционирования языка, вносит большой вклад в наше понимание взаимодействия и конкуренции мотивирующих факторов в грамматике и дискурсе и, несомненно, будет интересен широкому кругу исследователей, работающих в самых разных областях лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2012 — Аркадьев П. М. [Рец. на:] A. L. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Berlin, 2010 // Вопросы языкознания. 2012. №1. С. 110—118. [Arkad'ev P. M. [Review of:] A. L. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Berlin, 2010. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 1. Pp. 110—118.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001. [Testelecs Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalizations and ergativity*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Bates, MacWhinney 1987 — Bates E., MacWhinney B. *Competition, variation, and language learning. Mechanisms of language acquisition*. MacWhinney B. (ed.). Hillsdale (NJ); London: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. Pp. 157—193.
- Bates, MacWhinney 1989 — Bates E., MacWhinney B. *Functionalism and the competition model. The cross-linguistic study of sentence processing*. MacWhinney B., Bates E. (eds.). New York: Cambridge Univ. Press, 1989. Pp. 77—117.
- Bornkessel 2002 — Bornkessel I. *The argument dependency model: A neurocognitive approach to incremental interpretation*. Leipzig: Max Planck Institute of Cognitive Neuroscience, 2002.
- Bornkessel, Schlesewsky 2006 — Bornkessel I., Schlesewsky M. *The extended argument dependency model: A neurocognitive approach to sentence comprehension among languages. Psychological Review*. 2006. Vol. 113. Pp. 787—821.
- Croft 2001 — Croft W. A. *Radical construction grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Dik 1989 — Dik S. C. *The theory of functional grammar*. Part. 1: The structure of the clause. Dordrecht: Foris, 1989.
- Dressler 1986 — Dressler W. U. *Explanation of natural morphology, illustrated with comparative and agent-noun formation. Linguistics*. 1986. Vol. 24. Pp. 519—548.
- Gabelenz 1901 — von der Gabelenz G. *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*. 2. Aufl. Leipzig: Tauschniz, 1901.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. *Against markedness (and what to replace it with). Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. No. 1. Pp. 25—70.
- Haspelmath, Karjus (in print) — Haspelmath M., Karjus A. *Explaining asymmetries in number marking: Singulatives, pluratives and usage frequency. Linguistics*. 2017. Vol. 55. (in print).
- Hawkins 1994 — Hawkins J. A. *A performance theory of order and constituency*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Hawkins 2004 — Hawkins J. A. *Efficiency and complexity in grammars*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Heine et al. 2013 — Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. *An outline of discourse grammar. Functional approaches to language*. Bischoff Sh. T., Jany C. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2013. Pp. 155—206.
- Hopper 1988 — Hopper P. J. *Emergent grammar and the apriori grammar postulate. Linguistics in context: Connecting observation and understanding*. Tannen D. (ed.). Norwood (NJ): Ablex, 1988. Pp. 117—134.

- Kaltenböck et al. 2011 — Kaltenböck G., Heine B., Kuteva T. On thetical grammar. *Studies in Language*. 2011. Vol. 35. Pp. 852—897.
- MacWhinney 2005 — MacWhinney B. The emergence of linguistic form in time. *Connection Science*. 2005. Vol. 17. Pp. 191—211.
- MacWhinney, O'Grady 2015 — MacWhinney B., O'Grady W. (eds.). *The handbook of language emergence*. New York: Blackwell Publ., 2015.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A. L., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: A typological overview. *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Malchukov A. L., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1—64.
- Martinet 1955 — Martinet A. *Économie des changements phonétiques*. Berne: Francke, 1955.
- Mattys et al. 2005 — Mattys S. L., White L., Melhorn J. F. Integration of multiple segmentation cues: A hierarchical framework. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2005. Vol. 134. Pp. 477—500.
- Moravcsik 2010 — Moravcsik E. Conflict resolution in syntactic theory. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. Pp. 636—669.
- Newmeyer 1992 — Newmeyer F. J. Iconicity and generative grammar. *Language*. 1992. Vol. 68. No. 4. Pp. 756—796.
- Prince, Smolensky 1993 — Prince A., Smolensky P. *Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar*. Technical report no. 2 of the Rutgers Center for Cognitive Science, Rutgers University, New Brunswick (NJ): Rutgers Univ., 1993.
- Seiter 1980 — Seiter W. J. *Studies in Niuean syntax*. New York: Garland Publ., 1980.
- Wiechmann, Lohmann 2012 — Wiechmann D., Lohmann A. Domain minimization and beyond: Modeling PP ordering. *Language Variation and Change*. 2012. Vol. 25. No. 1. Pp. 65—88.

А. А. Плотникова. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с. [A. A. Plotnikova. *Slavyanskije ostrovnyje arealy: arkhajka i innovatsii* [Slavic insular areas: Archaic and innovative features]. Moscow: Institute for Slavic Studies, 2016. 320 p.] ISBN 978-5-7576-0353-7*.

Максим Максимович Макарецв

Maxim M. Makartsev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991,
Российская Федерация; makarcev@bk.ru

Institute of Slavic Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
makarcev@bk.ru

Термин «островной ареал», восходящий к немецкой диалектологии середины XIX в. ([Riehl 2010: 335]; там же см. библиографию вопроса), достаточно быстро осваивается ареальной лингвистикой. В последнее время он был заимствован и смежными дисциплинами, которые обращались к славянским традициям, существующим в иноязычном и инокультурном окружении. Знаковой здесь стала книга «Славянские языковые и культурные острова» [Nowicka, Gluszkowski 2013]. Она открывается серией статей о польских островных ареалах в Восточной Европе и Азии (т. е. определяющим является взгляд из материнского ареала на островной, причем авторы выходят за пределы собственно лингвистики и обращаются также к национальной идентичности, истории национального движения, идеологии и социологии), но дальше рассматривается случай Боснии (проблема богомилства и боснийского ислама) как религиозного островного ареала (*wyspa wuznaniowa*), а завершает сборник серия статей про старообрядцев на польских землях (островной языковой, религиозный и культурный ареал). Таким образом, понятие островного ареала в литературе последних лет выходит за пределы лингвистики и применяется к ряду явлений, которые выделяют некоторые группы на фоне их окружения.

Рассматриваемая монография А. А. Плотниковой «Славянские островные ареалы: архаика и инновации» расширяет и обосновывает применение термина «островной ареал»

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

в этнолингвистическом аспекте. Автор отмечает, что «“островная” терминология все чаще встречается в новейшей литературе по культурологии, истории и социологии» (с. 6). На наш взгляд, это связано с исключительной удачностью метафоры, лежащей в основе термина: *остров* принадлежит к мифологическому словарю, в котором имеет характеристики особенности, непохожести, индивидуальности. «Правомерным представляется говорить об *островной ментальности*, на которой лежит печать той же двойственности, одновременно *открытости* и *закрытости*, осознания собственной уникальности, но и стремления к чему-то большему, дальнему, к центру, представленному материком» [Цивьян 2009: 238].

Эти признаки островной ментальности можно увидеть и в описываемых в монографии сообществах: у старообрядцев Добруджи (липован), градищанских хорватов Австрии, боснийских мусульман. Все три традиции противопоставляются своим непосредственным соседям по некоторому набору признаков (см. далее) и в то же время имеют связь с другими внешнеположенными группами. Продолжая островную метафору, можно сказать, что мы наблюдаем здесь взаимоотношения *остров* — *материк* или *остров* — *архипелаг*. Старообрядцы Добруджи связаны как с более широким русским ареалом, так и с более локальными старообрядческими регионами (прежде всего, Веткой и Стародубьем), градищанские хорваты — с междуречьем Савы, Купы и Уны (а также другими регионами Хорватии и Боснии). Сопоставление их традиции с традицией «материка» позволяет определить архаизмы и инновации в языке и культуре. Для славян-мусульман Боснии определяющей является их религиозная идентичность, в то время как история их миграции на современное место расселения совпадает с историей миграции их соседей иных конфессий. В то же время конфессиональная принадлежность объединяет их с другими группами-островами славян-мусульман на Балканах (в Нови-Пазаре, Косовской Горе, Западной Македонии, Фракии и т. д.) в «архипелаг», что прослеживается на разных уровнях. Например, боснийская идентичность декларируется некоторыми славянами-мусульманами Нови-Пазара, Горы и Западной Македонии, поскольку она воспринимается без привязки к географической области (в данном случае к Боснии), скорее как синоним понятия «славянин-мусульманин». Это позволяет последним механически переносить на себя также дискурсы о богомильском происхождении мусульман на Балканах (регистрируется в Горе и Западной Македонии [Макарцев 2015]).

Автор предпринимает опыт построения типологии, задав сетку признаков, в пространстве которых рассматриваются ареалы (конфессия, язык, культурная традиция, совместное/раздельное проживание, политический статус). Сбор полевого материала проводился по опроснику «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» [Плотникова 1996], а для изучения старообрядцев Добруджи привлекались также программы для изучения Полесья и донского казачества.

Книга разделена на три главы, каждая из которых посвящена одному из ареалов. Главы выстроены схожим образом: они открываются социоллингвистическим введением и описанием истории рассматриваемой группы, продолжают анализом архаической специфики группы (связь с «материком»/иными островами «архипелага») и завершаются описанием новых явлений в языке и народной культуре, возникших как следствие изолированности ареалов (чаще всего в результате влияния языкового и культурного окружения).

Старообрядцы Добруджи (липоване) являются наиболее обособленным островным ареалом из описанных в книге: они существуют в иноэтническом, иноязыковом и иноконфессиональном окружении (с. 14). Описание их традиции потребовало как исследования ее восточнославянской базы, так и новоприобретенной под влиянием румынского окружения балканской специфики. Значительное место занимает описание народной культуры, традиционного костюма и обрядности. Терминологическая лексика традиционной духовной культуры липован соотносится прежде всего с южнорусской и (реже) среднерусской, но спорадически включает также более широко распространенные диалектные термины, что связано с волнообразным процессом заселения (на первоначальное некрасовское население с Дона наслонились более поздние группы из центральных и западных частей русской территории (с. 35—36)). Рассматриваются некоторые термины родства (обращения: *бабуш*,

дедуш, батюч, дочеч; термины с уменьшительными суффиксами: *мамíка, тятíка, бабíка*; продуктивность корня *-род-*), родинная и свадебная обрядность, окказиональные обряды вызывания дождя, народная медицина, низшая мифология, поверья о природе. Мифологические локусы духовных стихов и поверий связываются старообрядцами с реальными местами в окрестностях липованских сел, Дунай — с мифологическим змеем, изгибы его рукавов — со следами змея, устье показывает, как широко змей раскрывал пасть и захватывал морскую воду (с. 89—92). Среди новых явлений в языке и культуре старообрядцев — многочисленные заимствования из румынского языка, обусловленные диглоссией русского (*липованского, русского липованского*) и румынского языков (русский используется, прежде всего, в бытовом общении). Отдельное место занимают глагольные заимствования из румынского («Пришла, пындила [т. е. «караулила»], когда корова будет отеляться (из рум. *a pîndí* ‘караулить, стеречь’)» — с. 98), к которым часто могут добавляться русские приставки («Подиспарулося, кругом нема [Поисчезало, кругом ничего нет]» — там же). У части старообрядцев из румынского заимствуется обрядовая лексика (*моша* ‘повивальная бабка’, *наша* ‘крестная мать’, *нутáши* ‘званные гости’ и т. д. — с. 100). Липоване четко проводят границу между своей и румынской культурной традицией («Мы об этом знаем, но у нас этого нет» — с. 103), но при этом могут принимать участие в румынских обычаях (например, Пеперуда и Калоян). Некоторые румынские обряды и традиции заимствуются (мартовские нити, новогодний обход детьми села, обрядовая пища, элементы свадебного ряжения), что происходит на фоне модернизации и упрощения обрядовой традиции (с. 110). Характер взаимодействия румынской и липованской традиций может быть описан термином «сближение» («включение отдельных компонентов соседней культуры в ядро и периферию своей без серьезной внутренней перегруппировки последней» [Иванова 2015: 19], цит. по рецензируемой монографии, с. 112). В приложении к книге опубликовано 100 расшифрованных текстов из интервью со старообрядцами (прежде всего, нарративы о народной традиции, а также песни).

Градищанские хорваты существуют в иноэтническом и иноязыковом окружении (на границе Австрии и Венгрии), в то же время конфессионально они принадлежат к католицизму, как и их соседи. Как и в случае липован, переселение на территорию провинции Бургенланд / Градище происходило волнами и затрагивало носителей разных локальных говоров, таким образом материнский ареал невозможно точно локализовать. Описание их традиции велось на основе опросника [Плотникова 1996] в сравнении с обширным массивом данных с западной части южнославянского пространства. Внутренняя неоднородность ареала (деление на северную и южную часть) неабсолютна, но она проявляется в наличии регионально маркированных терминов-дублетов (север: *vrtanj / vertanj* ‘свадебный хлеб’, *babac* ‘распорядитель на свадьбе’, *puotprnja / potpertnja* ‘дружка женского пола’, ср. используемые на юге соответствующие термины: *kolač, pozivač, posnašnica*). В серии небольших разделов рассматриваются номинации и действия, связанные со свадебным хлебом, народный календарь, низшая мифология (ведьмы-*viške*, вилы, огненный змей, опасный для новорожденных персонаж *mrak / mračnjak / mǎčnjak*). Локальная терминологическая лексика в Градище дополняет наши представления об этнолингвистической географии Южной Славии (см. [Плотникова 2004]): она может быть эксклюзивной для ареала (*babac, puotprnja / potpertnja*); совпадать с узлокальной лексикой отдельных хорватских ареалов; быть распространенной на более широкой хорватской территории (*viška, mrak*), в соседнем словенском ареале (*vrtanj* в виде кольца, масляничный обычай с колодкой *korito vluč* ‘тянуть корыто’ — в последнем случае не исключается вторичное австрийское влияние, насланивающееся на этот изначально германский ритуал), на широкой территории запада Южной Славии (обозначение погребального плача через **jauk-*, **jok(a)-*), на всей южнославянской территории (*vila, zmaj* и т. д.). При рассмотрении лексических заимствований в языке градищанских хорватов следует учитывать большой пласт «первоначальных» германизмов и унгаризмов, которые уже вошли в их язык до переселения (с. 157). В то же время существует ряд узлокальных специфических заимствований (например, *grebencijaš* ‘человек, который мог воздействовать на погоду’ < венг. *garboncás diák*). На примере Градища можно наблюдать

процесс постепенного исчезновения традиции: ряд культурно-языковых явлений исчезает или заменяется на заимствованные из немецкоязычного ареала / контаминируется с ними (благословение урожая в церкви: *žetvena zavalnica*, ср. нем. *Erntedankfest*; обряд волочения колодки отождествляется с соответствующим австрийским (*Blochziehen*)).

Боснийские мусульмане рассматриваются как остров только из-за своего гетероконфессионального статуса. Различия между ними и окружением в языке и народной культуре второстепенны и являются производными от конфессиональных. Рассматриваются компоненты традиции, зафиксированные автором при полевом опросе жителей: народный календарь (Юрьев день и др.), семейная обрядность (родинная, свадебная, похоронная), народная мифология (змея-*aždaha*, мартовская старуха, вила, *mora*, ведьмы-*sihirbašice*, волколаки, змей-хранитель дома (*kućenica, kučarica*), дух, которым пугали детей (*Baba Roga, mrakač*)), и другие верования, встречающиеся также у православных сербов), обряды при строительстве дома. Терминология народной культуры имеет разные пласты: семейная обрядность, прежде всего, славянская, а в лексике народного календаря преобладают турцизмы (с. 176). Большой раздел посвящен турцизмам в языке боснийских мусульман. Автор опирается на «Словарь боснийского языка» и описывает употребление ряда приведенных в нем турцизмов в полевых материалах (в календарной терминологии: *Aliđun* ‘праздник второго августа’, *Bajram, kurban, teferič* ‘праздник на открытом воздухе; часть мусульманского свадебного обряда, когда устраиваются конные соревнования’; семейной обрядности: *bašluk* ‘надгробный памятник’, *boščaluk* ‘подарок; приданое невесты’, *bula* ‘женщина после свадьбы’, *duvak* ‘вуаль, фата невесты’, *džehenem* ‘ад’, *dženaza* ‘намаз по усопшему; погребение’, *dženet* ‘рай’, *ničah* ‘свадьба; пир’, *miraz* ‘недвижимость, которую невеста приносит будущему мужу при заключении брака’ (sic), *mejt* ‘усопший’, *mezar* ‘могила, гробница’, *nišan* ‘надгробный памятник’, *sejsana* ‘подарки родне жениха от невесты; этап свадьбы’, *tabut* ‘вид гроба у мусульман’; народной мифологии: *aždaha, bismila* ‘молитва во имя Бога; оберег от зла’, *džin* ‘джинн’, *džinovski vjetar* ‘нехороший ветер (разносчик зла, болезней)’, *hamajlija* ‘талисман, оберег’, *mašala* ‘вводное слово для предотвращения сглаза при восхищении чем-либо; талисман для новорожденного’, *iblis* ‘дьявол’, *melek* ‘ангел’, *nafaka* ‘пища, предопределенная человеку свыше; судьба, предопределенная свыше; подарок судьбы’, *nur* ‘сияние, огонь на могиле благочестивых людей’, *ograisati* ‘наступить на предмет порчи; подвергнуться порче’, *ogram* ‘болезнь, полученная в результате порчи; предмет порчи’, *sihir* ‘порча’, *sihirbašica, šejtan, tilsum* ‘магическое средство; оберег’). Несмотря на наименование, «экстралингвистическое наполнение термина может быть связано с архаическими славянскими контекстами» (например, *sihirbašica, teferič* — с. 231). Так, для терминов-турцизмов существует ряд славянских дублетов (*sihirbašica* — *vještica, činilica*), ритуалы, в которых используются термины-турцизмы, широко распространены в Южной Славии (с использованием других, чаще всего славянских терминов). Ряд турцизмов имеет общеюжнославянский характер и не является определяющим только для боснийско-мусульманской традиции.

Типологическое сравнение трех ареалов проводится в заключении к книге. Пять признаков, по которым ведется сравнение (конфессия, язык, культурная традиция, совместное / раздельное проживание, политический статус) сведены в таблицу. К сожалению, система условных обозначений в таблице непрозрачна (вместе с ожидаемыми знаками наличия / отсутствия признака + и – в таблице встречаются также +/- и даже +/-/-). Кроме того, наполнение знаков для разных ячеек таблицы различается («Пожалуй, несколько иное содержание мы вкладываем в знак “+/-” для боснийских мусульман» — с. 237). Впрочем, последующее текстовое описание достаточно полно раскрывает интенции автора.

Для всех трех островных ареалов характерно акцентирование традиции (через культурно-фольклорные объединения и практики, издание литературы, театральные постановки), «чтобы подчеркнуть особый характер культурно-языковой традиции по отношению к окружающей “инородной” среде» (с. 238). В то же время отчетливы тенденции к созданию своего литературного (микро)языка (липованского, градишанско-хорватского, боснийского) при всех различиях в социолингвистической ситуации и истории языковых

стандартов регионов. Терминологическая лексика народной культуры показывает все возможные виды связи с другими ареалами Славии (ее отсутствие, наличие, связь с отдельными «материнскими» регионами, связь с рядом регионов в силу волнообразного заселения островного ареала, включенность в более широкий ареал из нескольких регионов или общепринятость термина). Наиболее открытой к заимствованиям для всех трех традиций является свадебная обрядность и ее терминология, родинная обрядность лучше всего сохраняет свой первоначальный облик, а похоронно-поминальные обычаи теснее всего связаны с конфессиональными особенностями группы.

Автор указывает, что конфессиональная близость облегчает заимствование лексики народной традиции (с. 240). Как кажется, чтобы говорить о степени легкости заимствования обоснованно, следовало бы как минимум провести статистический анализ заимствований во всех трех традициях, чего в книге не делается. Очевидно, что при заданной сетке из трех признаков (гетероэтничность, гетеролингвальность, гетероконфессиональность) для утверждения об относительной легкости заимствования следовало бы показать традиции, различающиеся только одним из признаков (напрашивается вариант с максимальной легкостью заимствования для гетероэтничной гомолингвальной гомоконфессиональной культуры, средней легкостью заимствования для гомоэтничной гомолингвальной гетероконфессиональной культуры, минимальной легкостью для гомоэтничной гетеролингвальной гомоконфессиональной культуры, но это следовало бы проверить на соответствующем материале).

Также вызывает вопросы приложении термина «островной ареал» к боснийским мусульманам — это самая большая группа «архипелага» *Slavia Islamica*, она не имеет статуса переселенцев в автохтонном окружении и в абсолютном масштабе занимает не только значительную территорию, но и имеет важный вес в государстве Босния и Герцеговина. Кроме того, для изучения были выбраны мусульманские села только центральной части страны (с. 169). Означает ли центральный статус минимальное количество контактов с соседями иной конфессиональной принадлежности и подразумевает ли это внутреннюю разнородность группы по признаку «внутренний — внешний»? Как кажется, если рассматривать боснийских мусульман как островной ареал, неизбежно встает вопрос, что же тогда отличает островной материал от неостровного и где провести границу между ними. Ведь в таком случае можно рассматривать как островной ареал и большие группы людей (например, всю Южную Славию в неславянском окружении). Это неизбежно снижает эвристическую ценность термина «островной ареал». На мой взгляд, для островных ареалов (если рассматривать липован и градищанских хорватов как канонических представителей таких ареалов) важно смыкание центра и периферии: островные сообщества невелики и всегда открыты для влияний со стороны, в то время как для «материка» будут существенны различия между центром и периферией (ср. македонскую диалектологическую карту, где четко выделяются значительно раздробленные западная и юго-западная периферия, для которых издавна характерна высокая степень симбиоза с неславянскими группами населения, vs. относительно монолитные зоны на севере, в центре, на юге и востоке диалектного континуума).

Опыт параллельного описания трех славянских традиций, предпринятый А. А. Плотниковой, следует признать успешным: монография описывает большой полевой материал, который расширяет наши знания о славянской лингвистической географии. Автор убедительно показывает, что проблематика островных ареалов в этнолингвистике имеет самостоятельный статус и не должна восприниматься как производная от проблематики «материка», в то же время процессы, происходящие в разных островных ареалах, имеют много общего между собой и могут рассматриваться в общей концептуальной рамке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иванова 2015 — Иванова А. А. Типология межкультурной интерференции // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 14—26. [Ivanova A. A. A typology of cross-cultural transfer. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2015. No. 2. Pp. 14—26.]

- Макарцев 2015 — Полевые материалы. Охрид, Струга, Корча, Кристаллопиги, Касторья, Флорина, Битола, Ресен, Асамати. Эксплоратор М. М. Макарцев. Личный архив. М., 2015. [*Polevye materialy. Okhrid, Struga, Korcha, Kristallopigi, Kastor'ya, Florina, Bitola, Resen, Asamati. Eksplorator M. M. Makartsev. Lichnyi arkhiv* [Field data. Ohrid, Struga, Korce, Krystallopigi, Kastoria, Florina, Bitola, Resen, Asamati. Explorer M. M. Makartsev. Personal files]. Moscow, 2015.]
- Плотникова 1996 — Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. [*Plotnikova A. A. Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyanskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan-Slavic area]. Moscow: The Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 1996.]
- Плотникова 2004 — Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. [*Plotnikova A. A. Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic geography of the Southern Slavia]. Moscow: Indrik, 2004.]
- Цивьян 2009 — Цивьян Т. В. *Остров, островное сознание, островной сюжет // Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы*. М: Либроком, 2009. С. 234—241. [Tsiv'yan T. V. Island, island conscience, island story. Tsiv'yan T. V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy*. Moscow: Librokom, 2009. Pp. 234—241.]
- Nowicka, Głuszkowski 2013 — Nowicka E., Głuszkowski M. *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*. Toruń: UMK, 2013.
- Riehl 2010 — Riehl C. M. Discontinuous language spaces (Sprachinseln). *Language and space. An international handbook of linguistic variation*. Vol. 1: *Theories and methods*. Auer P., Schmidt J. E. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2010. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 30.1.) Pp. 332—354.

Е. В. Вельмезова. История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014. 416 с. [E. V. Vel'mezova. *Istoriya lingvistiki v istorii literatury* [The history of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014. 416 p.] ISBN 978-5-91674-302-9.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; mitrius@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; mitrius@gmail.com

Книга Екатерины Вельмезовой, нашей соотечественницы, работающей в Швейцарии, выросла из университетского преподавания истории лингвистических учений. В своей основе это анализ текстов, которые преподавательница задавала студентам для самостоятельной работы. Можно сказать (хотя такого грифа на книге нет), что это пособие по истории лингвистических учений. «Еще одно пособие»? И да, и нет: сложно написать такую книгу, выходя за рамки уже установившегося канона — в сотый раз младограмматики, анализ текстов Бодуэна или Соссюра, «язык и речь» или «глоссематика», которая, как иногда кажется, только ради этих курсов на свете и существовала¹... Между тем Вельмезовой это удалось. Оригинальная идея, легшая в основу курса и книги — изучать не (только) сами по себе лингвистические научные или претендующие на таковой статус тексты, но и тексты художественной литературы, в которых отразилось актуальное языкознание своей эпохи (ценно именно восприятие современниками, пусть и подсознательное). Идею написать эту книгу подсказали автору покойные А. Д. Михайлов и Т. М. Николаева,

¹ Впрочем, мало кому известно, что глоссематика, строго говоря, не «мертвая» теория; кружок ее приверженцев существует в Падуе (<http://www.circologlossematico.info/>), у него есть формальное членство и неперiodическое издание (благодарим за указание М. Хаспельмата).

всегда с чуткостью относившиеся к текстам на грани научного и беллетристического жанра (а также взаимному отражению одного в другом).

Особое внимание в годовом курсе, который читала Е. В. Вельмезова студентам-славистам (бакалаврам последнего года обучения; программу см. на с. 16—17), уделено русской лингвистике, однако и в контекст важнейших идей мирового языкознания учащиеся, конечно же, вводятся тоже. История лингвистики при этом связана с историей идей. Отдельная лекция посвящена, например, «лингвистике славянофилов» (в отличие от советской традиции, где «русский ученый К. С. Аксаков» и «реакционный славянофил К. С. Аксаков» — разные фигуры, почти как Хомский и Чомски), а в названии лекции о Пражском лингвистическом кружке включены слова «между Востоком и Западом» — указание на евразийство как философию русских пражцев (ср. схожий статус «двух Трубецких»). Автор подчеркивает во введении (вслед за одним из крупнейших современных историографов лингвистики Сильвенем Ору), что в область ее интересов входит и «фантастическая лингвистика», которая может не выдерживать критики, но свидетельствует и о развитии научных идей в свою эпоху и часто неустраима из социальной истории науки. Так, отдельно выделяются Марр и марризм, которым Е. В. Вельмезова посвятила особое исследование [Velmézova 2007]. Отметим, что изучение отрывков из текстов Марра входило, например, в курс и хрестоматию В. А. Звегинцева, но уже В. М. Алпатов, во многом опиравшийся на Звегинцева и тоже посвятивший марристу «мифу» книгу, в своем курсе лингвистических учений говорит о Марре как о фигуре, повлиявшей больше на социум, чем на науку (хотя и на нее тоже), не предлагая студенту читать его.

В ходе преподавания этого курса студентам предлагались художественные тексты для дополнительного чтения. Таких произведений шесть — два зарубежных (хронологически более старших) и четыре российских. Это последняя новелла Проспера Мериме «Локис» (в которой отразилось зарождение сравнительно-исторического языкознания и интерес к Литве как к стране архаичного «почти праязыка»), «Пигмалион» Бернарда Шоу (прототипами главного героя являются британские фонетисты соответствующей эпохи), «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» Вениамина Каверина («роман с ключом» из жизни русских формалистов), «Козлиная песнь» К. Вагинова (еще один петербургский текст 1920-х годов о гуманитариях), «В круге первом» А. Солженицына (как разворачивающаяся в шарашке «фонетическая линия», так и сюжет со Сталиным, сочиняющим «Марксизм и вопросы языкознания») и, наконец, «Попытка к бегству» Стругацких (благодаря которой широкие круги советской интеллигенции, не входившие в прямое соприкосновение с советской структурной лингвистикой, выучили выражение «структуральнейший лингвист» и вспоминают его подчас и в наше время). Это тексты разной степени известности: «Пигмалион» еще при жизни Шоу вошел даже в массовую культуру, «В круге первом» — недавняя, но классика, Вагинова или раннего Каверина знают ценители. Соответственно, в книге шесть глав, в которых разбираются эти шесть текстов² в свете языкознания своей эпохи; повествование перемежается экскурсами, пусть не всегда имеющими непосредственное отношение к анализируемому сочинению, но очень важными для анализа контекста.

Шесть художественных произведений — много это или мало? С одной стороны, разумеется, ряда важнейших звеньев истории языкознания здесь нет: заметная художественная литература, кажется, не воспела прямым образом ни Соссюра, ни Хомского (я сейчас не говорю о том, хорошо это или плохо); новелла Мериме отражает еще не вполне классический (шлейхеровский) этап сравнительно-исторического языкознания, а выступление Сталина против Марра сложно назвать содержательно примечательным. С другой стороны, значительная часть того, что можно связать в художественной литературе с лингвистикой,

² Строго говоря, их больше, поскольку в соответствующей главе разбирается не только «Козлиная песнь», но и другие вагиновские романы — «Труды и дни Свистоновы», «Бамбочада» и «Гарпагонна» (хотя «Песнь» все же преимущественно находится в фокусе внимания). Условимся, вслед за Е. В. Вельмезовой (с. 200), считать цикл романов Вагинова единым текстом.

не относится к реально существовавшим научным теориям. Соответствующие пассажи посвящены либо (мнимо) оригинальному теоретизированию, иногда небезынтересному самому по себе, либо экспериментам авторов и персонажей в области создания искусственных языков (Джойс, Набоков, Толкин, Бёрджесс и мн. др.) или любительских исторических построений (приведем в пример дискредитирующие Шерлока Холмса феерические занятия финикийско-кельтскими параллелями, упоминаемые в рассказе «Дьяволова нога» — и это во времена расцвета исторического языкознания!). Большой список таких произведений и сюжетов можно найти, например, на веб-странице М. Браунинг, посвященной англоязычной научной фантастике (<https://www.princeton.edu/~browning/sf.html>); тексты, навеянные конкретными теориями, в этом списке попадаются, но немногочисленны. Ближе, чем научная фантастика, к нашей теме могла бы быть западная традиция «академического» («университетского») романа; в ней показана и лингвистическая среда (например, норвежский роман Хелене Ури «Лучшие из нас» о генеративистах³), но и в этом случае законы жанра требуют концентрации внимания на интригах и личных конфликтах, а не научных теориях. Добавим, что бывают и случаи, когда лингвистическая проблематика художественного произведения продиктована языковой практикой определенного периода, но не теорией. Роман Оруэлла «1984», обычно включаемый в такие списки, отразил авторские размышления над коннотациями, над проблемой «язык и тоталитаризм», над языковой политикой, он является документом эпохи, но к истории лингвистических учений имеет мало отношения.

Собственно, литература и не обязана отражать прорывы в сравнительно близкой от нее, но, вообще говоря, достаточно сложной науке (как и в любой другой); она запечатлевает те моменты, когда лингвистика почему-либо становится модной в обществе и широко обсуждается. Поиск праязыка был в XIX в. примерно столь же интересен за пределами узкого круга «гелертеров», как и уже отчасти запоздалое структурное языкознание в советском обществе 1960-х: эти факты говорят больше об обществе («духе эпохи», с. 83), чем о теориях, хотя и позволяют взглянуть на теории с непривычной стороны. Меняется и общественный статус фигуры ученого-лингвиста. В литературе действуют не ходячие идеи, но их персонажи-носители, и все тексты, о которых идет речь, — это тексты об ученых. Как отмечает автор (см. заключение к книге), портреты лингвистов в анализируемых текстах, несмотря на существенные различия, в разной степени зависят от устойчивого романтического стереотипа «ученого чудака». Вообще, сквозным сюжетом книги является поиск прототипов таких персонажей: как правило, решение этой задачи неоднозначно, и часто герой «двоится», сочетая признаки разных реальных лингвистов. Историческая социология науки — неотъемлемая часть истории науки как таковой, что часто игнорируется в отечественной традиции, и исследование художественных произведений всегда было важнейшим средством выявления как массовых, так и элитарных представлений о научных теориях и их носителях.

И, конечно же, эти художественные произведения настоятельно нуждаются в профессиональном квалифицированном комментарии со стороны лингвиста: как правило, представления литературоведа и даже историка идей об истории языкознания неполны и неточны (вплоть до расхожего представления о Марре или марристах как просто о невинных жертвах сталинской критики). В этом отношении мимо книги Вельмезовой не должен пройти будущий комментатор или исследователь Каверина или Солженицына.

Анализируя новеллу Проспера Мериме «Локис», Вельмезова спорит с представлением об Августе Шлейхере как о единственном прототипе ее главного героя, профессора Виттен(м)бах — с ее точки зрения, это образ собирательный, вобравший в себя еще и черты санскритолога и мифолога Макса Мюллера, взгляды которого были вообще близки шлейхеровским. Ученый стилизатор (вспомним «Гузлу», введшую в заблуждение Пушкина), увлекавшийся лингвистикой и обсуждавший научные работы в своих письмах, Мериме

³ О том, насколько факультативно лингвистическое содержание для восприятия подобных текстов, говорит тот факт, что в русском переводе этого сочинения многократно повторяющееся в тексте ключевое понятие синтаксиса передано неправильно.

в своей последней новелле вводит в текст как конкретные лингвистические сведения, так и общие идеи немецкой науки середины XIX в. (дважды повторенное слово «закон»), разумеется, кое-что и передавая не вполне точно: например, он как будто бы смешивал санскрит с индоевропейским праязыком. Исследовательница говорит о том, как переводчик Михаил Кузмин изменил имя героя на «восстановленное» этимологически немецкое (*Wittentbach* на *Vumtenbach*; укажем прямую параллель такой ассимиляции во французском — франц. *Nuremberg* при нем. *Nürnberg*, ср. также названия Нюрнберга или Эдинбурга с *-mb-* на латыни и некоторых других языках). Нам также кажется, что «литовская» новелла Мериме могла бы заинтересовать Кузмина в связи с литовским происхождением его спутника жизни Юрия Юркуна (Иосифа Юркунаса) и общей слабой осведомленностью поэта в этой тематике: в одной из дневниковых записей он признавался, что не знает, чем литовец отличается от поляка.

Знаменитый «Пигмалион» Шоу в интересующем нас отношении напоминает новеллу Мериме — это произведение об ученом, совмещающем черты нескольких прототипов и занимающемся тем, что реально волновало самого Шоу (английская фонетика, реформа орфографии и «фонетический алфавит»); обширный автокомментарий, приложенный драматургом к пьесе, кое в чем упрощает, а кое в чем и усложняет работу исследователя, направляя ее по ложному пути. Выдающиеся британские фонетисты Дэниэл Джоунз и Генри Суит (как и их континентальные современники и коллеги, например, учитель Джоунза и Л. В. Щербы Поль Пасси) нечасто находят самостоятельное место в истории языкознания, тем не менее они были достаточно своеобразными практиками и теоретиками. В частности, именно Джоунз активно популяризировал термин «фонема» в современном значении (однако упоминаемое на с. 65—66 мнение, согласно которому Джоунз, в работе 1917 г., имеет здесь и прямой приоритет, нуждается в комментариях в связи с более широко известными данными об использовании этого слова у Крушевского, Бодуэна, Сеше и, наконец, в «Курсе общей лингвистики» Соссюра). Как уже выяснено биографами, Шоу сознательно мистифицирует читателя, называя Генри Суита основным прототипом профессора Хиггинса, в то время как уроки произношения, способствовавшие продвижению по социальной лестнице, давал как раз лично знакомый ему (но ни разу не упоминаемый в «Предисловии») Джоунз. Причина этого проста: прототип оскорбился своей сценической карикатурой, и потребовалось «Предисловие», отводящее от него все подозрения и переключаящее их на покойного Суита. Автор книги внимательно соотносит те или иные эпизоды текста Шоу с реальными научными биографиями британских фонетистов эпохи, обращая внимание и на не везде адекватную расстановку акцентов: как и Мериме, Шоу был дилетантом, причем еще и общественно активным. Е. В. Вельмезова подробно обсуждает развитие фонетики в Британии начала XX в. и ее связь с занимающим автора вопросом создания стенографической системы, а также другие обсуждающиеся в «Пигмалионе» черты «духа эпохи» (позитивистский «эксперимент», мода на международные искусственные языки).

«Скандалист...» Каверина — не произведение массовой культуры, это полный наметок роман «для своих». Он не раз привлекал внимание историков русского формализма. М. О. Чудакова и Е. А. Тоддес уже составили «ключ» к роману — работу о его прототипах; тем не менее лингвистический комментарий к этому произведению совершенно необходим. В центре романа конфликт между старой профессурой и молодым поколением ленинградских филологов-формалистов, поднимающих тост «против Академии!». Это наиболее насыщенное фигурами, именами и идеями лингвистов произведение из всех, разбираемых в книге Вельмезовой (а может быть, и в русской литературе вообще): здесь упоминаются, помимо прочих, такие нетривиальные авторы, как Бопп или Вандриес, а персонаж по имени Драгоманов⁴ списан с Е. Д. Поливанова, в уста которого несколько неожиданно вложены

⁴ Кажется, исследовательница нигде не комментирует семантику этой говорящей фамилии, подходящей востоковедам Поливанову и Марру: от *драгоман* 'переводчик с восточных языков'. (Фамилия *Драгоманов* существовала в действительности, ее носило известное семейство литераторов

идеи его (будущего) антагониста Н. Я. Марра. Каверин — единственный из шести авторов анализируемых сочинений профессиональный филолог; он испытал сильное влияние личности Поливанова и впоследствии много сделал для воскрешения памяти о нем и пропаганды его наследия. В роман, что уникально, включены целые развернутые вымышленные (псевдо)лингвистические тексты — «доклад» и «лекция» Драгоманова. Первый из них едко пародирует функционализм и социолингвистику 1920-х гг. в духе Якубинского и Винокура (идея «нормативного разделения человеческой речи на группы») и своей нечаянной сатирой напоминает известные антиутопии XX в. и «модель только одной потребности» Стругацких. Вторая — это невозможное у реального Поливанова изложение основных идей «нового учения о языке» (отрицание индоевропеистики, элементы и стадии, скрещение языков), поданных, похоже, всерьез и не без любования.

Далеко не все персонажи каверинского сочинения (и их прототипы) именно лингвисты: центральный герой романа Некрылов — это, как известно, Виктор Шкловский, да и его антагонисты, презрительно изображенные «закаменевшие над рукописями» специалисты «по минеям и палеям» (сейчас это неловко читать), тоже не занимаются языкознанием специально. Лингвистика — орудие в руках молодых героев-формалистов: они хотят ей заниматься не самой по себе, а «в теории литературы», открывать при ее помощи новые перспективы (как это исторически и было в деятельности МЛК и ОПОЯЗа). Самого Каверина тоже привлекали скорее революционность и наукообразие соответствующей составляющей формализма, чем конкретное содержание теорий, отсюда указанные автором (и ранее уже Чудаковой и Тоддесом) смещения перспективы и идей⁵; впрочем, Е. В. Вельмезова справедливо замечает, что к моменту создания романа Поливанов еще не вступал в прямой конфликт с Марром и в их идеях есть некоторое количество переключек. Кроме того, к моменту создания текста «Скандалиста» Каверин уже не «варился» в лингвистической среде и либо восстанавливал конкретные детали по памяти, либо уже воспринимал более свежие события со стороны.

Следующая глава посвящена циклу романов Константина Вагинова, изображающих, подобно каверинскому, ленинградских писателей и гуманитариев двадцатых годов, но уже второй их половины. Вагинов в этот период много общался с участниками «круга Бахтина», идеи которого отразились в его произведениях. Вагиновские персонажи-эрудиты интересуются не только философией, психологией и «литературной наукой», но и разными актуальными в 1920-е гг. аспектами языкознания. Наконец, Тептелкин, один из главных вагиновских чудачков, строит «иерархию смыслов», в которой Вельмезова видит прообраз семиотической системы. Жаль, что в списке литературы к этой главе нет книги В. М. Алпатов «Волошинов, Бахтин и лингвистика» [Алпатов 2005] — самого развернутого и квалифицированного высказывания о лингвистических идеях бахтинского круга.

Роман «В круге первом» Александра Солженицына переносит нас в гораздо более мрачный «круг», в малоплодотворные для лингвистики послевоенные годы. Символично, что научный поиск показан там как часть работы в шарашке арестованных инженеров над идентификацией голосов подозреваемых в государственной измене, а вторая лингвистическая сюжетная линия — это работа Сталина над «Марксизмом и вопросами языкознания». Кроме того, персонажи Солженицына (вслед за прототипами) обсуждают идеи Марра; филолог-маррист Рубин (Лев Копелев) ищет происхождение «всех слов всех языков» от слова «рука», а математик Нержин (разумеется, это сам Александр Исаевич), вооружившись словарем Даля, его ниспровергает. Глава содержит очень интересные рассуждения о создании

и общественных деятелей, один из которых — Петр Якимович, дед Леси Украинки — мог привлечь внимание Каверина-филолога, поскольку печатал стихи в альманахах пушкинской поры.)

⁵ Сюда же и подмеченное Е. В. Вельмезовой загадочное суждение Шкловского о том, что Бодуэн де Куртенэ, несмотря на свои таланты, «не написал книги», которую вместо него «написал Мей». Осторожно предположим, что Шкловский просто путает Мейе с Соссюром (последний, впрочем, тоже не то чтобы сам «написал» прославившую его книгу).

Сталинского «гениального труда» в сопоставлении с тем, как этот процесс показан у Солженицына, с детальным сличением текстов. Подробно анализируется акцентируемая Солженицыным этническая (грузинская, славянская и китайская) составляющая в дискуссии 1950 г., роль в ней А. С. Чикобава и других соотечественников Сталина, а также влияние великодержавных ориентиров на критику «космополитического» марризма; здесь активно привлекаются данные не только лингвистики и идеологии, но и политической истории послевоенных лет. Наконец, в главе кратко обсуждаются прикладные (лингвокриминалистические) исследования «видимой речи», или «фоноскопии», которыми заняты герои романа «В круге первом»; в обсуждаемый период они были почти полностью засекречены и стали заметным явлением лишь в 1960-е.

К 1960-м годам относится и повесть братьев Стругацких «Попытка к бегству», разбираемая в книге последней. В повести, написанной вскоре после появления Отделения структурной и прикладной лингвистики в МГУ, фигурирует персонаж-«структурнейший лингвист» Вадим, воспевающий себя в куплетах с соответствующим рефреном; впрочем, ничем особенно «структурным» Вадим больше не характеризуется, и авторы подают его в довольно эклектическом антураже — от гумбольдтовско-марристских взглядов на корреляцию общества со строем языка до чтения словарей. В главе реконструируется рецепция структурализма в СССР 1950-х — начала 1960-х гг., которая могла быть релевантной для Стругацких. После смерти Сталина и либерализации положения дел в лингвистике на страницах советских научных журналов начинаются (во многом, увы, запоздалые) «дискуссии о структурализме», существует и критика «структуралистских извращений» со стороны партийных ортодоксов и т. п.; все это касалось уже не только лингвистики и живо интересовало также техническую интеллигенцию (так как одной из основных целей структурного языкознания провозглашался машинный перевод). Кое-что из «духа времени» отразилось и в повести Стругацких, например алгоритм машинного перевода через «свертку разобщенных (?) структур», восходящий к грамматике трансформаций.

Монографию завершает краткий раздел с подведением итогов, обобщающим свойства проанализированных текстов; автор предполагает (в духе известной теории «петербургского текста» В. Н. Топорова) существование «лингвистического текста» в мировой (и русской) литературе. Эта мысль кажется очень важной и плодотворной, и, думается, методологию автора можно распространить также на тексты, в которых конкретные лингвистические идеи отражены не настолько ярко (частично о них уже речь шла выше).

К книге есть несколько общих (хотя и не принципиальных) замечаний. Во-первых, автор, как видно по ссылкам, хорошо знаком с современными зарубежными историями лингвистических учений, однако по общим вопросам ссылается преимущественно на отечественные работы (книги Рождественского и соавторов, Кондрашова, Звегинцева, Алпатова); думается, современный российский читатель в таком ограничении не нуждается. Фундированность исследования «Локиса», с многочисленными цитатами из Шлейхера и Мюллера, подкрепило бы указание на конкретные французские термины, которые использует Мериме; разумеется, Вельмезова использует все тексты в оригинале, но в случае наличия перевода цитирует только по-русски. В разделе о «Пигмалионе», как и в предыдущем, не хватает цитат из оригиналов. Например, междометия Элизы Дулитл, подробно выписанные на с. 67—68, информативны только с точки зрения того, какие (русские) междометия переводчицы П. В. Мелкова и Н. Л. Рахманова считают уместными для русского читателя; в оригинале Элизин рефрен «Аааааah-ow-oooh», по крайней мере на первый взгляд, во всех случаях выглядит менее разнообразно и за ним наверняка стоит вполне конкретный звуковой образ. Не менее интересным для фонетической практики Шоу кажется и запись ее собственно речевых звуков, которую, как отмечает драматург, «за пределами Лондона» передать нельзя, чего переводчицы, конечно, и не пытаются сделать: *Wal, fewd dan y' de-ooty bawmz a mather should, eed now bettern to spawl a pore gel's flahrzn than ran awy athaht pyin* (= *Well, if you'd done your duty by him as a mother should, he'd know better than to spoil a poor girl's flowers then run away without paying*). (А вот название работы Джоунза *Dhe fonetik aspekt ov speling*

reform автор приводит в оригинале, и это удачно — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.) Может быть, в ряде случаев стоило бы сократить цитаты: не везде тот объем, в котором цитируются научные (например, советские литературоведческие) или художественные тексты, оправдан логикой изложения, в ряде случаев уместно их сжато пересказать и дать ссылку.

В целом рецензируемая книга представляет собой замечательный цикл «case studies» того, как ключевые идеи и сюжеты науки преломляются в культуре в целом. Существуют подобные исследования, связанные с историей, например, книга А. А. Формозова [2012] об исторической проблематике и «древностях» у русских классиков; большой интерес антропологов привлекают, например, биологические и медицинские представления, отразившиеся в литературе. Лингвистика чем-то похожа на медицину и историю — это область, в которой всякий стремится иметь собственное мнение, не будучи профессионалом. Вместе с тем меняющийся научный дискурс и научная мода существенно влияют даже на такие мнения; кроме того, писатель может и сам более или менее серьезно увлекаться лингвистической наукой, пусть подчас и на любительском уровне. Екатерина Вельмезова отлично справилась как с прикладной задачей сделать сухой предмет увлекательным для студентов, так и с серьезной проблемой отражения научного знания в культуре. Как историки языкознания, так и историки литературы найдут в этой книге множество ценного для себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin, and linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Формозов 2012 — Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. Изд. 2-е. М.: Гриф и К, 2012. [Formozov A. A. *Klassiki russkoi literatury i istoricheskaya nauka* [Classical Russian writers and the historical science]. 2nd ed. Moscow: Grif i K, 2012.]
- Velmezova 2007 — Velmezova E. *Les lois du sens: la sémantique marriste*. Bern: Peter Lang, 2007.

Подписано к печати 13.12.2016   Дата выхода в свет 24.02.2017

Формат 70×100%   Цифровая печать   Усл. печ. л. 13,0   Усл. кр.-отт. 5,3 тыс.

Уч.-изд. л. 15,5   Бум. л. 5,0   Тираж 404 экз.   Зак. 1032

Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.

в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

У ч р е д и т е л ь: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6